

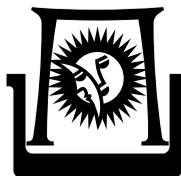

НАЦЫЯНАЛЬНЫ
ПОЛАЦКІ
МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК

Матэрыялы
навукова-практычнай
канферэнцыі

2019

Навукова-даследчая і асветная ўстанова культуры
«Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік»

НАЦЫЯНАЛЬНЫ
ПОЛАЦКІ
МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК

МАТЭРЫЯЛЫ
НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ

*(па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў
Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага
музея-запаведніка ў 2019 г.)*

Полацк, 26—27 лютага 2020 года

Мінск
«Медысонт»
2020

УДК 069:[94+008](476.5-21Полацк)(082)

ББК 79.1(4Беи)я43

М35

Друкуецца па рашэнні навукова-метадычнай рады
Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка

Укладальнік:

намеснік дырэктара па навуковай рабоце *Т. У. Явіч*

Навуковы рэдактар:

кандыдат культуралогіі *Т. А. Джумантаева*

Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі : (па выніках
М35 навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага
гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч ;
наук. рэд. Т. А. Джумантаева. — Мінск : Медысонт, 2020. — 228 с.

ISBN 978-985-7261-27-7.

У зборніку прадстаўлены артыкулы ўдзельнікаў канферэнцыі, у якіх знайшлі
адлюстраванне пытанні гісторыі і культуры Полаччыны, актуальныя праблемы
музейнай дзейнасці.

Выданне адрасуецца музейным спецыялістам, гісторыкам, культурологам.

УДК 069:[94+008](476.5-21Полацк)(082)

ББК 79.1(4Беи)я43

ISBN 978-985-7261-27-7

© Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны
музей-запаведнік, 2020
© Афармленне. ТАА «Медысонт», 2020

ЗМЕСТ

<i>Авчинникова Ю. А.</i> Застройка исторического центра г. Полоцка в первой половине 20-х гг. XX в. по материалам муниципализации жилого фонда (территория Верхнего замка, ул. Рижская, ул. Л. Толстого)	5
<i>Андреева Н. А.</i> Образовательная деятельность музея: к вопросу о понятийном аппарате	21
<i>Аниськович М. М.</i> Начальные и средние учебные заведения г. Полоцка в 1930-е гг.	31
<i>Анучына Н. У.</i> Да пытання класіфікацыі інскрыптаў (на матэрыяле беларускіх выданняў 1918—2018 гг. з фондаў НПКМЗ)	46
<i>Ашуева В. Я.</i> Актualізацыя літаратурнай спадчыны пісьменнікаў Заходняй Беларусі ў экспазіцыйна-выставачнай дзейнасці Музея беларускага кнігадрукавання	52
<i>Воднева И. П.</i> Книга отзывов как инструмент формирования имиджа краеведческого музея	66
<i>Гаўрылава С. В.</i> Музейная экспазіцыя як мадэль рэчаіснасці, яе прасторава-часавая арганізацыя і актуальнасць	72
<i>Головырина О. Д.</i> Литургические предметы в собрании Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника	82
<i>Гриб Е. П.</i> Полоцкий мясокомбинат: история и деятельность. 1944—1990 гг.	94
<i>Каминский С. А.</i> История Полоцкого комбината строительных материалов в 1970—1990-е гг. (по материалам Зонального государственного архива г. Полоцка)	107
<i>Кашкур Дз. А.</i> Выдавецкая справа ў Полацку (1917—1944 гг.)	116
<i>Ключников А. А.</i> Борьба с браконьерством на территории Витебской губернии в первые годы советской власти	131

<i>Копыл С. П.</i> Бои 4-й Ударной армии за станцию Дретунь с ноября 1943 г. по март 1944 г.: к 75-летию освобождения Полотчины от немецко-фашистских захватчиков	138
<i>Магалінскі І. У.</i> Унікальная ліцейная форма XVII ст. са збораў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка	150
<i>Нарейко К. А.</i> Деятельность подпольно-патриотической группы «АСЯ» в годы нацистской оккупации в г. Полоцке	155
<i>Рудаков П. С.</i> Организация материально-технического снабжения партизанских бригад Полоцко-Лепельской партизанской зоны в 1943—1944 гг.	168
<i>Сверж С. А.</i> Деятельность охотничьих хозяйств Полотчины в 40—60 гг. XX века (по материалам Зонального государственного архива в г. Полоцке)	178
<i>Смирнова Т. Р.</i> Партнёрский проект «Чтобы помнили...» как инновационная музейная педагогическая технология	185
<i>Смирнова Т. Р.</i> Приобщение к книге детей дошкольного возраста: опыт реализации совместной проектной деятельности Детского музея и дошкольного учреждения (на базе экспозиции «Путешествие с книжной закладкой»)	192
<i>Соловьёв А. А.</i> Итоги археологического изучения культурного слоя на территории внутреннего двора дома № 13 по ул. Коммунистической в г. Полоцке в 2003—2004 гг.	199
<i>Філімонава В. А.</i> Палоніка XIX ст. у фондах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка	212
<i>Явич Т. В.</i> К вопросу об утраченном художественном наследии Полоцка. Чудотворный образ Богоматери Полоцкой	220

**ЗАСТРОЙКА ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА
Г. ПОЛОЦКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГГ.
XX В. ПО МАТЕРИАЛАМ МУНИЦИПАЛИЗАЦИИ
ЖИЛОГО ФОНДА (ТЕРРИТОРИЯ ВЕРХНЕГО
ЗАМКА, УЛ. РИЖСКАЯ, УЛ. Л. ТОЛСТОГО)***

Авчинникова Юлия Александровна

магистр исторических наук,

заведующий научно-реставрационным отделом НПИКМЗ

Одним из немногочисленных источников, отражающих градостроительную ситуацию, сложившуюся в г. Полоцке в 20—30-е гг. XX в., являются отчётные документы коммунального отдела Полоцкого уездного исполнительного комитета, составленные в ходе реализации мероприятий советского правительства по муниципализации жилого фонда. Анализ муниципализованных объектов застройки территории Верхнего замка, ул. Рижской, ул. Л. Толстого представлен в данной статье.

Ключевые слова: Полоцк, 20—30-е гг. XX в., муниципализация, городская застройка, градостроительная ситуация, здания, дома.

Для цитирования: Авчинникова, Ю. А. *Застройка исторического центра г. Полоцка в первой половине 20-х гг. XX в. по материалам муниципализации жилого фонда (территория Верхнего замка, ул. Рижская, ул. Л. Толстого) / Ю. А. Авчинникова // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысонт, 2020.— С. 5—20.*

Уличная сеть, охватывавшая в начале 20-х гг. XX в. большую часть территории Полоцкого Верхнего замка, Нижний замок и примыкающие к ним кварталы, включала:

— ул. Софийскую (в настоящее время улица не существует), она брала начало от ул. Замковой и проходила по западной границе так называемого Чёрного ручья, далее — по территории, прилегающей к Софийскому собору (вдоль восточного фасада), вплоть до пересечения с ул. Замковой

* начало см. Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў НПИКМЗ у 2017 г.) / уклад. Т. У. Явіч.— Мінск: Медысонт, 2019.— 212 с.

в районе лечебного корпуса больницы (современное здание № 15 по ул. Замковой) [12];

— ул. Замковую (в 1923 г. именовалась Верхней Замковой [7, л. 16], с середины 1920-х гг. до 1946 г.— ул. Замковая [5, л. 185—189], затем некоторое время носила название — «Скориновская» [2, с. 46], после переименования 17 октября 1956 г. ул. Пролетарской в ул. Скориновскую [5, л. 86] бывшая ул. Замковая с 30 октября 1957 г. стала именоваться Больничным переулком [5, л. 115]. В соответствии с решением Полоцкого городского совета депутатов № 336 от 18 октября 1963 г. часть ул. Советской от площади Свободы до зданий больницы на Верхнем замке получила название — ул. Замковый проезд [5, л. 36];

— пер. Генеральский (в настоящее время переулок не существует), его трассировка проходила по северной границе также не существующего ныне квартала, располагавшегося на пресечении современной ул. Нижне-Покровской с ул. Стрелецкой;

— ул. Стрелецкую (с 19 января 1938 г.— переименована в ул. М. Горького [3], решением Полоцкого городского совета депутатов № 171 от 21 сентября 1989 г. улице возвращено историческое название «Стрелецкая» [2, с. 288];

— пер. Стрелецкий (с 19 января 1938 г. переименован в пер. М. Горького, носит это название и в настоящее время) [3, л. 13];

— пер. Тупой (на сегодняшний день переулок не существует), находился в районе расположения современного стадиона «Спартак» (ул. Стрелецкая, 10а). С 14 декабря 1946 г. переулок был переименован в ул. Я. Коласа [5, л. 185], в конце 50-х — начале 60-х гг. XX в. эта улица была ликвидирована в ходе строительства стадиона [2, с. 53];

— ул. Речную (пер. Речной) в настоящее время — 1-й пер. М. Горького;

— часть ул. Спасской и пер. Спасский (с 7 декабря 1919 г. улица переименована в ул. Советскую, в настоящее время — часть ул. Замковый проезд).

Анализ данных отчётных списков муниципализации жилого фонда по указанным улицам показывает, что количество домов, национализированных здесь до 1923—24 гг. было невелико — 14 единиц [8, л. 109—109 об.; 9, л. 441—454]. Ситуация объясняется преобладанием на территории Верхнего и Нижнего замков, а также соседних кварталов частной деревянной жилой застройки. Домовладения такого типа по законодательству в основном оставались за бывшими собственниками, исключение составляли случаи, когда площадь дома значительно превышала установленный лимит в 24—25 кв. саженей (около 113,7 кв. м) или он был отнесён к категории бесхозяйственно содержащегося и/или используемого не по жилому назначе-

нию. При наличии в собственности гражданина свыше одного индивидуального жилого дома (квартиры), вся дополнительная жилплощадь также подлежала национализации [1].

Следует отметить, что именно категория «бесхозяйственно используемый объект» являлась наиболее распространённым основанием для муниципализации жилых домов как на территории Верхнего замка, так и в целом в районах индивидуальной жилой застройки г. Полоцка [8, л. 109—109 об.; 9, л. 441—454]. Бесхозяйственное содержание и использование строений являлись, согласно разъяснению Президиума ВЦИК от 14 мая 1923 г., бессрочным основанием к муниципализации строений, в то время как перевод недвижимости в коммунальную собственность по другим основаниям (местные постановления о муниципализации, фактическое изъятие строения, занятие госучреждением) был ограничен предельным сроком 22 мая 1922 г. в соответствии с действовавшим Гражданским кодексом [4].

Согласно Положению об управлении домами, жилищным отделам предписывалось осуществлять планомерный контроль над использованием и содержанием всего жилого фонда. Не допускалось наличие неисправности строений, которое могло повлечь за собой разрушение дома, а также использование жилых помещений не по прямому назначению (под склады, торговые, производственные помещения и др.), в случае выявления бесхозяйственного или нецелевого использования домовладений коммунальные отделы имели право незамедлительно представлять их к муниципализации [4].

При наличии указанных нарушений представители коммунальных служб составляли соответствующий акт осмотра в присутствии владельца дома. На основании акта городским коммунальным отделом направлялось письменное извещение домовладельцу о необходимости приведения здания в пригодное для жилья состояние с указанием срока выполнения работ (не более одного строительного сезона). В случае невыполнения ремонта в срок, дом представлялся к муниципализации как бесхозяйственно содержимый. Производилось повторное комиссионное обследование домовладения органами строительного надзора, по результатам составлялся акт, на основании которого коммунальный отдел передавал документы в суд для принятия решения об отчуждении недвижимости в пользу города [4].

Большинство муниципализированных зданий в районе Верхнего замка представляли собой деревянные жилые дома с надворными постройками и флигелями. Площадь домов варьировалась от 31,5 кв. м до 363 кв. м, средний показатель составлял — 137,9 кв. м [8, л. 109—109 об.;

9, л. 441—454]. В ряду немногочисленных каменных зданий, вошедших в перечень муниципализированных, можно отметить:

по ул. *Замковой*:

— дом № 11 — комплекс зданий Нарбольницы (включал один трёхэтажный каменный корпус так называемой «красной больницы» (современный дом № 15 по ул. Замковой) и два двухэтажных каменных здания, одно из которых — предположительно современный дом № 12 по ул. Замковой (здание бывшего «провиантского магазина»);

по *Генеральскому переулку*:

— дом № 7а — двухэтажное каменное здание бывшего реального училища (в начале XX в.— наёмный дом Голаевского) — современное здание № 5 по ул. Стрелецкой [11, с. 26]. Согласно отчётным спискам муниципализации, в 1924 г. в доме размещалась воинская часть. Примечательно, что национализации подлежал и соседний одноэтажный деревянный дом № 7 с флигелем, также принадлежавший «наследнику Александру Игнатьевичу Голаевскому»;

по ул. *Стрелецкой и пер. Стрелецкому* национализировалось семь зданий, из них два каменных:

— дом № 8 — двухэтажный дом с подвалом и одноэтажным каменным флигелем (предположительно находился в районе современных домов №№ 7, 9 по ул. Стрелецкой);

— дом № 12 — небольшой двухэтажный дом, принадлежал собственнику Цинциперу, в 1923—24 гг. использовался под частное жильё (предположительно находился в районе современных домов №№ 7, 9 по ул. Стрелецкой) [8, л. 109—109 об.; 9, л. 441—454].

Улица Рижская (с 9 января 1926 г.— ул. Фрунзе, с 1992 г. переименована в ул. Евфросинии Полоцкой) пересекала площадь Свободы и завершалась зданием корпуса францисканского монастыря (современная ул. Нижне-Покровская, д. 20) [10, л. 93].

Рижский переулок (в настоящее время не существует) предположительно находился рядом с комплексом утраченного доминиканского костёла и кляштора, в районе квартала, ограниченного северной стороной современной площади Свободы, ул. Евфросинии Полоцкой и участком современной ул. Коммунистической.

По ул. *Рижской и Рижскому пер.* было муниципализировано 15 объектов, преимущественно это крупные каменные двухэтажные дома площадью от 641 до 131 кв. м, средняя площадь зданий составляла 321 кв. м [8, л. 109—109 об.; 9, л. 441—454].

В числе домов по ул. Рижской и пер. Рижскому, вошедших в списки национализированной недвижимости в 1923—24 гг., можно отметить:

— дом № 2 (в настоящее время не существует) — каменное двухэтажное здание, располагалось предположительно на участке между современными домами № 1 и № 3 по ул. Евфросинии Полоцкой, в районе здания ЦБУ ОАО «ПриорБанк» по ул. Евфросинии Полоцкой 1а;

— дом № 2а — также двухэтажное крупное каменное здание с деревянными надворными постройками — современный дом № 1 по ул. Евфросинии Полоцкой. Согласно спискам муниципализации жилого фонда, в 1924 г. здание использовалось в качестве общежития пожарной службы;

— дом № (?) (вероятно, в настоящее время не существует) — каменный двухэтажный дом, предположительно располагался на участке между современными домами № 5 и № 7 по ул. Евфросинии Полоцкой, в 1924 г. здание находилось в ведении УЗУ;

— дом № 30 (в настоящее время не существует) — 1-этажный корпус бывших еврейских бань, известных до 1918 г. как «бани Русоника» [2, с. 270], в 1923—24 гг. здание также выполняло функции городской общественной бани, располагалось на левом берегу р. Полота у Красного моста;

— комплекс одноэтажных каменных и деревянных построек, где с начала XX в. до 1930-х гг. располагалась городская скотобойня, а затем до конца 1940-х гг. — Полоцкий мясокомбинат. Здания находились в районе территории современного ясли-сада № 2 по ул. Евфросинии Полоцкой, д. 19;

— дом № 7 (по пер. Рижскому) — 1-этажный каменный дом с мезонином и надворными постройками, располагался предположительно вблизи здания доминиканского костёла, в дореволюционный период дом принадлежал римско-католической общине, в 1924 г. в нём располагалась польская школа [8, л. 109—109 об.; 9, л. 441—454].

Немногочисленные муниципализированные деревянные дома по ул. Рижской и пер. Рижскому преимущественно приспособлялись под жильё для рабочих и служащих.

Улица Л. Толстого (в настоящее время не существует), её трассировка пролегла через главную площадь города — площадь Свободы к р. Зап. Двина между Богоявленским монастырём и кляштором францисканцев. По свидетельству краеведа И. П. Дейниса, некоторое время улица носила название — «Воскресенская» (возможно, во второй половине XIX в.), в 1910 г. — улица фигурирует как «Пробойная», а в 1913 г. она уже носила название ул. графа Льва Толстого (возможно улица Пробойная была переименована в период между 1910 г. и 1913 г. в память о писателе Л. Н. Толстом, скончавшемся в ноябре 1910 г.). В картографических материалах 1918 г. улица также фигурирует как «графа Толстого» [2, с. 288; 11, с. 22—23; 6; 12].

По ул. Толстого в 1924 г. было муниципализировано 5 зданий, 4 из них — это достаточно крупные каменные строения:

— дом № 3 и дом № 5 — двухэтажные каменные здания, предположительно находились на участке между современной ул. Нижне-Покровской и Верхне-Покровской (с 1919 г. до конца 20-х гг. XX в.— ул. Троцкого, с начала 30-х гг. XX в. до 1941 г.— ул. Орджоникидзе, с 1946 г.— южная сторона ул. К. Маркса, с 2009 г.— южная сторона проспекта Ф. Скорины). Согласно спискам муниципализации жилого фонда, в 1924 г. дом № 5 использовался 9 (10) батальоном ГПУ.

— 2-х этажный каменный дом № (?) — здание ранее принадлежало городской управе, а в 1923 г. в нём располагалось пожарное депо (вероятно, здание являлось бывшим келейным корпусом кляштора доминиканцев).

— дом № 7 — 1-этажный каменный дом (использовался 9(10) батальоном ГПУ), находился предположительно напротив пожарного депо (келейного корпуса доминиканского кляштора) [8, л. 109—109 об.; 9, л. 441—454].

В целом следует отметить, что муниципализация жилищного фонда в БССР была завершена к 1926 г., окончательное юридическое оформление государственного фонда — к 1929 г. Всего в Советской Беларуси подверглось обобществлению около 5 тыс. домовладений общей жилой площадью 1 365 тыс. кв. м из них в городах — 1 092 тыс. кв. м. Муниципализированный государственный сектор составил более 35% жилищного фонда страны [1, с. 107].

Мероприятия советского правительства по обобществлению фонда жилья стали важным фактором проведения дополнительного учёта зданий и строений на территории г. Полоцка. Сформированная отчётная документация даёт ценный материал для изучения застройки большинства улиц города, позволяет определить соотношение каменных и деревянных зданий, их размеры и техническое состояние, а также в некоторых случаях проследить изменения в функциональном назначении городских объектов, которые имели место в первой половине 1920-х гг. Рассмотренные в рамках данной работы улицы исторического центра г. Полоцка являются одним из этапов в изучении городской застройки по указанным отчётным документам коммунального отдела Полоцкого уездного исполнительного комитета 1923—1924 гг.

Список литературы и источников

1. Бураков, В. Н. Муниципализация жилищного фонда в БССР (1919—1929) / В. Н. Бураков // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки.— 2013.— № 9.— С. 106—109.
2. Дэйніс, І. П. Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс.— Мінск: Медисонт, 2007.— 330 с.
3. Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 1186.— Оп. 1.— Д. 210.— Л. 13.
4. Инструкция НКВД и НКЮ РСФСР 23 октября 1923 г. № 226 По применению П. 5 Разъяснения президиума ВЦИК от 14 мая 1923 г. «О муниципализации строений» // [Электронный ресурс].— 2019.— Режим доступа: <http://istmat.info/node/23889>.— Дата доступа 20.10.2019.
5. Полоцкий городской Совет депутатов. Полоцкий городской исполнительный комитет и его структурные подразделения // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 658.— Оп. 1.— Д. 24.— Л. 185—189; Д. 175.— Л. 86; Д. 321.— Л. 115; Д. 331.— Л. 36.
6. Полоцкий листок.— 1913.— 17 ноября.— № 10.— С. 1.
7. Постановления Полоцкого уездного исполнительного комитета и уездного финотдела // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 51.— Оп. 1.— Д. 137.— Л. 16.
8. Протокол заседаний Полоцкого уездного исполнительного комитета (уисполкома), крестьянского комитета, общественной взаимопомощи (УККОВ), комиссии по организации школы крестьянской молодёжи в округе, месячные отчёты по работе общего отдела. Уисполкома и других учреждений и организаций // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 104.— Оп. 1.— Д. 1.— Т. 1.— Л. 109—109 об.
9. Протокол заседаний Полоцкого уездного исполнительного комитета (уисполкома), крестьянского комитета, общественной взаимопомощи (УККОВ), комиссии по организации школы крестьянской молодёжи в округе, месячные отчёты по работе общего отдела. Уисполкома и других учреждений и организаций // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 104.— Оп. 1.— Д. 1.— Т. 2.— Л. 441—454.
10. Протокол заседания президиума Полоцкого окружного исполкома от 09.01.1926 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 107.— Оп. 1.— Д. 114.— Л. 93.
11. Путеводитель по городу Полоцку 1910 года: К торжеству перенесения мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, из г. Киева в г. Полоцк / сост., примеч. и вступ. ст. Л. Ф. Данько, А. И. Судник.— Полоцк: А. И. Судник, 2006.— 48 с.: ил.
12. Stadtplan von Polozk 1918 г. КП6-2828/17.

Приложение.

Списки муниципализированных зданий и строений г. Полоцка 1923—1924 гг. *

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м.)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении коммунального отдела исполкома	Основания для муниципализации
ул. Стрелецкая						
8	2-этажный каменный дом с подвалом; 1-этажный каменный флигель	69,36 кв. саж. / 315,7 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
12	2-этажный каменный дом	28,40 кв. саж. / 129,2 кв. м	Цинципер	частное жильё	с 1918 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозный объект)
16	1-этажный деревянный дом; 1-этажный деревянный флигель; надворные постройки (деревянный сарай)	79,94 кв. саж. / 363,9 кв. м	Гельдер Павел Иосифович	жильё для служащих и родственников бывших владельцев	с 1923 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозный объект)

* таблица составлена по материалам Зонального государственного архива в г. Полоцке: Фонд 104.— Оп. 1.— Д. 1.— Т. 1.— Л. 109—109 об.; Фонд 104.— Оп. 1.— Д. 1.— Т. 2.— Л. 441—454.

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. саженей / кв. м.)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципальной	Как использовался объект на момент проведения муниципальной	С какого времени объект находится в ведении коммунального отдела исполкома	Основания для муниципальной
17	1-этажный деревянный дом с подвалом; надворные постройки (деревянный сарай)	34,62 кв. саж. / 157,5 кв. м	—	ветотдел	с 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
23	1-этажный деревянный дом	12,20 кв. саж. / 55,5 кв. м	Пальчевская Анна Феликсовна	жильё для служащих	с 1921 г.	За домовладельцами закреплён каменный 1-этажный дом, данный дом экспл. коммун. службами с 10.1921 г.
42	1-этажный деревянный дом; надворные постройки (деревянный сарай)	20,00 кв. саж. / 91,04 кв. м	Ав(н)кин Лейзер Хаймович	жильё для служащих	с 1922 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
Стрелецкий переулок						
7	1-этажный деревянный дом	14,00 кв. саж. / 63,7 кв. м	Попова Людмила Аполлинарьевна	жильё для служащих	с 1923 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м.)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципальной	Как использовался объект на момент проведения муниципальной	С какого времени объект находится в ведении коммунального отдела исполкома	Основания для муниципальной
<i>Верхний замок</i>						
11	3-этажное каменное здание с подвалом; два 2-этажных каменных здания; два деревянных 1-этажных здания; надворные хозяйственные постройки (три деревянных сарая)	500 куб. саж.	—	набольница	—	—
<i>ул. Замковая</i>						
5	1-этажный деревянный дом	22,80 кв. саж. / 103,7 кв. м	Голощапова Мария Александровна	жильё для служащих	с 1921 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
11	2-этажный каменный дом	144,20 кв. саж. / 656,4 кв. м	Городское общественное самоуправление	здание нежилое	с 1918 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м.)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципальной	Как использовался объект на момент проведения муниципальной	С какого времени объект находится в ведении коммунального отдела исполкома	Основания для муниципальной
<i>Тупой переулок</i>						
3	1-этажный деревянный дом; 1-этажный деревянный флигель; надворные постройки (деревянный сарай)	6,94 кв. саж. / 31,5 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
11	1-этажный деревянный дом; три 1-этажных деревянных флигеля	54,00 кв. саж. / 245,8 кв. м	Франц Родзевич	жильё для служащих	с 1921 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
<i>Генеральский переулок</i>						
7	1-этажный деревянный дом; 1-этажный деревянный флигель	27,66 кв. саж. / 125,9 кв. м	Наследник — Голаевский Александр Игнатьевич	жильё для служащих	с 1921 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
7а	2-этажный каменный дом; 1-этажный флигель	288 куб. саж.	—	воинская часть	—	—

Приложение.

ул. Рижская							
№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м.)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении коммунального отдела исполкома	Основания для муниципализации	
2	2-этажный каменный дом	40,39 кв. саж. / 183,8 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9	
2а	2-этажный каменный дом; надворные постройки (деревянный сарай)	141 кв. саж. / 641,8 кв. м	—	общежитие пожарной службы	—	—	
19	1-этажный деревянный дом	6 кв. саж. / 27,5 кв. м	Ехилевский Абрам	жильё для рабочих	с 1923 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)	
23	1-этажный деревянный дом; 1-этажный деревянный флигель; надворные постройки (деревянный сарай)	28,80 кв. саж. / 131,1 кв. м	Бенецкий Викентий Иванович	жильё для служащих	с 1923 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)	

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м.)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении коммунального отдела исполкома	Основания для муниципализации
30	1-этажный каменный корпус	—	—	городская баня	с 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
36	1-этажный деревянный дом; 1-этажный деревянный флигель; надворные постройки (деревянные сараи)	26,76 кв. саж. / 121,8 кв. м	Немиро София Ивановна	жильё для служащих	с 1922 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
38	1-этажный деревянный дом (ветхий)	7,55 кв. саж. / 33,4 кв. м	Кузмицкая Анастасия Егоровна	жильё для служащих	с 1923 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
82	1-этажный деревянный дом; надворные постройки (деревянные сараи)	19,45 кв. саж. / 88,5 кв. м	—	жильё для служащих	с 1923 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м.)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении коммунального отдела исполкома	Основания для муниципализации
?	2-этажный каменный дом	30,56 кв. саж. / 139,11 кв. м	—	здание в ведении УЗУ	с 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКУ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
?	два каменных 1-этажных дома; 1-этажный деревянный дом; надворные постройки (деревянный сарай)	196, 4 кв. саж. / 894 кв. м; 13,8 кв. саж. / 62,82 кв. м	здание бывшего городского самоуправления	скотобойня	с 1918 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
<i>Пересечение Невельского тракта и ул. Рижской</i>						
?	1-этажный деревянный дом; надворные постройки (деревянный сарай)	16,53 кв. саж. / 74,5 кв. м	Минкович	—	с 1922 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
<i>Рижский переулок</i>						
7	1-этажный каменный дом с мезонином; надворные постройки	30,56 кв. саж. / 139,1 кв. м	Римско-католическая община	польская школа	с 1919 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м.)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении коммунального отдела уисполкома	Основания для муниципализации
6	1-этажный деревянный дом с жилым подвалом	12,00 кв. саж. / 54,6 кв. м	Станкевич Мария Антоновна	жильё для служащих	с 1922 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
	1-этажный деревянный дом (ветхий)	9,00 кв. саж. / 40,9 кв. м	—	жильё для рабочих	с 1923 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
<i>ул. Льва Толстого</i>						
3	2-этажный каменный дом	88,36 кв. саж. / 402,2 кв. м	—	—	с 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9
5	2-этажный каменный дом	279,7 куб. саж.	—	здание 9 батальона ППУ	—	—
7	1-этажный каменный дом	18,36 куб. саж.	—	здание 9 батальона ППУ	с 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9

Приложение.

№ дома	Тип здания	Площадь здания (кв. сажень / кв. м.)	ФИО бывшего владельца здания / наименование учреждения до муниципализации	Как использовался объект на момент проведения муниципализации	С какого времени объект находится в ведении коммунального отдела исполкома	Основания для муниципализации
10	1-этажный деревянный дом с жилым подвалом	38,61 кв. саж. / 175,7 кв. м	Гласко Мария Иосифовна	жильё для служащих	с 1921 г.	Распор. ВЦИК от 14 мая 1923 г. п. 4 (бесхозяйственный объект)
?	2-этажный каменный дом; надворные постройки (два деревянных сарая)	260 кв. саж. / 1 183,5 кв. м	здание ранее принадлежало городской управе	пожарное депо	с 1923 г.	Муниципализация утверждена ГУКХ РСФСР от 11 января 1923 г. № 20288/9

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЯ: К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ

Андреева Наталья Александровна
заведующий Детским музеем — филиалом НПИКМЗ

В работе рассматриваются некоторые терминологические вопросы, связанные с образовательной деятельностью музеев. Источниковой базой представленной работы являются статьи, посвящённые отдельным аспектам образовательной деятельности музеев: научно-практической деятельности музеев (Л. М. Шляхтина, Е. Н. Мастеница, Т. П. Мышева), музейно-педагогической теории и практике (Б. А. Столяров, О. С. Сапанжа, М. Ю. Юхневич), теории музейной коммуникации (М. Ю. Кряжевских, О. С. Сапанжа), современным педагогическим теориям образования (А. М. Новиков, Е. А. Савченко).

Ключевые слова: музеологическая терминология, культурно-образовательная деятельность, образовательная деятельность в музее, образование в музее, педагогическая деятельность в музее, музейное образование, музейная педагогика, музейно-педагогические программы, коммуникативность, коммуникационность.

Для цитирования: Андреева, Н. А. Образовательная деятельность музея: к вопросу о понятийном аппарате / Н. А. Андреева // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (на выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысон, 2020.— С. 21—30.

Любые справочные издания, в том числе и музееведческие, должны отражать современное состояние науки, и в то же время такие издания не должны отставать от практики, поскольку любая терминологическая проблема связана с практической деятельностью. Отметим, что в современных условиях проблема формирования единой музеологической терминологии остаётся актуальной.

Попытки создать единый музееведческий словарь были предприняты комитетом по музеологии ICOFOMом (организован при Международном совете музеев в 1970-е гг.) ещё в 1980-е гг. Тогда появился международный «Музеологический словарь», изданный на 20 языках. Однако требовалась серьёзная доработка упомянутого словаря. И в 1993 году рабочая группа, состоящая из ведущих музееведов разных стран, продолжила работу над этим

проектом. Практическим результатом должен был стать сборник «Базовые понятия музеологии», но работа не была завершена из-за отсутствия финансирования [4].

Результатом работы российских ученых в области музеологической терминологии стали «Терминологические словари» (1974—1986 гг.), «Российская музейная энциклопедия» (2001 г.) и «Словарь актуальных музейных терминов» (2009 г.).

В представленной работе рассматриваются некоторые терминологические вопросы, относящиеся к образовательной деятельности музея, которая с течением времени видоизменяется, получает новое наполнение и, соответственно, требует чёткости в использовании понятийного аппарата.

Источниковой базой работы являются статьи, посвящённые отдельным аспектам образовательной деятельности музеев: научно-практической деятельности музеев (Л. М. Шляхтина, Е. Н. Мастеница, Т. П. Мышева), музейно-педагогической теории и практике (Б. А. Столяров, О. С. Сапанжа, М. Ю. Юхневич), теории музейной коммуникации (М. Ю. Кряжевских, О. С. Сапанжа), современным педагогическим теориям образования (А. М. Новиков, Е. А. Савченко).

В России взгляд на музей как на образовательную ценность формировался на протяжении длительного времени. За точку отсчёта берётся 1714 год, год открытия Кунсткамеры, которая создавалась Петром I в том числе и с целью обучения юношей [13, с. 11]. Образовательная миссия музея в обществе окончательно утвердилась в XIX веке. Перед публичными музеями России во второй половине XIX века стояла конкретная задача просвещения и воспитания человека, правда, по большому счёту, речь шла о научных знаниях, необходимых в этот период для индустриального общества.

Однако несмотря на то, что функция образования и воспитания одна из исторически сложившихся функций музея, многие дефиниции и сегодня ещё чётко не определены. Возможно, одной из причин является тот факт, что, в отличие от многих наук, педагогика использует и профессиональную, и общеупотребительную лексику. Но, попадая в понятийный аппарат науки, слова должны приобретать такое неотъемлемое качество научного термина как однозначность, позволяющее достичь единого понимания дефиниций всеми учеными определённой отрасли.

Термин *культурно-образовательная деятельность* получил распространение в музееведении с начала 90-х гг. XX в. в работах Б. А. Столярова, М. Ю. Юхневич, И. М. Коссовой. Это направление музейной работы считалось и считается одним из ведущих и является неотъемлемой составляю-

шей музейной коммуникации. Теоретическую и методологическую основу культурно-образовательной деятельности составляет научная дисциплина музейная педагогика.

В современной музейной практике для обозначения специфики музейной работы с посетителем параллельно могут использоваться следующие дефиниции: *культурно-просветительная деятельность и культурно-образовательная деятельность; музейно-образовательная деятельность и образовательная деятельность; образование в музее, педагогическая деятельность в музее и музейная педагогика*. Являются ли эти дефиниции синонимичными? Чтобы разобраться с категорией «образование», обратимся к «Тезаурусу русской деловой лексики» [10].

Образование

- 1) Сун: воспитание, обучение, просвещение, учение.
- 2) Сун: генерация, получение, создание, формирование, основание, организация, учреждение.

Представленные синонимичные ряды дают понимание того, что категория «образование» многоаспектная, и в разных науках она определяется по-разному. Говоря об образовании, мы понимаем и процесс приобретения знаний, и воспитание всесторонне развитой личности; образование также отражает уровень грамотности, профессионализма и, наконец, формирует социальную среду общества. Термин образование может трактоваться и в других смыслах: как система народного образования страны или региона, как ценность, как развитие жизненного опыта человека.

Надо отметить, что в исследованиях ведущих современных педагогов-учёных прослеживается тесная связь понятий *культура и образование*.

Александр Михайлович Новиков, доктор педагогических наук, профессор, академик, создатель современной методологии педагогики и теории образования акцентирует внимание на современном понимании образования, которое связано со сменой образовательной парадигмы (в данном случае речь идёт о переходе от индустриального к постиндустриальному обществу). Смена образовательной парадигмы влечёт за собой изменение цели обучения и воспитания, мотивов, форм и методов, роли педагога и обучающегося. В нашем случае значимо сравнение образовательных парадигм по таким параметрам как цель, ценность и позиции участников учебного процесса (см. таблицу) [5].

Таблица. Смена парадигм образования

<i>Компоненты парадигм</i>	<i>Индустриальное общество</i>	<i>Постиндустриальное общество</i>
Ценности	образование для общественного производства	образование для самореализации
Мотивы	образование обучающихся как обязанность, деятельность педагога как исполнение, профессионального долга	заинтересованность обучающихся в образовании, удовольствие от достижения результатов, заинтересованность педагога в развитии обучающихся, удовольствие от общения с ними
Нормы	ответственность за учение обучающихся несёт педагог, авторитет педагога держится за счёт соблюдения дистанции, требуя от учащихся дисциплины и усердия	обучающиеся принимают на себя ответственность за своё учение, авторитет педагога создаётся за счёт его личностных качеств
Цели	направленность образования на приобретение научных знаний, образование в молодости как «запас на всю жизнь»	направленность образования на овладение основами человеческой культуры; образование в течение всей жизни
Позиции участников учебного процесса	педагог передаёт знания, педагог над обучающимися	педагог создаёт условия для самостоятельного обучения, педагог вместе с обучающимися, взаимное партнёрство

Очень показательно, что ценность образования во второй половине XX — начале XXI вв. заключается в возможности самореализации человека в жизни (а не образование для удовлетворения интересов общества и общественного производства). Цель современного образования — это овладение основами человеческой культуры, реализация концепции «образование в течение всей жизни» (long-life education), которая сменила концепцию «образование в молодости как запаса на всю жизнь». И, что касается позиции участников учебного процесса, то речь идёт о взаимном партнёрстве педагога с обучающимися, т. е. о способности к совместным действиям в новых ситуациях.

Т. о., исходя из данной трактовки, современное понимание дефиниции *образование*, ориентированное на «овладение основами человеческой культуры», соответствует основной задаче образовательного процесса в музее, сформулированной ИКОМом как «актуализация знаний, происходящих из музея и направленных на развитие и удовлетворение культурных потребностей человека» [11].

Доктор педагогических наук, профессор Московского государственного областного университета Савченко Евгения Антоновна в статье «Соотношение понятий «культура», «образование» и «образовательная деятельность» анализирует названные дефиниции и делает вывод: «Культура и образование посредством образовательной деятельности всегда находятся в единстве и взаимодополняемости... Через образовательную деятельность осуществляется трансляция ценностей культуры и приобщение подрастающих поколений к ним. Следовательно, образовательная деятельность является ведущим условием воспроизводства культуры...» [6].

Т. о., с точки зрения педагогики целесообразно применять дефиницию *образовательная деятельность* (не *образование*), которая включает помимо решения педагогических задач социокультурный контекст.

Известный специалист в области образовательной деятельности музея Б. А. Столяров в учебнике «Музейная педагогика. История, теория, практика» также пишет, что в условиях музея широкое употребление имеет не столько сам термин образование, сколько производный от него — образовательная деятельность, под которой «...понимается специфическая форма музейной деятельности, характеризующаяся педагогической направленностью и имеющая целью творческое развитие личности» [9, с.102].

Доктор культурологии О. С. Сапанжа, исследуя дефиниции, связанные с музейным образованием, обращает внимание на излишнюю детализацию некоторых терминов, в частности, *культурно-образовательная деятельность*. Она отмечает, что «...логика смены образовательной парадигмы позволяет убрать первую часть термина как избыточную, комментирующую тот фрагмент, который и так входит в «современное понимание образования» [8].

Возможно, точка зрения исследователя вполне оправдана, поскольку термин *культурно-образовательная деятельность* появился в 1990-е гг., когда сформировалась коммуникативная модель музея и акцент был сделан на развитие творческого потенциала человека, формирование его ценностных ориентаций, т.е. образование культурой, образование в пространстве культуры, что соответствует современной личностно ориентированной (гуманистической) парадигме образования.

Но пока, в том числе и в официальных источниках, по-прежнему используются дефиниции *культурно-образовательная деятельность* [1], *культурно-просветительные мероприятия* [12]. Хотя, согласно классификации М. Ю. Юхневич *этапов культурно-образовательной деятельности*, дефиниция культурно-просветительная работа обозначала направление работы с аудиторией с 70-х гг. XIX века до середины 20-х гг. XX века [13, с.12].

Музей осуществляет свою образовательную деятельность в рамках музейно-педагогического процесса. Как область научного знания музейная педагогика предполагает построение собственной системы категорий и понятий, связанных с образовательной деятельностью музея, в то же время музейная педагогика включает в себя базовые понятия культурологии, музееведения, психологии, истории, философии и знания в соответствии с музейным профилем. Возможно поэтому, этот термин, введенный в ещё 1930-х годах, практически сразу вызвал научные споры как в определении этой научной дисциплины, так и в её содержании.

Сегодня на сайтах ведущих музеев Беларуси в разделах «посетителю», «образование» или «услуги» можно встретить разные дефиниции, относящиеся к музейной педагогике, например, *интерактивные программы, коммуникативные программы; музейно-педагогические и музейно-коммуникативные занятия, интерактивные игры (занятия)* и т. д. Наши российские коллеги используют следующие дефиниции: *культурно-образовательные (или образовательные) программы, музейные программы; музейные и музейно-образовательные занятия*.

Какова наша точка зрения в обсуждаемом вопросе? На сегодняшний день мы придерживаемся позиции, высказанной доктором педагогических наук, профессором, заведующим отделом «Российский центр музейной педагогики и детского творчества» Русского музея Борисом Андреевичем Столяровым в учебном пособии «Музейная педагогика. История, теория, практика», потому что, во-первых, необходимо отметить, что до настоящего времени разработана целостная концепция музейного образования только одного профиля — художественного — на примере Русского музея. Автор концепции и научный руководитель — Б. А. Столяров. Кроме того, как признают сами музейщики, до сих пор практически не существует альтернативы тем учебным пособиям по музейной педагогике, которые были изданы в начале двухтысячных годов: М. Ю. Юхневич «Я поведу тебя в музей: учебное пособие по музейной педагогике» (2001 г.), Б. А. Столяров «Музейная педагогика. История, теория, практика» (2004 г.) и более позднее издание — «Педагогические аспекты образовательной деятельности музеев» (2013 г.) [7].

В учебниках Б. А. Столяров называет программы *музейно-педагогическими*, поскольку в основе музейно-педагогического процесса лежат педагогические принципы: комплексность (включение всех каналов восприятия: чувственного, психомоторного, логико-аналитического), программность и интерактивность. Он подчёркивает, что педагогическая деятельность в музейной среде — это синтез воспитания, развития и обучения, и в условиях музейной среды эти педагогические категории несут соответствующую смысловую нагрузку:

- воспитание — формирование музейной культуры, эстетического восприятия, художественного вкуса;
- развитие — творческое совершенствование личности, формирование её ценностных ориентаций;
- образование (обучение) — формирование опыта общения с музейным памятником, навыков творческой деятельности [9, с.102].

Т. о., на наш взгляд, устоявшаяся дефиниция *музейно-педагогическая программа* не противоречит сегодняшним взглядам на образовательную деятельность музеев. Что же касается термина *музейно-образовательная программа*, то, исходя из современного понимания образования и образовательной деятельности музея, он синонимичен термину *музейно-педагогическая программа*. Дефиниция *образовательная программа*, очевидно, уместна для обозначения многоуровневой комплексной программы музеев — дошкольные учреждения — школы — вузы, например, образовательная программа «Здравствуй, музей!» (г. Санкт-Петербург).

Коммуникативные программы строятся на сложной методике ситуативного диалога, учебной дискуссии, которые проектируются педагогом и, по мнению автора многих из них, Н. Г. Красуцкой, основываются «на вовлечённости, сопереживании, переоткрытии, соучастии...» [2].

В современной практике музейной работы с посетителем закрепилось 2 термина: *музейное образование* и *музейная педагогика*, которые, как правило, мало различаются.

Этот вопрос рассматривает О. С. Сапанжа в статье «Музейное образование и музейная педагогика в Российской академической традиции и практике музейного дела: границы использования понятий и их содержание». Исследователь отмечает, что на практике происходит смешение этих понятий. Причину она видит в некорректном переводе с английского языка, который используется для международной научной коммуникации, термина «*museum education*», который переводится на русский язык и как музейное образование, и как музейная педагогика, хотя в англоязычных

работах термин музейная педагогика («museum pedagogy») соотносится с методикой построения образовательного процесса в музее, а музейное образование непосредственно связано с коммуникацией. Учёный рассматривает дефиницию *музейное образование* в широком смысле слова, она пишет: «...музейное образование включает весь спектр диалога человека и культуры, происходящего на основе музейной коммуникации» [8].

Т. о., понятие *культурно-образовательная деятельность* (или *образовательная*) рассматривает все аспекты работы с музейной аудиторией, *педагогическая деятельность* в музее — это научно-методическая основа образовательной деятельности музея, *музейное образование* подразумевает образование в музее как самореализацию, самообразование, как социальную потребность в течение всей жизни человека.

Специфика музейного образования состоит в том, что оно осуществляется на предметной основе и в специально организованной среде.

В конце 80-х гг. XX века сформировалась новая, коммуникативная модель музея, основанная на представлении о музее как коммуникационной системе. В связи с этим изменились задачи (заключаются в формировании ценностного отношения к культурно-историческому наследию), характер взаимоотношений между музеем и посетителем, и, соответственно, суть образовательного процесса в музее. Посетитель воспринимается как равноправный собеседник, т. е. субъект, а общение приобретает форму диалога человека и культуры, происходящего на основе музейной коммуникации.

Несмотря на то, что теория коммуникации признана музееведением как ведущая и существует несколько десятков лет, пока нет четкой дифференциации между такими понятиями, как *коммуникативность* и *коммуникационность*. Согласно исследованиям кандидата культурологии М. Ю. Кряжевских, дефиниция *коммуникационный* имеет процессуальное значение, т. е. когда речь идёт о коммуникации как о процессе (коммуникационное пространство музея), а *коммуникативный* — т. е. обладающий способностью к коммуникации (коммуникативное поле музейной экспозиции, коммуникативные возможности экспозиции). К коммуникативному полю музейной экспозиции автор относит все объекты, которые обладают коммуникативными свойствами: здание музея, природный ландшафт, интерьер, музейная экспозиция, музейные предметы [3].

Важно понимать, что музейная коммуникация сегодня выполняет миссию партнёрства, а не просветительства, как в начале 90-х годов XX века, т. е. умение говорить на равных с хорошо информированным собеседником, умение вести культурный диалог. Это не только передача информации в процессе восприятия посетителем экспозиции, но и ответная реакция

участников процесса коммуникации, т. е. обратная связь, которая позволяет убедиться в успехе коммуникации, это совместная деятельность участников коммуникации в результате которой достигается взаимопонимание.

Наиболее распространённый способ обратной связи — ответы на задаваемые вопросы, однако очень важно научиться видеть сигналы обратной связи, которые поступают от собеседника на так называемом «языке тела». Поэтому наблюдение за поведением собеседника, выражением его глаз, тоном голоса, жестами способствует пониманию того, как на самом деле воспринимаются наши слова или действия тем или иным субъектом.

К сожалению, не так часто, как хотелось бы, вопросы музейной коммуникации рассматриваются через призму психологии. На наш взгляд, очень значима для практиков позиция учёных-психологов, рассматривающих общение не только как передачу информации или обмен ею, а как процесс, во-первых, передачи эмоционального содержания и, во-вторых, выработки новой информации. Надо помнить, что субъект становится автором новой информации тогда, когда высказывает собственное мнение, т. е. в диалоге. Эти процессы очень важны для любой категории посетителей, поскольку определяют такой коммуникативный аспект как владение культурой слушания и понимания собеседника.

Т. о., понятие *коммуникация* — ключевое в музейной педагогике, и в настоящее время оно соотносится с дефинициями *коммеморация, музейные практики и коммуникационные технологии*.

Подводя итог, хочется подчеркнуть, что специальные термины аккумулируют, передают, систематизируют накопленные теоретические и практические знания, поэтому являются показателем компетентности и профессионализма в любой сфере музейной деятельности, в том числе и образовательной.

Список литературы и источников

1. Кодекс Рэспублікі Беларусь аб культуры 20 ліпеня 2016. №413-З.— [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.— 2003—2020.— Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=Hk1600413>.— Дата доступа: 25.01.2020.
2. Красуцкая, Н. Г. Музей — это там, где интересно / Н. Г. Красуцкая // Мастацкая і музычная адукацыя: навучна-метадический журнал [Электронный ресурс].— 2016.— № 2.— Режим доступа: <https://aiv.by/ru/arhiv-zhurnalov/mastatskaja-i-muzychnaja-adukatsyja/-/2-2016mac/>.— Дата доступа: 20.12.2019.
3. Кряжевских, М. Ю. Коммуникационное пространство музея: формирование культурного дискурса: автореф. дис. ...канд. культурологии: 24.00.01 /

- М. Ю. Кряжевских // Авторефераты [Электронный ресурс].— 2012.— Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005008668>.— Дата доступа: 23.10.2019.
4. Лещенко, А. Проблема становления музееведческой терминологии на международном уровне / А. Лещенко // Музей.— 2009.— № 5.— С. 43.
 5. Новиков, А. М. Основания педагогики. Пособие для авторов учебников и преподавателей педагогики / А. М. Новиков // Сайт академика РАО Новикова А. М. [Электронный ресурс].— 2005—2020.— Режим доступа: <http://www.anovikov.ru/books.htm>.— Дата доступа: 28.11.2019.
 6. Савченко, Е. А. Соотношение понятий «культура», «образование» и «образовательная деятельность» / Е. А. Савченко, Т. П. Макарова // Педагогическое образование и наука [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://www.ulspu.ru/upload/img/medialibrary/7a1/zhurnal_1_-pedagogicheskoe-obrazovanie-i-nauka.pdf.— Дата доступа: 28.11.2019.
 7. Сапанжа, О. С. Музейная педагогика в системе высшего образования: итоги и перспективы / О. С. Сапанжа // Искусство и культура.— 2018.— № 1.— С. 37—41.
 8. Сапанжа, О. С. Музейное образование и музейная педагогика в российской академической традиции и практике музейного дела: границы использования дефиниций и их содержание / О. С. Сапанжа // Общество: социология, педагогика, психология [Электронный ресурс].— 2017.— № 1.— Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzeynoe-obrazovanie-i-muzeynaya-pedagogika-v-rossiysk-oy-akademicheskoy-traditsii-i-praktike-muzeynogo-dela-granitsy-ispolzovaniya>.— Дата доступа: 8.11.2019.
 9. Столяров, Б. А. Музейная педагогика. Истории, теория, практика / Б. А. Столяров; под ред. М. В. Лагунова.— Смоленск: Высшая школа, 2004.— 216 с.
 10. Тезаурус русской деловой лексики [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/tezaurus-del/1441793.html>.— Дата доступа: 25.01.2020.
 11. Урядникова, А. В. [Перевод] Ключевые понятия музеологии / А. В. Урядникова [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://icom-russia.com/upload/iblock/532/5323743f731b222714f20ba0205ec238.pdf>.— Дата доступа: 15.11.2019 г.
 12. Федеральный закон от 18 июля 2019 г. N 193-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [Электронный ресурс] Российская газета.— 1998—2020.— Режим доступа: <https://rg.ru/2019/07/22/kultura-dok.html>.— Дата доступа: 25.01.2020.
 13. Юхневич, М. Ю. Я поведу тебя в музей / М. Ю. Юхневич.— М., 2001.— 153 с.

НАЧАЛЬНЫЕ И СРЕДНИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ Г. ПОЛОЦКА В 1930-Е ГГ.

Аниськович Марина Маратовна

ведущий научный сотрудник Краеведческого музея — филиала НПИКМЗ

Статья посвящена истории начальных и средних учебных заведений в 1930-е гг. как одного из этапов становления школьного образования г. Полоцка в советский период. Важным аспектом исследования стало изучение особенностей реформирования, внедрения новых предметов в образовательный процесс, воспитательной работы и патриотического воспитания. В статье рассмотрен вопрос расширения сети школ и охват детей обучением, развития национальных образовательных учреждений, борьбы с неграмотностью и малограмотностью населения, о положении педагогических кадров в указанный период.

Ключевые слова: история образования, начальная школа, неполная средняя школа, средняя школа, национальные школы, ликвидация неграмотности, экстернат, олимпиада детской самодеятельности.

Для цитирования: Аниськович, М. М. Начальные и средние учебные заведения г. Полоцка в 1930-е гг. / М. М. Аниськович // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысонт, 2020.— С. 31—45.

В 1930-е гг. в СССР в системе начального и среднего образования произошли значительные изменения и реорганизация. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О структуре начальной и средней школы в СССР» окончательно унифицировало школьную систему. В стране устанавливалась единая система общеобразовательной школы: начальная (1—4 классы), неполная средняя (1—7 классы) и средняя (1—10 классы).

Постановление подчёркивало необходимость укрепления единоличного руководства школой. Заведующего неполной средней и средней школ предлагалось именовать директором. Одним из организационных мероприятий являлось введение института классных руководителей. Они стали назначаться с 1 сентября 1934 г. директором школы из числа учителей, которые преподавали в классе. В обязанности классного руководителя входили следить за дисциплиной учеников, успеваемостью, правильной организацией как учебной, так и воспитательной работы в классе [17, с. 311].

Все учебные заведения Полоцкого округа находились в ведении Полоцкого окружного отдела Народного образования (ОКРОНО). В

1930-е гг. заведующие Полоцкого ОКРОНО часто менялись. Известно, что до середины 1936 г. отдел возглавлял Н. Г. Лисейчиков, позже им руководила Н. Е. Шиманская, с ноября 1937 г. — В. Г. Шибалко. После ликвидации округа в 1938 г. Полоцк вошёл в состав Витебской области. Систему образования города курировал Полоцкий городской отдел народного образования (ГОРОНО). Согласно архивным источникам, заведующим ГОРОНО был Иоффе, с 1940 г. — И. П. Гарбуков [12, с. 5, 20].

С начала 1930-х гг. значительно расширилась сеть общеобразовательных школ и охват детей обучением. Это было связано с введением обязательного 7-летнего образования (Постановление СНК БССР от 2 августа 1932 г.) Так, например, в 1931 г. в Полоцке работало 9 семилетних школ, 4 четырёхлетние школы и вечерняя школа. В 1936 г. было 3 начальные, 7 неполных средних школ, 4 средние школы. В 1937 г. общее число школ оставалось неизменным, но увеличилось количество средних школ на одну единицу и классов-комплектов — на девять [6, с. 168]. Перед Великой Отечественной войной в Полоцке работало 10 средних школ, 8 неполных средних школ, вечерняя средняя школа рабочей молодёжи, вечерняя школа для подростков. Ежегодно наблюдался рост числа учащихся в школах. В Полоцке в 1936 г. училось 3 998, в 1937 г. — 4 472 [6, с. 168], 1940 г. — 6500 учеников [29, с. 4] (см. табл. 1).

Таблица 1. Список школ г. Полоцка (1935—1940 гг.)

№ n/n	Список школ г. Полоцка	Фамилия директора школы
1	1-я сталинская белорусская школа	В. Д. Аксенович, 1938 — И. П. Гарбуков
2	2-я сталинская белорусская школа	Мельников
3	3-я еврейская школа	Макейчик, Ключ
4	4-я сталинская белорусская школа	Шляхтунов
5	5-я сталинская белорусская школа	Л. Н. Столпнер
6	6-я еврейская школа	Ф. Ю. Бляхман
7	7-я польская школа	Гуныко (до 1936 г.), Столпнер
8	8-я русская школа	А. Е. Фридман
9	9-я сталинская белорусская образцовая школа	Б. В. Полащенко
10	10-я русская школа	Я. К. Додин, Бобриков

11	11-я белорусская сталинская школа	Рогачёва
12	12-я белорусская школа	1936 — Н. Ф. Мухин, Ларутин
13	13-я белорусская школа	
14	Железнодорожная школа № 59 (№ 14)	Устинович, Мухин, Тясто
15	Железнодорожная сталинская школа № 62 (№ 15). Школа для подростков	Бильдюг, Красовский, Солохо, Антонов, Деменченко
16	16-я русская школа	С. М. Казакевич, Зиновьева, Сорин

Увеличились капитальные вложения в школьную систему. В первой половине 1930-х гг. были построены новые здания 9-й, 16-й школ на ул. Фрунзе, в 1936 г.— 2-й школы на ул. Старовокзальной [19, с. 4]. (см. рис. 1) В 1938 г. завершалось строительство 12-й школы; а также 5-й школы на ул. Краснознамённой на левом берегу Западной Двины. 5-я школа, рассчитанная на 400 детей, предполагала отдельные физический и химический кабинеты, библиотеку, учительскую, квартиру для директора школы. Затраты на строительство составили 437 тыс. рублей [2, с. 3]. Выделялись материальные средства на ремонт и электрификацию школ.

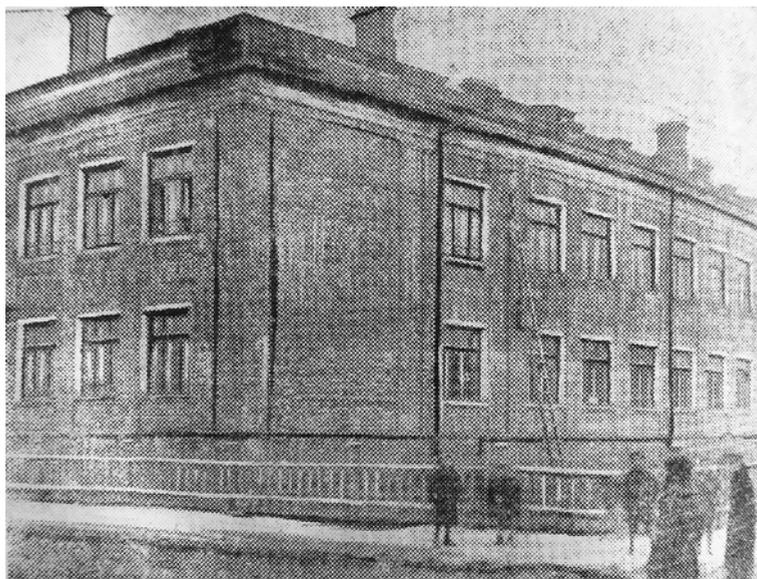

Рис. 1. Здание новой сталинской школы (постройка 1936 г.).
Из газеты «Большевiк Полаччыны», 1936 г. № 256

В советских школах 30-х гг. было введено предметное обучение, стандартные программы и учебники, единый режим занятий и система отметок. Из всех предметов выделился ряд ведущих — это физика, химия, математика, ботаника и биология. В отчётах Витебского областного отдела народного образования (ОБЛОНО) было отмечено, что эти дисциплины «имеют цель заинтересовать учеников в индустрии и сельском хозяйстве, в экономике страны, но преподаются ещё в разрыве от практики и реальности». В то же время руководство отмечало, что в Полоцке есть хорошие учителя рисования и черчения, которые могут развивать у детей понимание искусства и эстетики. Отдельно были положительно отмечены уроки черчения были в 9-й сталинской школе [27, с. 3].

Согласно Постановлению СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 13.03.1938 г. № 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» русский язык стал обязательным предметом в школах СССР. В нормативно-правовом документе было указано, что именно русский язык «олицетворяет единое средство общения для многонациональной страны, а также способствует хозяйственному и культурному росту народов» [25]. В педагогической литературе конца 1930-х гг. встречаются лозунги следующего содержания: «Язык — основа всего обучения», «Будем вести борьбу за высокую грамотность!». Проблема повышения грамотности по русскому языку у школьников не раз обсуждалась на совещаниях полоцких педагогов. Так, например, 26 августа 1939 г. перед учителями Полоцка выступил заведующий Витебского областного отдела народного образования (ОБЛОНО) Райцин. В своей речи он особо обратил внимание на успеваемость учащихся по русскому языку [27, с. 3]. Преподаванию русского и белорусского языков было посвящено городское собрание учителей в декабре 1940 г. Руководитель Полоцкого городского отдела народного образования (ГОРОНО) И. П. Гарбуков отметил большие успехи по русскому языку в 12-й школе: «У нас есть у кого поучиться по вопросу обучения грамотному письму. Это педагогическое мастера учителя русского языка и литературы Полащенко и Кузьмичёв. Их опыт должны перенимать и остальные школы» [3, с. 3]. Успехи учащихся по языковой грамотности часто освещалась на страницах газеты «Большавік Полаччыны». Во второй половине 1930-х гг. нередко появлялись заметки учителей города и района о достигнутых результатах и опыте работы по этому вопросу (Райцин «Некоторые вопросы школьной жизни» [25, с. 3], З. Борчук «За грамотность учителей и учеников» [1, с. 3], М. Ермолович «Как я борюсь за красивое и грамотное письмо» [4, с. 3] и др.

С февраля 1937 г. в советских школах появляется обязательный предмет «Конституция СССР». Его введение в образовательный процесс

г. Полоцка начался позже запланированной даты на месяц, лишь с 6 марта 1937 г. Причины срыва сроков обсуждались на заседании Полоцкого окрисполкома. Руководство ОКРОНО было обвинено в непринятии мер по организации и подготовке преподавания «Конституции СССР»: отсутствии конспектов, материалов и наглядных пособий [9, с. 1].

После Октябрьской революции 1917 г. в советских трудовых школах были отменены отметки, а также экзамены и зачёты как методы проверки знаний учащихся, а в 1934 г. они вновь вводятся [17, с. 312]. Согласно распоряжению Полоцкого ОКРОНО в школах города и округа были организована системная подготовка к экзаменам. Для повторения пройденного материала завучи школ должны были организовать дополнительные консультации, разработать планы занятий во внеурочное время. В мае 1940 г. инспекторы ОКРОНО Пашуто, Елин, Узелевская проверили подготовку к экзаменам в школах г. Полоцка (смотрели наличие планов, стенгазет, посещали уроки). Ими была отмечена формальная подготовка к экзаменам в вечерней средней школе и в средней школе № 5.

С 1936 г. в школах внедрялась практика экстерната, т. е. специальных испытаний за курс неполной средней и средней школы для лиц не обучавшихся в школе, но желавших получить аттестат об окончании школы. Экзамены проходили два раза в год — в январе и июне. К ним допускались лица не младше 15 лет для неполной средней школы и 16 лет для средней школы. Выдержавшие экзамены получали свидетельство или аттестат. В Полоцке право организовать экстернат имели 4 школы: 9-я белорусская средняя школа, 10-я русская средняя школа, 3-я еврейская школа, 7-я польская школа [6, с. 93—94].

В первой половине 1930-х гг. продолжилось развитие системы национальных образовательных учреждений. В 1936 г. в Полоцке было 7 белорусских школ, 3 русские, 2 еврейские и 1 польская школа. Все предметы, кроме русского и белорусского языков, преподавались на родном языке. В этот период важным направлением работы во всех школах стало «национально-классовое воспитание и борьба с проявлениями антисемитизма и шовинизма». В 1931 г. в газете «Чырвоная Полаччына» был описан случай проявления «антисемитизма, шовинизма и религиозности» в школе № 10. В национальной нетерпимости, враждебном отношении к евреям были обвинены учителя Неверова, Люцельшраб и Косова, а также ученики Шахнин и Соколинская. В результате учитель Косова и директор школы Ларионов были сняты с занимаемой должности «за лояльное отношение к антисемитизму и игнорирование белорусского языка и проявление великодержавного шовинизма» [34, с. 2].

Однако постановлением ЦК ВКП(б) от 24.01.1938 г. «О ликвидации национальных школ и национальных отделений в школах» официально закрепили позиции советского государства в решении национального вопроса. Последняя из национальных школ в городе (польская неполная средняя) постановлением бюро Полоцкого райкома КП(б)Б от 21 июля 1937 г. была закрыта [22, с. 97].

Однако реформы 1930-х гг. не позволили решить важные проблемы школьного образования. По-прежнему, остался актуальным вопрос по ликвидации неграмотности и малограмотности взрослого населения. В 1936 г. в Полоцком округе было учтено 7 521 неграмотных и 11 300 малограмотных. Из них обучено только 33% (6 211 человек). В январе 1937 г. по Полоцкому району учтено 6 539 неграмотных и малограмотных, обучено 37% населения (2 444 человека) [8, с. 5].

Борьба с неграмотностью и малограмотностью населения стала главным фронтом работы 3-й пятилетки (1938—1942 гг.). При неполных средних и средних учебных заведениях г. Полоцка работали школы для неграмотных и малограмотных (т. н. ликвидпункты). Общее руководство этими учебными заведениями легло на плечи инспектора Полоцкого ОКРОНО по вечерним школам и школам по ликвидации неграмотности и малограмотности. В 1936 г. в Полоцке было 16 школ для неграмотных с количеством учащихся 205 человек и 16 школ для малограмотных с количеством учащихся 270 человек. В 1937 г. общее число ликвидпунктов было 31, в которых обучалось 56 неграмотных и 617 малограмотных [11, с. 8].

Учителей обязали вести учёт неграмотного населения, проживающего в микрорайоне школы. Занятия проходили в вернее время по 3 часа четыре раза в неделю (всего 18 дней в месяц). К работе также привлекали студентов полоцких строительного и педагогического техникумов во время летних каникул по месту жительства. Но эффективность этих школ была низкой. В городской газете неоднократно писалось о том, что ликвидация неграмотности находилась под угрозой срыва. Например, к концу сентября 1931 г. в школах №№ 2, 3, 6, 8, 10 занятия ещё не начались; в районе школы № 5 неграмотных и малограмотных учтено 143 человека, из них только 37 ходят на уроки, в школе № 6 — 25 человек [16, с. 3]. В апреле 1937 г. практически прекратили работу школы малограмотных из-за низкой посещаемости занятий учащимися.

С 1936 г. по 1938 г. инспекторов Полоцкого ОКРОНО по вечерним школам и школам по ликвидации неграмотности и малограмотности неоднократно снимали с должности по причине невыполнения планов по ликвидации неграмотности. Так, например, 1 июля 1936 г. освобождён от обязанностей инспектора Букреев. На его место назначили Д. М. Рабинкова, а с 1 апреля 1937 г.— Ф. Н. Мигунова.

Взрослое население могло получить среднее образование в неполной и полной вечерней школе повышенного типа для рабочей молодёжи, которая открылась ещё 25 сентября 1925 г. Она находилась по адресу ул. К. Маркса, д. 7. Школа имела 18 кабинетов общей площадью 960 квадратных метров, была своя библиотека, но отсутствовал кабинет физики, химии, естествознания. Под руководством директора Б. В. Павлюченко работало 22 педагога. В 1937 г. в вечерней школе занималось 429 учащихся, из них 296 человек в возрасте до 20 лет, 95 человек — 20—25 лет, 27 человек — 26—30 лет, 11 человек — старше 30 лет [13, с. 28—31]. Но количество учащихся уменьшалось. Например, за второе полугодие 1937/1938 учебного года их стало меньше на 152 человека (было 494, к концу четверти — 342) [10, с. 10].

Проверка качества знаний учащихся вечерней школы и посещение занятий учащимися было на контроле у городского отдела образования и руководства города. Об этом не раз сообщалось в газете «Бальшэвіцкі шлях». В статьях писалось о недочётах в работе руководства и учителей школы. Например, о продолжительном отсутствии в 1936 г. учителей истории и родного языка, срывах занятий по вине преподавателей, о недостаточной подготовке педагогов химии и географии к урокам. В июле 1940 г. корреспондент газеты «Большэвіцкі сцяг» Смушкин присутствовал на экзамене по геометрии в 10-м классе.

Педагогические коллективы направляли немало усилий по усовершенствованию не только учебной, но и воспитательной работы. Особенное внимание уделялось патриотическому воспитанию.

Во второй половине 30-х гг. в г. Полоцке зародилась традиция торжественного празднования начала учебного года. Мероприятие проходило 30 августа на стадионе им. Ворошилова. Оно сопровождалось выступлением директоров школ и отличников учёбы. Так, например, в 1936 г. ученица 12-й сталинской школы Фира Левина в своей речи обратилась к Сталину со словами благодарности за счастливое детство, назвав его лучшим другом детей.

Ежегодно в Полоцке проходила районная и городская олимпиада детской самодеятельности и просмотр детского творчества. Сохранились сведения о её проведении 5 мая 1940 г. Секретарь райкома комсомола Симонович торжественно открыл олимпиаду в городском театре. В конкурсе приняли участие почти все городские школы (№№ 12, 15, 10, 5, 9, 11 и детский дом № 3). Особенно ярким было исполнение вальса из балета «Лебединое озеро» оркестром народных инструментов 2-й школы под руководством Шалаева, а также выступление хора 4-й школы [31, с. 3].

Во второй половине 1930-х воспитательные мероприятия имели финансовую поддержку. Например, в конце учебного года 1936 г., согласно при-

казу № 292 народного комиссариата БССР, выделены материальные средства (4 тыс. рублей) для экскурсии в Москву для 23-х человек, в том числе 5-ти учеников из Полоцка [6, с. 86]. В 1937 г. было выделено 25 тыс. рублей для проведения слёта юных техников, экскурсий в Москву и село Михайловское для отличников учёбы, окружного шахматного турнира, спартакиаду [5, с. 132].

В рамках воспитательных функций школы была актуализирована проблема изучения быта ребёнка. Посещение учащихся на дому, ознакомление с жизнью вне школы стало неотъемлемой частью учебно-воспитательной работы. В Полоцком зональном архиве сохранился акт обследования семьи сирот Корзиновых за 27.11.1936 г. В документе указывается сведения об опекуне, адрес проживания детей, описывается имущество и материальное положение семьи (141 рубль на содержание детей). Комиссия пришла к выводу, что опекун не справляется со своими обязанностями, потому что «дети часто не посещают школу, являясь домашними работниками, ютятся в одной маленькой душной комнате, насыщенной всякими вредными насекомыми. Спят на печи, подстилая рваное одеяло, ходят грязные, оборванные и босые, пищу дети добывают себе сами, собирая отбросы в столовых». Выше описанное было доложено заместителю председателя горсовета Соколову для принятия мер по улучшению положения детей [5, с. 94].

В отчётах Полоцкого ОКРОНО говорилось, что советская школа должна воспитать полноценного гражданина советского общества, а ответственность за воспитание ребёнка возлагалась на школу и учителя, урок являлся основной формой учебно-воспитательной работы в школе. На собраниях заведующая ОКРОНО Н. Е. Шиманская часто делала вывод о неудовлетворительной воспитательной работе в Полоцком округе. В доказательство она приводила следующие факты: учащиеся не знают фамилии советских «вождей», в школах недостаточно освещена биография Орджоникидзе, не проработан план работы по вопросу годовщины убийства товарища Кирова. В школах внутренняя и внешняя обстановка не всегда соответствует наглядному воспитанию учащихся: отсутствуют портреты вождей или они висят без рамок и не под стеклом [8, с. 3].

Факты упущения воспитательной работы разбирались на уровне ОКРОНО. Так, например, в 1937 г. ученик 7 класса на уроке математики составил задачу следующего содержания: «В колхозе 260 колхозников. Из них $\frac{2}{3}$ — лентяи, остальные стахановцы. Сколько в деревне стахановцев?» Учителю математики Кругликов был дан выговор за то, что проверил лишь математическое решение задачи, а на её неграмотное содержание, не обратил внимания [8, с. 3].

В то же время на совещаниях директоров полоцких учреждений образования не раз подчёркивалось, что «в школах Полоцкого округа каждый

учебный год становится лучше предыдущего, благодаря заботам партии и правительства и личного внимания школе товарища Сталина». А учитель — это центральная фигура в процессе обучения и формирования новых людей сталинской эпохи. На демонстрациях звучали хвалебные слова о том, что «не может быть более достойной работы, чем воспитание счастливых детей солнечной страны социализма. Великая радость быть советским учителем!».

В 1940 г. в полоцких школах трудилось 263 учителя [24, с. 191]. С целью их материального стимулирования была повышена заработная плата. В 1936 г. оклад заведующего ОКРОНО составлял 400 рублей, инспектора по школам и инспектора-методиста — 275 рублей [12, с. 1]. Учителям 5—7 классов добавили 40 рублей за проверку письменных работ по математике, белорусскому и русскому языку и литературе, в национальных школах за родной язык и литературу [5, с. 9]. Слова благодарности партии и лично И. В. Сталину звучали на страницах газеты «Бальшавіцкі шлях». Сообщалось, что учителя школ БССР с большим энтузиазмом встретили постановление о повышении заработной платы и сообщали об улучшении благосостояния. Приведём примеры. Учительница еврейской школы № 3 Ф. М. Мейксон отметила, что «благодаря отеческим заботам о нас нашего дорогого поводыря и учителя — товарища Сталина, моё материальное положение улучшилось». Педагог из районной школы А. В. Долотов писал: «На себе чувствую правдивость слов товарища Сталина «Жить стало лучше, жить стало веселей». За работу ежемесячно получаю 600 рублей, а жена — 300 рублей. В кассе у меня лежат 3 000 рублей и около 500 рублей на руках. Недавно жена была в Ленинграде и сделала покупки на 1 500 рублей [21, с. 3].

Но с другой стороны, учителя были поставлены в непростые условия, т. к. началась кампания по аттестации педагогических работников. Её проведение предусматривалось на протяжении двух лет в связи с постановлением ЦИК и СНК СССР от 10.04.1936 г. «О персональных званиях для учителей начальных и средних школ» и постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке введения персональных званий для учителей и назначения учителей, заведующих и директоров школ». Первое постановление установило следующие звания: учитель начальной школы, учитель средней школы, заслуженный учитель школы. Согласно второму, звания давались после аттестации каждого учителя. Для этого в БССР было создано 5 специальных комиссий, которые были распределены по городам и районам. В Полоцком округе комиссию возглавил Башкевич (начальник управления высшей школы Наркомата просвещения БССР), в состав комиссии входили Лисейчиков (заведующий Полоцкого ОКРОНО) и Тихонов [5, с. 1]. В Полоцке аттестация завершилась 1 августа 1938 г. Аттестованные учителя получали специальный

документ, который выдавался народным Комиссариатом Просвещения БССР. Он подтверждал соответствующее звание учителя (см. рис. 2). С первых дней проведения аттестация вылилась в поиски врагов народа, что наводило страх на учителей. Неаттестованные лишались работы по специальности.

В мае 1940 г. в Полоцке проходила аттестация молодых педагогов. 47 работников народного образования подтвердили звания «учитель начальной школы» и «учитель средней школы». В документах указывалось, что большинство полоцких учителей имеют хорошую подготовку и квалификацию, закончили высшие и средние педагогические учебные заведения. Особенно были отмечены учителя Пашута и Елин, которые «добились высоких показателей в работе». В то же время было отмечено, что «многие учителя недостаточно работают над собой, над повышением своего общеобразовательного и политического уровня, недостаточно изучают Краткий курс истории ВКП(б)» [32, с. 3]. Во время аттестации особо обращалось внимание на рабоче-крестьянское происхождение учителя и наличие профильного образования.

Имели место доносы и жалобы на полоцких учителей и директоров школ в общесоюзную, республиканскую и местную прессу. Так, 02.02.1936 г. в московской газете «Правда» была опубликована статья полочанки Барлиной «О безобразиях в школе в сентябре 1935 г». Директор школы № 16 Зиновьева была обвинена в травле ученицы 4-го класса. Позже, по итогам служебного расследования, Зиновьеву сняли с должности с формулировкой «за запущенность в отчётности школьных дел» [7, с. 4—7, с. 1]. 20.09.1936 г. в республиканскую еврейскую газету «Октябрь» М. Хазанович сообщила, что в школах г. Полоцка не организованы буфеты и горячие завтраки для детей [7, с. 52]. Эта жалоба разбиралась на уровне окрисполкома. 31.05.1937 г. в редакцию газеты «Большевик Полотчины» поступила статья «Войтенко по-вредительски преподаёт историю». В результате приказом Полоцкого ОКРОНО учитель Войтенко был освобождён от работы в школе [7, с. 67].

Систему образования 1930-х гг. также коснулась политика сталинских репрессий. Органы НКВД провели тотальную проверку учительских кадров во время аттестации и пришли к выводу об их неблагонадёжности. Многие учителя БССР были арестованы без всяких причин. Главный акцент делался на том, чтобы «очистить школу от классово вражеских элементов». В исследовании Л. Морякова указана 21 фамилия репрессированных педагогических работников г. Полоцка и Полоцкого района (12 в г. Полоцке и 9 в Полоцком районе) (см. табл. 2). Из 12 репрессированных полоцких учителей к пяти была применена высшая мера наказания — расстрел. В их числе были учителя национальных (польской и еврейской) школ Р. Г. Мефельд и Б. Н. Брейдо [18, с. 412, 93]. Только два педагога были освобождены и реабилитированы.

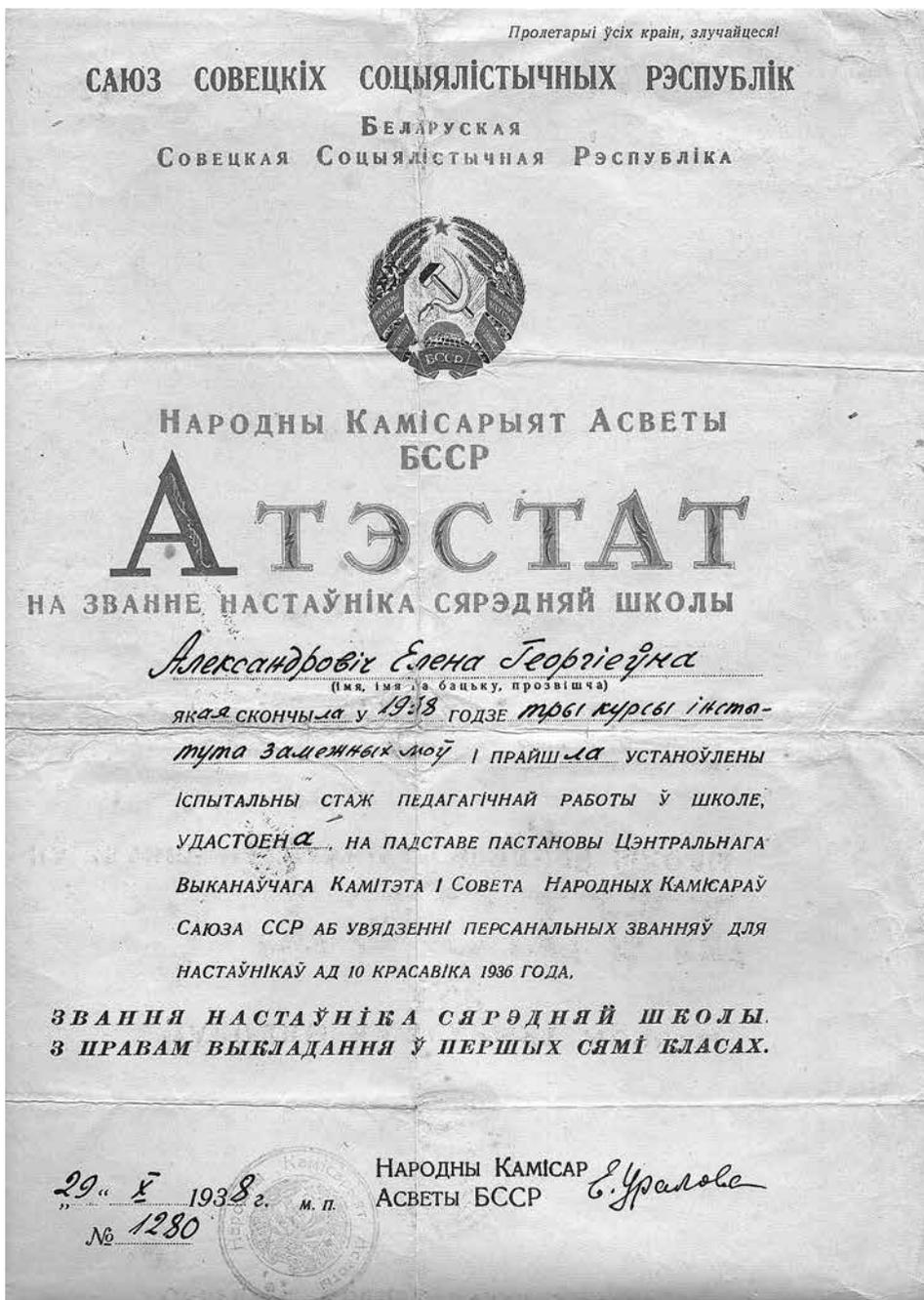

Рис. 2. Аттестат на званне учителя средней школы.
Из фондов НПИКМЗ

Таблица 2. Список репрессированных педагогических кадров г. Полоцка

<i>№ п/п</i>	<i>ФИО репрессированных учителей</i>	<i>Должность</i>	<i>Дата и причина ареста</i>	<i>Приговор</i>
1	Мефельд Р. Г.	Польская школа № 7	23.08.1937 как агент польской разведки	Расстрел
2	Малунович В. И.	Учитель полоцкой школы	18.03.1933 за связь с нацдемовской группой	3 года лишения прав
3	Лисейчиков Н. Г.	Заведующий Полоцким ОКРОНО	02.10.1937 «член контрреволюционной организации и агент польской разведки»	Лагеря, погиб в тюрьме
4	Когарич С. Д.	Преподаватель химии Полоцкого педагогического училища	23.03.1938 «член контрреволюционной организации и антисоветская агитация»	10 лет ИТЛ с конфискацией имущества
5	Гаврилович Ф. И.	Преподаватель полоцкого лесного техникума	23.04.1938 «за шпионаж на пользу польской разведки»	Убит в тюрьме
6	Виницкий Г. Ю.	Преподаватель Полоцкого строительного техникума	07.12.1937 «член ПАВ»	Расстрел
7	Бреский С. М.	Учитель полоцкой школы № 1	12.10.1931 г. «за антисоветскую агитацию»	Лишён права проживать в обозначенных местах
8	Брейдо Б. Н.	Воспитатель детского дома № 3	11.11.1938 г. «член антисоветской деятельности, шпионаж»	Расстрел
9	Антонов А. М.	Директор русской школы	22.10.1935 «в колчаковской тюрьме был провокатором»	Освобождён. Реабилитирован

10	Пайкин Ш. М.	Директор Полоцкого детского дома № 3	19.09.1937 «за антисоветскую пропаганду»	Расстрел
11	Разгуляев Я. У.	Военрук полоцкого лесного техникума	20.11.1937 «агент латвийской разведки»	Расстрел
12	Травман Г. А.	Учитель неполной школы в Полоцке	«За антисоветскую агитацию»	Реабилитирован 03.09.1941 как польский гражданин

Репрессиям и травле подверглось руководство Полоцкого ОКРОНО. Заведующему Никите Георгиевичу Лисейчикову инкриминировали членство в контрреволюционной организации, а также работу на польскую разведку. 5 августа 1938 г. он погиб в тюрьме НКВД г. Полоцка [18, с. 368]. Инструктора-методиста Михайловскую обвинили в связи с троцкистом Борчуком и отправили на лечение в больницу с диагнозом «неврастения и истерия» [8, с. 34].

Инспектор вечерних школ и школ малограмотных и безграмотных Полоцкого ОКРОНО Д. М. Рабинков был освобождён с должности по аналогичной причине. Как сказано в архивных документах, «Рабинков имел тесную связь с троцкистом Галле, вместе с ним организовал пьянку в годовщину убийства Кирова. Он группировал вокруг себя исключённых из комсомола и партии лиц, не проводил собрания директоров школ, не смог улучшить работу вечерней школы» [8, с. 17].

Таким образом, в 1930-е гг. была проведена значительная работа по организации деятельности общеобразовательной школы, что привело к положительным изменениям в повышении образовательного уровня населения. Однако на развитие школы оказали негативное влияние социально-экономическое положение общества и культ личности Сталина. Тоталитарная система унифицировала школьное дело, погубила лучших учителей. Несмотря на это, в развитие школы было немало оригинального, были заложены традиции современной системы образования г. Полоцка.

Спісок літаратуры і крыніцаў

1. Барчук, З. За граматынасць настаўнікаў і вучняў / З. Барчук // Большэвік Полаччыны.— 1936.— 10 студзеня.— С. 3.
2. Голанд, Г. Будаўніцтва сталінскай школы / Г. Голанд // Большэвіцкі шлях.— 1938.— 22 ліпеня.— С. 3.
3. Голанд, Г. На студзенскай нарадзе полацкіх настаўнікаў / Г. Голанд // Большэвіцкі шлях.— 1940.— 5 студзеня.— С. 3.
4. Ермаловіч, М. Як я змагаюся за прыгожае і граматынае пісьмо / М. Ермаловіч // Большэвік Полаччыны.— 1936.— 8 мая.— С. 3.
5. Зональны гасударствены архіў в г. Полоцке (ЗГА в г. Полоцке). Фонд 112.— Опись 1.— Д. 108.— Постановления, указы и указания Наркомпроса БССР.
6. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112.— Опись 1.— Д. 110.— Количество школ полоцкого ОКРОНО.
7. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112.— Опись 1.— Д. 128.— Переписка с материалами расследований заметок (редакций газет) в работе системы просвещения.
8. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112.— Опись 1.— Д. 129.— Постановления бюро окружного комитета ВКП(б) и окисполкома, доклады и отчеты инспектора ОКРОНО о состоянии народного образования и воспитательной работы в округе (19.01.1937 — 28.08.1937 годы).
9. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112.— Опись 1.— Д. 133.— Постановления президиума окрисполкома.
10. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112.— Опись 1.— Д. 135.— Контрольные цифры и сетевые показатели по народному образованию на 1937 г.
11. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112.— Опись 1.— Д. 137.— Сеть и контингент школ и детских садов на 1937 г.
12. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112.— Опись 1.— Д. 138.— Штатное расписание ОКРОНО и справки, подтверждающие о работе в учреждениях просвещения.
13. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112.— Опись 1.— Д. 140.— Сведения о ходе ликвидации неграмотности в округе и переписка по этому вопросу.
14. За новыя поспехі школы // Большэвіцкі шлях.— 1940.— 16 студзеня — С. 4.
15. Капанова, В. А. Образовательные реформы: отечественный и зарубежный опыт / В. А. Капанова.— Минск: БГПУ, 2007.— 162 с.
16. Ліквідацыя няпісьменнасці пад пагрозай зрыву // Чырвоная Полаччына.— 1931.— 30 верасня.— С. 3.
17. Лыч, Л. Уніфікацыя школьнага выхавання / Л. Лыч, У. Навіцкі // Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі.— 2-е выд., дап.— Мінск, 1997.— С. 311—317.

18. Маракоў, Л. Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы: энцыклапедычны даведнік: у 10 тамах. Том IV. Рэпрэсаваныя настаўнікі. Кніга 1. Абметка—Мяшальскі.— Мінск, 2007.— 440 с.
19. Маракоў, Л. Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы: энцыклапедычны даведнік: у 10 тамах. Том IV. Рэпрэсаваныя настаўнікі. Кніга 2. Набаровіч—Яцына.— Мінск, 2007.— 384 с.
20. Мінулы і сучасны Полацк // Большэвік Полаччыны.— 1936.— 7 лістапада.— С. 3.
21. Настаўнікі аб сваёй рабоце і жыцці // Большэвік Полаччыны.— 1936.— 4 ліпеня.— С. 3.
22. Огородников, А. А. Социальная сфера Полоцка в 1917—1941 гг. / А. А. Огородников // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Исторические науки.— Новополоцк, 2017.— С. 96—110.
23. Полацкая акруга // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; маст. Э. Э. Жакевіч.— Мінск: БелЭн, 2002.— С. 374.
24. Полоцк: ист. очерк / АН БССР. Ин-т истории; И. С. Кравченко (отв. ред.).— Минск: Академия наук БССР, 1962.— 320 с.: ил.
25. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 13.03.1938 N 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» / [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.— Дата доступа: 06.02.2020.
26. Радзішэўскі. Не адпускаюць вучняў на іспыты / Большэвіцкі шлях.— 1937.— 1 чэрвеня.— С. 4.
27. Райцын, І. Некаторыя пытанні школьнай работы / І. Райцын // Большэвіцкі шлях.— 1939.— 14 верасня.— С. 3.
28. Свята полацкіх школьнікаў // Большэвіцкі шлях.— 1938.— 1 верасня.
29. Рост культуры // Большэвіцкі шлях.— 1940.— 1 мая.— С. 4.
30. Смушкін. У поўнай гатоўнасці сустрэнем школьныя іспыты // Большэвіцкі шлях.— 1940.— 18 мая.— С. 4.
31. Смушкін. На дзіцячай алімпіядзе // Большэвіцкі шлях.— 1940.— 21 мая.— С. 4.
32. Смушкін. Аттэстацыя настаўнікаў горада // Большэвіцкі шлях.— 1940.— 28 мая.— С. 4.
33. Смушкін. Іспыты ў вячэрняй школе // Большэвіцкі шлях.— 1940.— 18 чэрвеня.— С. 4.
34. У савецкай школе ня месца антысемітызму, шавінізму, рэлігійнаму дурману // Чырвоная Полаччына.— 1931.— 19 чэрвеня.— С. 4.

УДК [002.2+069.1](476.5-21Полоцк)

ДА ПЫТАННЯ КЛАСІФІКАЦЫІ ІНСКРЫПТАЎ (НА МАТЭРЫЯЛЕ БЕЛАРУСКІХ ВЫДАННЯЎ 1918—2018 ГГ. З ФОНДАЎ НППГКМЗ)

Анучына Наталля Уладзіміраўна

*старшы навуковы супрацоўнік Музея беларускага кнігадрукавання —
філіяла НППГКМЗ*

У артыкуле даецца спроба класіфікацыі інскрыптаў беларускіх выданняў 1918—2018 гг. на матэрыяле з фондаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка.

Ключавыя словы: *інскрыпты, надпісы на кнігах, беларускія выданні, найноўшы час, музейныя фонды.*

Для цытавання: *Анучына, Н. У. Да пытання класіфікацыі інскрыптаў (на матэрыяле беларускіх выданняў 1918—2018 гг. з фондаў НППГКМЗ) / Н. У. Анучына // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (на выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысонт, 2020.— С. 46—51.*

Сутнасць дзейнасці музея, як аднаго з інстытутаў публічнай памяці, згодна з Т. Шолам, грунтуецца на формуле трох «С» — «collecting, care and communication» (збіраць, захоўваць і камуніцыраваць) [4, с. 64]. Функцыя збору, акрамя іншага, уключае ў сябе даследаванне. Менавіта гэты від дзейнасці дазваляе выявіць і занатаваць усё, што робіць кожны экзэмпляр кнігі ўнікальным. У першую чаргу гаворка ідзе пра даследаванне кніжных пазнак (экслібрысаў і суперэкслібрысаў, пячатак, штампай, цэтлікаў, надпісаў, памет і інш.), вывучэнне якіх дае магчымасць прасачыць шляхі і межы распаўсюджвання выданняў, лёсы асобных кніг і кнігазбораў, культурныя ўзаемасувязі народаў, дазваляе ўдакладніць асобныя гістарычныя факты ў развіцці кнігадрукавання і г. д.

Аб'ектам даследавання ў дадзенай рабоце з'яўляюцца інскрыпты — пазнакі, пакінутыя на кнізе пасля яе выдання прыладамі для пісьма або малявання аўтарамі, уладальнікамі, дарыльшчыкамі, чытачамі і іншымі асобамі, якія тым ці іншым чынам з кнігай звязаныя [3], у беларускіх выданнях 1918—2018 гг. (найноўшага часу) — важнага і насычанага падзямлі перыяду не толькі ў гісторыі Беларусі, але і ў гісторыі беларускай кнігі.

Існуе некалькі прыкмет, на аснове якіх можна групуваць аднародныя надпісы, запісы і паметы: паходжанне (прыналежнасць, прысваенне) экзэмпляра; сувязь (характар сувязі ці адсутнасць сувязі) з тэкстам кнігі ці яе матэрыяльным увасабленнем; змест; характар графічнага выразу, месца размяшчэння адносна элементаў і структуры кнігі; стваральнік (хто з’яўляецца аўтарам надпісаў); функцыянальнае прызначэнне надпісу, запісу, паметы (навошта, для чаго, чаму, з якой мэтай рабіўся надпіс яго стваральнікам) [1, с. 205]. Інскрыпты беларускіх выданняў 1918—2018 гг. з фондаў музея-запаведніка можна аб’яднаць у наступныя групы.

I. Надпісы, якія спецыяльна фіксуюць паходжанне, прыналежнасць, уладанне дадзеным экзэмплярам — правененцыйныя: уладальніцкія, да роўныя, купчыя, гандлёвыя.

Уладальніцкія:

- 1) Надпісы дзяржаўных бібліятэк, бібліятэк навучальных устаноў і арганізацый — бібліятэчныя паметы (шыфры, запісы, умоўныя пазнакі («птушкі», падкрэсліванні, закрэсліванні і інш.). Бібліятэчныя запісы, радзей шыфры, даюць магчымасць вызначыць склад той ці іншай бібліятэкі. Так, у 2011 г. у фонды музея-запаведніка з калекцыі наваполацкага паэта Анатоля Бясперстых паступіла некалькі кніг з надпісам «Мотужская с/б-ка» (С. Саламея «Калі зямля прачынаецца...», Мінск, 1971, КП21-29445; Л. Украінка «Лясная песня», Мінск, 1971, КП21-29458; А. Бачыла «Тры багіні», Мінск, 1973, КП21-29460; А. Бачыла «Калючая ружа», Мінск, 1962, КП21-29860). Бібліятэка ў в. Мотужы (Верхнядзвінскі раён) была зачынена ў пачатку 1990-х, фонд расфарміраваны. Некаторыя выданні трапілі ў продаж, пра што сведчаць штампы ў выданнях «Разрешено // к продаже по // цене ... // Верхнедвинская // ЦБС». Цяжэй у гэтым плане з шыфрамі (асабліва пры адсутнасці адпаведных штампаў), якія не заўсёды можна суаднесці з канкрэтнай бібліятэкай. Сярод выданняў вызначанага перыяду найбольш «пазнавальнымі» з’яўляюцца шыфры Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі (кнігі паступілі праз абменны фонд НББ).
- 2) Надпісы ўладальнікаў прыватных (сямейных) бібліятэк (асабісты подпіс ці ініцыялы ўладальніка, шифр, выраз з выкарыстаннем формулы «з кніг/из книг»). У фондах НПКМЗ захоўваюцца выданні з кнігазбораў Алеся Матусевіча, Мікалая Пятрэнькі, Мікалая Маніса («Из книг Н. Маниса» — Н. М. Пруслін «Барацьба за кастрычнік у Полацку», Мінск, 1934, КП14-11517), Анатоля Бясперстых; свае подпісы на кнігах пакінулі Ніна Ватацы (Я. Колас «Збор твораў. Том 2. Вершы, апавяданні вершам (1917—1952)», Мінск, 1952, КП21-28870), Ада Матусевіч

- (З. Бядуля «Апавяданні», Мінск, 1947, КП7-3720/457; А. С. Карзон, М. І. Жыркевіч «Граматыка беларускай мовы», Мінск, 1948, 3720/704), Алесь Баркоўскі (К. Крапіва «Выбраныя творы», Мінск, 1941, КП20-27652) і іншыя ўладальнікі.
- 3) Надпісы арганізацый, дзяржаўных устаноў і т. п. Нешматлікая група надпісаў з назвай арганізацыі ці ўстановы, якой належала ў свой час выданне: брашура «Комплексный план экономического и социального развития города Полоцка на 1971—1975 гг.» (Полацк, 1972, КП14-11524) з надпісам на вокладцы «сш № 13» з калекцыі былога дырэктара гэтай школы М. Маніса.
 - 4) Надпісы часовых карыстальнікаў — чытачоў бібліятэк, навучэнцаў, выкладчыкаў і г. д.: «24 гр. Лашнец» (К. Бязносік, Ю. Шакаль «Граматыка беларускай мовы. Частка другая», Мінск, 1939, КП7-3720/464).
 - 5) Паштовыя паметы звязаны з падпіскай перыядычных выданняў, на якіх пазначаецца частковы адрас ці прозвішча адрасата, назва ўстановы. Напрыклад, у фондах захоўваюцца выпісаныя музеем-запаведнікам часопісы «Роднае слова», «Полымя», «Маладосць» з паметай «музей» (часопіс «Беларусь», № 8, 1998, КП17-17806).

Дароўныя надпісы ў беларускіх выданнях найноўшага часу з фондаў НПГКМЗ з'явіліся наступнымі шляхамі:

- 1) не звязаны з дзейнасцю музея-запаведніка, падчас бытавання. Так, дзякуючы прыватнаму збору А. Матусевіча мы маем аўтографы Паўлюка Труса — «Дарагому // сябру Алесю Мату- // сэвічу ад Паўлюка // Труса на добры ўспа- // мін. // 2/1 26 году» (П. Трус «Вершы», Мінск, 1925, КП8-4343/1) і Кузьмы Чорнага — «Дарагому Алесю // Матусэвічу — сябру па // працы ў нашай роднай // газэце «Беларускай Вёсцы» // Кузьма Чорны. // 10/VI 25 г.» (К. Чорны «Апавяданні», Мінск, 1925, КП8-4343/3). У фондах НПГКМЗ захоўваецца кніга Янкі Маўра, падпісаная яму ж загадчыкам рэдакцыі Дзяржаўнага выдавецтва Беларусі Уладзімірам Шахаўцом: «Віншуем Вас з Новым годам // і выхадам у свет двухтомніка. / Жадаем здароўя і шчасця // Шахавец // 31/XII. 60 г.» (Я. Маўр «Збор твораў у двух тамах. Том першы», Мінск, Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1960, КП16-17285);
- 2) звязаны з дзейнасцю НПГКМЗ: дароўныя надпісы ставіліся аўтарам/прыватнай асобай / арганізацыяй спецыяльна для НПГКМЗ або аднаму з яго філіялаў ці прадстаўніку падчас прэзентацый, творчых сустрэч, кніжных кірмашоў, дзён пісьменства, дзякуючы асабістым кантактам. Пры гэтым выданне мела статус прадмета музейнага значэння.

Але назіраюцца рэдкія выпадкі, калі кніга падпісана аўтарам ужо пасля таго, як кніга трапіла ў фонды НППКМЗ — г. зн. у статусе музейнага прадмета. Напрыклад, дароўны надпіс Святланы Алексіевіч на кнізе «Чернобыльская молитва» (Мінск, 1998, КП17-18713) датуецца лістападам 2002 г., а кніга была прынята ў фонды ў лютым таго ж года: «Полацкому музею // беларускаго // книгопечатання // — автор. Светл. Алексіевіч // 14.11.02 г.». На сваіх кнігах дароўныя надпісы ў свой час таксама пакінулі: В. Быкаў («Музею Кнігі // у Полацку // ад аўтара ямы // В. Быкаў // 11.VI.2002» (КП17-19157), Г. Бураўкін, Р. Барадулін, Я. Брыль, П. Васючэнка, Н. Гілевіч, У. Арлоў, Э. Акулін, А. Разанаў, М. Скобла, Р. Баравікова, В. Іпатава, С. Панізнік, А. Мальдзіс, А. Савіцкі, А. Аркуш, Л. Сом, І. Жарнасек і іншыя аўтары, мастакі Н. Паплаўская, А. Кашкурэвіч, І. Бокій, Л. і В. Варэцы, В. Зайцаў.

Часам у якасці дарыльшчыка выступае прыватная асоба ці група асоб, пра што сведчаць наступныя надпісы: «Полоцкому историко-археологическому заповеднику // — в честь и память // 500-летия // Франциска // Скорины // от ленинградского // книголюбца. [Подпис] 30.VII.89 г. // Л-д» (Э. Ожэшко «У зімовы вечар», Вільня, 1927, КП9-5063); «Заведующему педагогической практики // Петренко Николаю Макаровичу // от выпускников 1948—52 уч. гг. // Петриковского педучилища // 30 июня 1952 года» (М. Садкович «Георгий Скорина», Мінск, 1951, КП14-10845); «На долую, добрую память // Харевичу Александру, за // отличные успехи по истории. // От Агейчика Ивана Петровича — учителя истории. // 9/IV-1948 г. // гор. Минск [Подпис]» (А. В. Ефімаў «Новая гісторыя. 1789—1870», Мінск, 1947, КП8-4343/87).

Дароўныя надпісы сустракаюцца як у прازیчнай, так і вершаванай форме: «Я аддаю сябе дазвання // Музею кнігадрукавання! // Няхай стаіць, як Калізей, // Найлепшы ў Полацку // музей! // 21.01.05 г. // Міхась Скобла» (М. Скобла «Вочы Савы», Мінск, 1994, КП14-10556).

Купчыя — запісы аб куплі, набыцці кнігі (з указаннем месца, часу, удзельніках, цаны і г. д.): «Полоцк 1946 г. // Н. Манис» (С. Сахараў «Полацкі князь Усяслаў — беларускі нацыянальны асілак», Вільня, 1939, КП14-11510), «г. Петрыкаў // 8.IV.53. // М. Пятрэнка» (А. Якімовіч «Арляняты», Мінск, 1952, КП14-10850), «Куплена 18/IX-28» (М. Гарэцкі Гісторыя беларускай літаратуры, Масква—Ленінград, 1924, КП7-3720/701), «Куплена ў Карэлічах у выніку вялікай сваркі з прадаўцом-невукам, які злосна ігнаруе беларускую кнігу. 16.9.58. А. Матусевіч» (У. Караткевіч «Матчына душа», Мінск, 1958, КП8-4344/348).

Гандлёвыя паметы — пазначаная ад рукі цана кнігі ці брашуры (М. Скобла «Вочы Савы», Мінск, 1994, КП14-10556; Л. Украінка «Лясная песня», Мінск, 1971, КП21-29458).

II. Запісы і паметы, звязаныя з працэсам стварэння або змянення кнігі, яе тэксту, са зместам кнігі, з працэсам чытання, працай над тэкстам або іншымі формамі выкарыстання кнігі. Запісы гэтай групы можна падзяліць на рэдагавальныя і чытацкія [3, с. 134]

Рэдагавальныя — аўтарскія папраўкі і дабаўленні, карэкціроўка і рэдагаванне тэксту для магчымага наступнага перавыдання; паметы і запісы цэнзараў, рэдактараў; карэктурныя запісы і паметы. Як прыклад, першае выданне кнігі «Гістарычны шлях беларускай нацыі і дзяржавы» (Мінск, 2001, КП20-26392) з праўкамі Уладзіміра Арлова.

Чытацкія — запісы і ўмоўныя паметы (падкрэсленні, закрэсленні, дужкі, стрэлкі, крыжыкі, птушачкі і т. п.) на палях, форзацах, тытулах ці ў любых іншых месцах кнігі, тлумачэнне слоў, іх пераклад, стылістычная праўка тэксту, каментарыі, заўвагі, а таксама пісьмовае ўзнаўленне вокладкі і тытулаў кніг: страчаная вокладка кнігі В. В. Багдановіча «Рэлігійна-Культурная цэннасць царкоўна-славянскага языка» (Гродна, 1938, КП8-4804) заменена новай, на якой ад рукі пазначаны аўтар, назва, выхадныя звесткі; у «Беларускім календары» за 1982 год (Беласток, 1982, КП7-3720/663) на с. 4 выпраўлены год смерці У. Леніна; запіс алоўкам «Прачытаў» на форзацы кнігі М. Лынькова «Гой» (Мінск, 1929, КП20-27865), «Гл. аб ролі «Звязды» у вызв. руху Зах. Беларусі // стар. 122, 126» («Западная Белоруссия на скамье подсудимых», Мінск, 1929, КП7-3720/18). Пакідаюць чытачы і свае ўражанні ад прачытанага: «Цудоўна! Ад душы напісана! // Свой стыль і свае вобразы. // А. Матусевіч» (У. Караткевіч «Матчына душа», Мінск, 1958, КП8-4344/348); «Почему Полоцкое княжество показывается // как появившееся в XII в.? // (таково тут впечатление)» (Ц. Гарбуноў «Героическое прошлое белорусского народа», Мінск, 1945, КП15-12967); «схематызм // не правільнае // разуменне // счасця рабочым // счасце не ў класавай // барацьбе за лепшае // жыцце, а у // асабістым чалавеч // жыцці // такі вынік // па твору.» (Р. Мурашка «У іхнім доме», Мінск, 1929, КП21-29112).

III. Запісы, не звязаныя са зместам і формай кнігі (кніга выкарыстоўваецца як нататнік): актавыя, мемуарна-дзённікавыя, летапісныя і радаводныя запісы, запісы рэлігійнага зместу, клятвенныя і павучальныя запісы, пробы п'яра, запісы фактычнага характару (напрыклад, рэцэпты), літаратурна-фальклорныя і забаўляльныя: «Я из Дели, из Остравы, // Из Уэльса, из Берлина, // Из Марсея, из Варшавы, // Из Чикаго, из Пекина, // Хорошо, друзья, шагать // всем вместе // И не вешать головы. // Я родился в Бухаресте» («Вершы маладых паэтаў Віцебшчыны», Віцебск, 1957, КП14-10758), «Лишь от любви народа // удостоен, // Кто дал народу верности // обет... // Всегда презрен в бою // Трусливый воин — // Вдвойне презренной // только трус поэт. // А. Бесперстых // 6.05.2001 г. // г. Новополоцк» (А. А. Пракоф'еў «Свято над светам», Мінск, 1976, КП21-29447).

IV. У асобную групу выдзелім выяўленчыя пазнакі. Свае чытацкія ўражанні чалавек пакідае на кнізе не толькі ў выглядзе падкрэсліванняў, запісаў, выпраўленняў тэксту, сімвалаў, але таксама малюнкаў, малюнкаў-ілюстрацый, схемаў і г.д. Яны могуць быць як звязаныя, так і не звязаныя са зместам кнігі: схема кровазвароту на форзацы (Н. А. Бялевіч «Зборнік практыкаванняў па правапісу», Мінск, 1940, КП7-3720/476). У большасці сваёй малюнкаў у выданнях 1918—2018 г. носяць забаўляльны характар: напрыклад, малюнкаў хаткі (З. Бядуля «Выбраныя творы», Мінск, 1945, КП20-27842) і кветак (У. Тэраўскі «Беларускі лірнік», Берлін, 1922, КП8-4343/6) на вокладцы.

У сучасным кнігазнаўстве вывучэнню кніжных пазнак, і ў прыватнасці інскрыптаў, апошнім часам надаецца вялікае значэнне. У гэтым напрамку працуюць, напрыклад, Лаўрык Юры Мікалаевіч, Рошчына Таццяна Іванаўна, Ільіна Вольга Мікалаеўна і іншыя даследчыкі. Але работа ў гэтым плане вядзецца ў асноўным з рукапіснымі кнігамі ці старадрукаванымі выданнямі ці на аснове выданняў вядомых кніжных збораў, прыватных бібліятэк. Кнігі ў фондах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка прадстаўлены ў трох калекцыях «Друкаваныя выданні», «Старадрукаваныя выданні» і «Рукапісныя кнігі», агульная колькасць прадметаў у якіх каля 20 тысяч. Значную частку складаюць менавіта кнігі і перадычныя выданні вызначанага перыяду, і калекцыя папаўняецца і ўжо не абмяжоўваецца 2018 годам. Менавіта гэтыя выданні прымаюць найбольш актыўны ўдзел у выставах, якія ладзяцца ў музеях НППКМЗ. Таму зварот да іх у дадзенай рабоце быў актуальным.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Ильина, О. Н. Автографы, дарственные и владельческие надписи, инскрипты, маргиналии: к уяснению понятий / О. Н. Ильина // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность: сборник статей / КГУКИ; ред.-сост. А. И. Слуцкий.— Краснодар, 2007.— Вып. 4. Ч. 1.— С. 201—213.
2. Лаўрык, Ю. Беларускія кніжныя інскрыпцыі XVI—XVIII стст. / Ю. Лаўрык // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі / Нацыянальная бібліятэка Беларусі; склад. Л. Г. Кірухіна, Т. І. Рошчына. — Мінск, 2004.— Вып. 6.— С. 114—162.
3. Лаўрык, Ю. Да праблемы сістэматызацыі кніжных пазнак: пытанні тэрміналогіі і спроба класіфікацыі (на падставе матэрыялаў са збораў Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь) / Ю. Лаўрык // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі / Нацыянальная бібліятэка Беларусі; склад. Т. А. Сапега, А. А. Суша.— Мінск, 2015. Вып. 18.— С. 95—142.
4. Шола, Т. С. Мнемософія: эссе о науке публичной памяти / Т. С. Шола // ИКОМ России, ГМЗ «Ростовский кремль».— Ростов Великий, 2017. — 320 с.

УДК 655.26(476)(091)+069.1(476.5-21)

АКТУАЛІЗАЦЫЯ ЛІТАРАТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ
ПІСЬМЕННІКАЎ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў
ЭКСПАЗІЦЫЙНА-ВЫСТАВАЧНАЙ ДЗЕЙНАСЦІ
МУЗЕЯ БЕЛАРУСКАГА КНІГАДРУКАВАННЯ

Ашуева Вера Яўгенаўна

*вядучы навуковы супрацоўнік Музея беларускага кнігадрукавання —
філіяла НППКМЗ*

Артыкул разглядае выкарыстанне заходнебеларускіх выданняў у пастаяннай экспазіцыі Музея беларускага кнігадрукавання, а таксама адлюстраванне тэмы «Заходняя Беларусь» і спадчыны заходнебеларускіх пісьменнікаў у выставачнай дзейнасці музея на прыкладзе выставы «Галасы Заходняй Беларусі».

Ключавыя словы: *Заходняя Беларусь, заходнебеларускія выданні, заходнебеларускія пісьменнікі, нацыянальна-вызваленчы рух, Камуністычная партыя Заходняй Беларусі (КПЗБ), Беларуская хрысціянская дэмакратыя, Грамада, Таварыства беларускай школы (ТБШ), рэпрэсіі, экспазіцыйна-выставачная дзейнасць.*

Для цытавання: *Ашуева, В. Я. Актуалізацыя літаратурнай спадчыны пісьменнікаў Заходняй Беларусі ў экспазіцыйна-выставачнай дзейнасці Музея беларускага кнігадрукавання / В. А. Ашуева // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (на выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысон, 2020.— С. 52—66.*

У 2019 г. адзначалася 80-годдзе ўз'яднання Заходняй Беларусі і БССР. Менавіта дадзены юбілей стаў нагодай для актуалізацыі літаратурнай спадчыны заходнебеларускіх пісьменнікаў і знайшоў сваё адлюстраванне ў выставе «Галасы Заходняй Беларусі», якая працавала ў Музеі беларускага кнігадрукавання з 17 жніўня па 10 лістапада мінулага года. Стварэнню выставы папярэднічала карпатлівая падрыхтоўчая праца: вывучэнне літаратуры і адбор з фондаў запаведніка матэрыялаў (перш за ўсё друкаваных выданняў), якія маюць дачыненне да тэмы Заходняй Беларусі.

Але найперш варта варта вызначыцца з самім паняццем «Заходняя Беларусь». Як піша беларускі гісторык і літаратуразнаўца Анатоль Трафімчык: «Тэрмін „Заходняя Беларусь“ сёння шырока выкарыстоўваецца ў самай рознай літаратуры — ад мастацкай да навуковай, прытым як бела-

рускай, так і замежнай (нават палякі, хоць і з агаворкамі, часам яго ўсё ж ужываюць)». І ён жа далей адзначае: «Складваецца ўражанне, што мы самі, вывучаючы пэўныя праблемы гісторыі Заходняй Беларусі, не да канца сабе ўяўляем канкрэтны аб'ект даследавання. Пры гэтым нават у рамках гістарычнай навукі адной краіны (перадусім маецца на ўвазе Беларусь) назіраюцца прынцыповыя разыходжанні» [17, с. 15].

Разыходжанні назіраюцца ў вызначэнні і тэрыторыі, і храналогіі, і гісторыі паходжання самой назвы. Карані паняцця мы можам адшукаць у падзеях, звязаных з Першай сусветнай вайной, а ўжыванне тэрміна адносіцца да 1918 г. [17, с. 18—20]. Той жа А. Трафімчык прыходзіць да высновы што «тэрыторыя Заходняй Беларусі (як, зрэшты, і самой Беларусі) не была велічынёй пастаяннай, ёй заўсёды патрабавалася не толькі геаграфічнае, але і часовае вымярэнне, прычым абавязкова ў святле вялікай палітыкі» [17, с. 52].

Паводле сучаснай беларускай энцыклапедыі: «*Заходняя Беларусь — частка тэрыторыі Беларусі, якая ў выніку савецка-польскай вайны 1920 г. захоплена Польшчай і паводле Рыжскага мірнага дагавора 1921 г. знаходзілася ў яе складзе да верасня 1939 г.*» [8, с. 326]. Дадзеных рамак мы і прытрымліваемся ў дачыненні да выдавецкай справы, адносячы да заходнебеларускіх выданняў кнігі, брашур, часопісы і інш., выпушчаныя ў 1921—1939 гг. у Вільні, Гродне ці Беластоку.

Менавіта Вільня аднагалосна прызнаецца галоўным горадам краю, яго культурным і навуковым цэнтрам. Там гуртаваліся грамадска-палітычныя і літаратурныя сілы, там выходзіла пераважная большасць заходнебеларускіх выданняў разглядаемага перыяду. Беларускамоўны друк у Заходняй Беларусі ажыццяўлялі каля 100 выдавецтваў і выдаўцоў. Гэта маглі быць як арганізацыі і таварыствы (выдавецкія, грамадска-палітычныя, рэлігійныя і інш.), рэдакцыі перыядычных выданняў, так і прыватныя асобы. Усяго, паводле зафіксаваных на сёння бібліяграфічных дадзеных аб беларускіх выданнях у II Рэчы Паспалітай, налічваецца 495 назваў кніг і брашур на беларускай мове. Гэтая лічба амаль у 23 разы меншая, чым у БССР. Каля паловы выдаўцоў змаглі выпусціць толькі па адным выданні. Найбольш актыўнай была дзейнасць такіх арганізацый і таварыстваў, як Беларускае выдавецкае таварыства, Віленскае выдавецтва Б. Клецкіна, Выдавецтва У. Знамяроўскага, Беларускае друкарня імя Францішка Скарыны, Беларускі Інстытут гаспадаркі і культуры [10, с. 293].

У фондах НППКМЗ захоўваецца каля 80 кніг і брашур, а таксама больш за 30 часопісаў азначанага перыяду. У пастаяннай экспазіцыі Музея беларускага кнігадрукавання заходнебеларускія выданні знайшлі належнае месца ў экспазіцыйнай зале 13, прысвечанай выдавецкай справе на Беларусі у кан-

цы XIX—XX стст. Выданні прадстаўлены некалькімі тэматычнымі блокамі: мастацкая літаратура, падручнікі, слоўнікі і даведнікі, перыёдыка, выданні краязнаўчага характару, календары. Заходнебеларускі элемент прысутнічае ва ўсіх названых падраздзелах. Так, мастацкая літаратура прадстаўлена як арыгінальнымі, так і перакладнымі выданнямі, сярод якіх: «Паўлінка» Я. Купалы (Вільня, выдавец П. Мятла, 1927), «У палескай глушы» Я. Коласа (Вільня, Выд-ва Б. Клецкіна, 1923), «Вянок» М. Багдановіча (2-е выданне; Вільня, Выд-ва Б. Клецкіна, 1927), «Мамчына горка» М. Машары (Вільня, выданне «Калосься, 1936), «У зімовы вечар» Э. Ажэшкі (Вільня, выдаўцы П. Мятла і І. Дварчанін, 1927), «Ад чаго зло на свеце» Л. Талстога (Вільня, Выд-ва У. Знамяроўскага, 1929), «Пашылісь у дурні» М. Крапіўніцкага (Вільня, выданне Т-ва беларускай школы, 1928). Сярод падручнікаў — «Беларускі правапіс» Р. Астроўскага (Вільня, Выд-ва Б. Клецкіна, 1930), «Хрэстаматыя новай беларускай літэратуры» І. Дварчаніна (Вільня, Беларускае выдавецкае т-ва, 1927), а таксама «Беларуская граматыка для школ» Б. Тарашкевіча (Вільня, выданне Беларускай школьнай рады, 1920); апошняя не ўкладваецца ў азначаныя рамкі па часе выдання, але выходзіла ў Вільні, ужо занятай палякамі і выкарыстоўвалася пазней на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Школьную тэму дапаўняюць кукарды з эмблемамі беларускіх гімназій у Навагрудку і Слуцку. Сярод даведачнай літаратуры можна заўважыць «Невялічкі беларуска-маскоўскі слоўнік» М. Гарэцкага (Вільня, Беларускае выдавецкае т-ва, 1921) і «Замкі Віцебшчыны» Б. Брэжгі (Вільня, Беларускае навуковае т-ва, 1933). Ёсць у нашай калекцыі кнігі А. Смоліча, У. Ігнатоўскага, А. Луцкевіча (А. Навіны); прадстаўлены «Беларускі календар «Наша хата» на 1920 год» (Вільня, Выд-ва У. Знамяроўскага, 1920); а сярод беларускіх часопісаў знайшлося месца для «Заранкі» (сакавік 1931 г, № 2), якую выдавала ў 1927—1931 гг. Зоська Верас. Заходнебеларускае выданне прысутнічае і сярод скарыніяны. Гэта даследаванне А. Станкевіча «Доктар Францішак Скарына — першы друкар беларускі. 1525—1925» (Вільня, Беларускае навуковае т-ва, 1925). Зразумела, што ў экспазіцыю рэгулярна ўносяцца частковыя змяненні, што датычацца і разглядаемай тэмы.

Калі асноўная экспазіцыя музея прысвечана гісторыі кнігадрукавання на беларускіх землях, у якой заходнебеларускія выданні складаюць даволі яркую старонку, дапаўняючы агульную карціну, то выстава «Галасы Заходняй Беларусі» ў большай ступені апелявала да твораў мастацкай літаратуры і лёсаў найбольш яркіх пісьменнікаў і дзеячаў рэвалюцыйна-вызваленчага руху. Літаратуру ж намнога цяжэй утрымаць у канкрэтных межах. Так, у Заходняй Беларусі друкаваліся творы Я. Купалы, Я. Коласа, выдаваліся падручнікі У. Ігнатоўскага і А. Смоліча. І наадварот — заходнебеларускіх

пісьменнікаў друкавалі ў БССР. Цесныя сувязі існавалі з Літвой і Латвіяй. Усё гэта можна прасачыць нават на прыкладзе выданняў, прадстаўленых у фондах НППКМЗ. Яшчэ больш складана вызначыцца з часавымі рамкамі. Літаратура Заходняй Беларусі не ўзнікла ў 1921 г., а прадоўжыла традыцыі, закладзеныя ў Вільні на пачатку XX ст., у г. зв. «нашаніўскую пару». І, зразумела, не закончылася ў 1939 г. Працягвалі сваю літаратурную дзейнасць такія пісьменнікі, як М. Танк, П. Пестрак, Н. Тарас, Я. Брыль. Ёсць цэлы шэраг літаратараў, якія паходзяць з Заходняй Беларусі, але прыйшлі ў літаратуру ў пазнейшы час. Напрыклад, В. Адамчык, які ў верасні 1939-га меў 5 гадоў, дэбютаваў у друку ў 1952 г., а яго раман «Чужая бацькаўшчына» (першы з раманаў тэтралогіі пра жыццё ў Заходняй Беларусі) быў створаны толькі ў 1978 г.; затым былі напісаны «Год нулявы» (1983), «І скажа той, хто народзіцца» (1987), «Голас крыві брата твайго» (1990). А. Карпюк літаратурнай працай пачаў займацца ў 1953 г.

Тым не менш менавіта Рыжскі мір замацаваў падзел этнічных беларускіх земляў, падзяліўшы беларусаў па розных дзяржавах. «Дзяржаўная граніца, розныя палітычныя сістэмы дзяржаў, у межах якіх давялося жыць раз'яднанаму беларускаму народу, па-рознаму адбіліся на духоўным жыцці, гістарычным лёсе ўсходніх і заходніх беларусаў. Дваццаць год беларуская літаратура, што ўзнікла на Захад ад польска-савецкай мяжы, развівалася сваім адметным шляхам і ў агульнанацыянальнай мастацкай спадчыне складае асобны раздзел» [11, с. 210].

Адны з пісьменнікаў, такія як крытык і публіцыст А. Луцкевіч, драматург Ф. Аляхновіч, празаік Ядвігін Ш., жылі ў Вільні яшчэ да вайны. Іншыя, як крытык У. Самойла, празаік і літаратуразнаўца М. Гарэцкі, паэт і драматург Л. Родзевіч, філосаф і паэт І. Канчэўскі трапілі туды, «занесеныя віхурай вайны і рэвалюцыі» [11, с. 210]. У другой палове 1920-х гг., на хвалі ўздыму нацыянальна-вызваленчага руху ў літаратуру прыйшлі М. Машара, В. Таўлай, М. Васілёк, Хв. Ільяшэвіч, А. Салагуб, П. Пестрак. Потым, у 1930-я, да іх далучыліся М. Танк, М. Засім, С. Хмара, А. Бярозка, А. Іверс, Н. Тарас і інш.

Вядомы беларускі літаратуразнаўца Арсень Ліс, які таксама мае заходнебеларускае паходжанне (сястра яго маці была жонкай А. Салагуба) [12], прысвяціў мноства даследаванняў гэтай тэме. Асэнсоўваючы літаратурны працэс Заходняй Беларусі, ён зазначае, што, «нягледзячы на адсутнасць уласнай дзяржаўнасці, фактычна каланіяльны статус краю, ён развіваўся даволі нармальна, адлюстроўваючы ў сабе творчыя патэнцыі абуджанай да жыцця нацыі. У літаратуры функцыяніравалі ўсе жанры, уключаючы такія, як крытыка і літаратуразнаўства. Належная ўвага пісьменнікамі аддавалася і перакладу на беларускую мову твораў сусветнай класікі» [11, с. 228].

У той жа час умовы існавання накладвалі свой адбітак на літаратурны працэс. Так, з літаратурных жанраў у Заходняй Беларусі найбольш развіваліся паэзія і публіцыстыка, як жанры найбольш аператыўныя і цесна звязаныя з перыядычным друкам. Таксама надзвычай запатрабаванымі з’яўляліся драматычныя творы, бо тэатральныя гурткі былі ледзьве не ў кожнай вёсцы. Вялікім поспехам карысталіся п’есы Л. Родзевіча і Ф. Аляхновіча. Шмат сцэнічных твораў перакладалася з польскай, рускай, украінскай моў. Для прозы, асабліва буйных яго формаў, не было спрыяльных умоў. Самы яркі прадстаўнік — М. Гарэцкі ў віленскі перыяд свайго жыцця. Многія пачынаючыя прэзаікі, апавяданні і абразкі якіх публікаваліся на старонках перыядычнага друку, так і не змаглі вырасці ў значных пісьменнікаў.

Цікава, што заходнебеларускія крытыкі, ацэньваючы літаратурныя з’явы ў БССР, на першае месца ставілі прозу, што асабліва буйна развілася ў БССР у параўнанні з даваеннай літаратурай і літаратурай Заходняй Беларусі, «крыху слабей, але таксама даволі буйна развілася паэзія», «горшая справа з драматургіяй, а асабліва блага з літаратурнай крытыкай» [7, с. 71].

Галоўнай асаблівасцю літаратуры Заходняй Беларусі трэба лічыць яе непасрэдную сувязь з нацыянальна-вызваленчым рухам. Многія пісьменнікі аб’ядноўвалі ў сваёй асобе літаратара і грамадскага дзеяча. «Вызваленчы рух прывабляў лепшыя сілы заходнебеларускай навуковай і творчай інтэлігенцыі сваёй высокай ахвярнасцю, бляскам ідэалаў. Яго натхніцелямі былі такія вучоныя, як сусветна вядомы філолаг Браніслаў Тарашкевіч, аўтар першай беларускай граматыкі для сярэдніх школ, яскравых публіцыстычных і навуковых артыкулаў, перакладчык «Іліяды» і «Пана Тадэвуша». Поплеч з ім дзейнічалі таленавіты матэматык і публіцыст Сымон Рак-Міхайлоўскі, фалькларыст і музыказнавец Антон Грыневіч і іншыя. Іх пераемнікам стаў доктар філасофіі, таленавіты літаратар, педагог Ігнат Дварчанін, а таксама... фалькларыст і дыржор Рыгор Шырма...» [9, с. 8].

Асабняком стаіць хіба што Наталля Арсеннева, якую тым не менш вельмі актыўна друкавалі ў заходнебеларускіх газетах і часопісах, прызнаючы яе несумненны літаратурны талент. Арсеннева была абрана старшынёй аб’яднання творчай моладзі «Веснаход». Адрэдагаваны І. Дварчаніным яе зборнік паэзіі «Пад сінім небам» (1927), лічыцца адной з лепшых кніг заходнебеларускай паэзіі 1920-х гадоў [9, с. 26].

Праўда, і сам рух далёка не быў аднародным. З аднаго боку — Камуністычная партыя Заходняй Беларусі (КПЗБ), створаная ў 1923 г. і закрытая ў 1938 г. Камуністычная ідэалогія ў Заходняй Беларусі сапраўды мела значную падтрымку. Паводле слоў аднаго з сакратароў ЦК КПЗБ М. Арэхвы, у лепшыя свае часы камуністычнае падполле ў Заходняй Беларусі налічвала да

сямі тысяч членаў [11, с. 250]. Камуністамі былі М. Танк, В. Таўлай, П. Пестрак.

На другім полюсе нацыянальнага руху знаходзілася Беларуская хрысціянская дэмакратыя (1917—1940). У другой палове 1930-х гг. хрысціянскія дэмакраты пачалі выдаваць «тоўсты» часопіс — кварталнік навукі і літаратуры «Калоссе» (1935—1939), на старонках якога друкаваліся прадстаўнікі розных ідэалагічных напрамкаў. М. Танк ў сваім дзённіку пісаў: «Пасля доўгіх і нудных перагавораў... хадэкі згадзіліся спыніць антысавецкую прапаганду ў сваім літаратурным часопісе «Калоссе». З другога нумара пачнём і мы друкаваць у ім свае творы [16, с. 83]».

Самай масавай арганізацыяй Заходняй Беларусі з'яўлялася Беларуская сялянска-работніцкая грамада, якая была створана ў 1925 г. і да студзеня 1927 г. налічвала больш за 2 тыс. гурткоў (каля 120 тыс. членаў). Неўзабаве Грамада была афіцыйна забаронена польскімі ўладамі, а больш за 400 яе кіраўнікоў і актывістаў аддадзены пад суд [14, с. 96].

Вялікую працу праводзіла ў 1921—1937 гг. культурна-асветная арганізацыя Таварыства беларускай школы (ТБШ), на чале якой стаялі А. Луцкевіч, С. Паўловіч, С. Рак-Міхайлоўскі, Ф. Стацкевіч, Б. Тарашкевіч, А. Трэпка, Р. Шырма і інш. Арганізоўвала беларускія школы культурна-асветныя гурткі, бібліятэкі, клубы, праз сваё выдавецтва выпускала падручнікі і навуковыя дапаможнікі, распаўсюджвала беларускія газеты і часопісы [15, с. 698]. Галоўным выданнем таварыства з'яўляўся часопіс «Летапіс Таварыства ТБШ», перайменаваны ў 1937 г. у «Беларускі летапіс».

Змена назвы была тыповай з'явай для заходнебеларускіх часопісаў і газет. Закрывалася адна газета, а рэдакцыя рыхтавалася ўжо да выдання наступнай, прычым назву мянялі толькі часткова, каб даць зразумець чытачу, што орган выходзіць па-ранейшаму. Часта змяняліся і рэдактары. Выкарыстоўвалася сістэма так званых «зіцрэдактараў» [5, с. 9]. З 1924 г. адміністратарам беларускай радыкальнай прэсы працавала Л. Войцік (Зоська Верас), у абавязкі якой уваходзіла даставаць паперу, весці бухгалтэрыю, дамаўляцца з гаспадаром друкарні. Даводзілася лічыць кожны грош [5, с. 28—29]. Сама З. Верас была рэдактарам і выдаўцом ілюстраванага дзіцячага часопіса «Заранка», які карыстаўся вялікім поспехам сярод юных чытачоў. Былі выпадкі, калі дзеці выпісвалі «Заранку» супольна, аб'яднаўшы свае сціплыя сродкі, збіралі і здавалі зёлкі, каб зарабіць грошы. Аднак пасля 15-ці выпушчаных нумароў часопіс вымушаны быў прыпыніць сваё існаванне менавіта з-за фінансавых прычын [4, с. 165—168]. Падобны лёс быў ў большасці заходнебеларускіх выданняў. Часам да ўсяго дадаваліся яшчэ і супярэчнасці ўнутры рэдакцыі. Так, у У 1936 г. выйшаў адзіны нумар літаратурна-грамадска-навуковага часопіса «Маладая Беларусь», якому

пашанцавала трапіць у фонды НППКМЗ (КП8-4343/274). Створаны ён быў, як і большасць выданняў, з высакароднай мэтай кансалідацыі маладых літаратурных і навуковых сіл на грунце нацыянальнай ідэі, аднак, спыніў сваё існаванне з-за слабой матэрыяльнай базы і ідэйных рознагалоссяў паміж выдаўцамі. Водгулле гэтага рознагалосся мы знаходзім на старонках іншага часопіса з нашай калекцыі — «Шлях Моладзі» № 3(89) за 1936 г. (КП8-4344/309): «14.ІІІ. сёлета ў Вільні выйшаў новы літаратурна-грамадзка-навуковы часопіс п. н. «Маладая Беларусь». ... Прыгожае пісьменства рэпрэзентуюць творы Машары, Васілька, Танка, Ільяшэвіча, а так-жа творы паэтаў з БССР. На сколькі літаратурны адзел робіць добрае ўражаньне, настолькі артыкулы грамадзкага зместу — благое. Перад усім рэдакцыя часопісу маладых, як яго называюць ягонныя рэдактары, у сваім уступным слове, замест высказаць сваю праграму, свае новыя думкі, пачала навучаць старэйшае грамадзянства і нэгатаваць яго працу. ... Супроць гэтакага тону «Мал. Беларусі» публічна зарэагавалі яе супрацоўнікі паэты Танк і Васілёк. Пасля гэтага будучыня «Мал. Бел.» стала вельмі няпэўнай» [18].

У такіх складаных умовах існавалі, развіваліся, а часам проста выжывалі беларуская літаратура і друк у складзе ІІ Рэчы Паспалітай. Асабліва змрочныя часы насталі ў другой палове 1930-х гг., калі большасць беларускіх арганізацый і навучальных устаноў былі ліквідаваныя. Многія заходнебеларускія пісьменнікі прайшлі праз арышты і польскія турмы, а пазней, трапіўшы ў БССР — праз сталінскія рэпрэсіі. Сама тэма заходнебеларускай літаратуры ў савецкім літаратуразнаўстве разглядалася вельмі няроўна. Тыя з пісьменнікаў, хто прымаў удзел у камуністычным руху (М. Танк, П. Пестрак) мелі прызнанне, іх творчасць вывучалася; тыя ж, хто стаў ахвярай рэпрэсій (А. Луцкевіч, Б. Тарашкеіч, У. Жылка, А. Салагуб) былі забытыя на многія гады, іх спадчына не прапагандавалася нават пасля рэабілітацыі. Вяртанне многіх імёнаў адбылося толькі на хвалі нацыянальнага адраджэння пачатку 1990-х гг. Не ўсе яны вядомыя шырокаму колу грамадства і зараз. Юбілейныя даты даюць магчымасць закрануць тыя ці іншыя тэмы, актуалізаваць напам'януць факты нашай гісторыі.

Пры падрыхтоўцы выставы былі выкарыстаны самыя разнастайныя матэрыялы з фондаў запаведніка. Гэта, апрача ўласна заходнебеларускіх выданняў 1921—1939 гг., іх факсімільныя выданні, якія на выставе могуць замяніць арыгіналы. Пэўную цікавасць уяўляюць польскамоўныя выданні азначанага перыяду, якія былі распаўсюджаны на тэрыторыі Заходняй Беларусі, у тым ліку школьныя падручнікі. Захоўваецца ў фондах і значная колькасць навуковай і навукова-папулярнай літаратуры, якая можа быць выкарыстана і ў якасці крыніцы інфармацыі на этапе падрыхтоўкі.

Самы вялікі пласт матэрыялаў складаюць выданні твораў заходне-беларускіх пісьменнікаў розных гадоў. Для выставы выбіраліся найбольш знакавыя творы кожнага з аўтараў, якія найбольш ярка прадстаўляюць і самога пісьменніка і тэму Заходняй Беларусі. Гэта такія, як дзённік М. Танка «Лісткі календара», які ён вёў на працягу 1935—1939 гг.; як шмат у чым аўтабіяграфічны раман П. Пестрака «Сустрэнемся на барыкадах», дзеянне ў якім ахоплівае ўвесь разглядаемы перыяд; альбо таксама аўтабіяграфічны раман Я. Брыля «Птушкі і гнёзды» і інш.

Выстава складалася з 6 тэматычных блокаў.

Тэматычны блок 1 знаёміў з падзеямі восені 1939 г. Дапамагалі ў гэтым наступныя матэрыялы: фотакопія дакумента «Закон о включении Западной Белоруссии в состав СССР» (КДФЗ-1171); кніга «Народное (национальное) собрание Западной Белоруссии 28—30 октября 1939 г.» (Мінск, 1946, КП9-5095); часопісы «Беларусь» №№ 9 за 1945 і 1946 гг. (КП8-4344/367; КП8-4344/419) з юбілейнымі артыкуламі, прысвечанымі ўз'яднанню Беларусі.

Каб адзначыць, што важная падзея для гісторыі Беларусі тым не менш абярнулася трагедыяй для тысяч заходніх беларусаў, якія адчулі на сабе ўвесь цяжар сталінскай сістэмы рэпрэсій, быў выкарыстаны часопіс «Спадчына» № 6 за 1996 г. з артыкулам «Шпіёнскае гняздо» (камісія вывучэння Заходняй Беларусі) (КП18-21532).

Тэматычны блок 2 прадстаўляў асноўныя накірункі нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі. Нягледзячы на супрацьдзеянне польскіх уладаў, працавалі выдавецтвы, дзейнічалі беларускія школы і гімназіі, выдаваліся кнігі, падручнікі, газеты і часопісы. Важным асяродкам беларушчыны з'яўляўся беларускі музей імя І. Луцкевіча.

Гэты блок змяшчаў такія матэрыялы, як кнігі і брашуры «Канстытуцыя Польскае рэспублікі 17 сакавіка 1921 г. і Закон 20-га студзеня 1920 г. аб польскім грамадзянстве» (Вільня, 1924, КП8-4768), «Інтэрпэляцыі беларускіх паслоў у Польскі сойм. 1922—1926 гг.» (Мінск, 1927, КП8-4343/079), «Западная Белоруссия на скамье подсудимых. Процесс Белорусской крестьянско-рабочей громады. 23 февраля — 22 мая 1928 г.» (Мінск, 1929, КП7-3720/018), «Беларускі музей імені Івана Луцкевіча» А. Луцкевіча (рэпрэнтнае выданне з 1933 г.; Мінск, 1992, КП13-8191), «Наваградская беларуская гімназія» А. Чэмера (Вільнюс, 1997, КП15-12788), «Рунь веснаходу: зборнік твораў паэтаў і пісьменнікаў Заходняй Беларусі» (Вільня, 1928, КП16-16737), «Полацкі князь Усяслаў — беларускі нацыянальны асілак» С. Сахарава (Вільня, 1939, КП14-11510), «У трохсотныя угодкі сьмерці вялікага канцлера Льва Сапегі» М. Шкялёнка (Вільня, 1933, КП8-4343/131) і інш.; а таксама былі змешчаны часопісы «Наш Шлях» (№ 1, 1922 г., КП8-4344/298), «Студэнцкая Думка»

(№ 1 (7), 1926 г., КП8-4344/303), «Шлях Моладзі» (№ 4, 1936 г., КП8-4344/310), «Летапіс Т-ва беларускае школы» (№ 5—6, 1933 г., КП8-4761) і інш. Тэма паланізацыі беларускага насельніцтва на тэрыторыі Заходняй Беларусі была пазначана польскімі падручнікамі «Elementarz» (Львоў, 1930, КП17-17683) і «Nasza wieś» (Львоў—Варшава, 1937, КП7-3720/011).

Тэматычны блок 3 быў прысвечаны найбольш значным пісьменнікам Заходняй Беларусі: М. Танку, В. Таўлаю, П. Пестраку.

Самым вядомым і, безумоўна, самым таленавітым з іх з’яўляецца Максім Танк (1912—1995). Адзін з актыўных дзеячаў КПЗБ (а пазней быў галоўным рэдактарам часопіса «Полымя», узначальваў Саюз пісьменнікаў Беларусі, быў дэпутатам Вярхоўнага Савета), ён разам з тым праз усё жыццё пранёс служэнне беларускай нацыянальнай ідэі. Яго вершы ахвотна друкавалі самыя розныя заходнебеларускія выданні, выйшлі кнігі «На этапах» (1936), «Журавінавы цвет» і паэма «Нарач» (абедзве ў 1937), «Пад мачтай» (1938). Кнігі «На этапах» і «Нарач» (паэма, прысвечаная паўстанню нарачанскіх рыбакоў) былі канфіскаваны польскімі ўладамі [2].

Танку адводзілася цэнтральнае месца ў вітрыне; дэманстраваліся, апрача тамоў «Збору твораў», факсімільнае выданне яго першага зборніка «На этапах» (Мінск, 1983, КП7-3720/57), перавыданне кнігі «Нарач» (Мінск, 1947, КП8-4344/13) і вышэй узгаданы яго дзённік «Лісткі календара» (Мінск, 1970, КП7-3720/489).

Валянцін Таўлай (1914—1947) у змагарных шэрагах заходнебеларускай літаратуры лічыцца другім паэтам пасля М. Танка. Як і Танк, перабраўся ў БССР і быў адпраўлены назад на падпольную работу, сядзеў па турмах, якія і падарвалі яго здароўе. Сапраўднае прызнанне прыйшло да яго трохі запазніўшыся, прычым адкрывальнікам яго таленту лічыцца А. Куляшоў [1, с. 457]. Першы зборнік «Выбранае» выйшаў толькі ў 1947 г.

Па тых жа шляхах прайшоў і Піліп Пестрак (1903—1978) — паэт, празаік, а ў азначаны перыяд — актыўны дзеяч рэвалюцыйнага руху, член КПЗБ і Грамады. Самым вядомым творам П. Пестрака стаў раман «Сустрэнемся на барыкадах» (1954), які прысвечаны дзейнасці падпольшчыкаў у Заходняй Беларусі і ахоплівае перыяд з 1921 па 1939 г.

На выставе былі прадстаўлены «Выбраныя творы» В. Таўлая (Мінск, 1951, КП21-28859; Мінск, 2014, КП22-36082), «Збор твораў» П. Пестрака ў 4-х тамах (т. 1-3, Мінск, 1969-1970, КП14-10817-10819), а таксама кніга «Піліп Пестрак: жыццё і творчасць» К. Г. Хромчанкі (Мінск, 1960, КП7-3720/345).

Тэматычны блок 4 працягваў знаёмства з пісьменнікамі-падпольшчыкамі і прадстаўляў Н. Тарас, М. Машару, М. Васілька.

Ніна Тарас (1916—2006) прыехала ў Вільню з мэтай паступіць ва ўніверсітэт. Кватэра, у якой жыла з сяброўкай паэтка, хутка стала явачнай (гэтак жа як пазней, у час Вялікай Айчыннай вайны, яе кватэра ў Лідзе). Вершы друкаваліся ў газеце «Наша воля». Першы зборнік выйшаў у 1940 г. Пазней яна стала аўтарам больш як 10-ці зборнікаў вершаў і кніжак для дзяцей.

Актыўны ўдзел у нацыянальна-вызваленчым руху прымаў таксама паэт, прэзаік, драматург і перакладчык Міхась Машара (1902—1976) — быў адным з арганізатараў гурткоў Грамады, рэдагаваў у Вільні газету «Наша воля». У 1928 г. арыштаваны і больш за 4 гады прасядзеў ў віленскай турме Лукішкі. З дапамогай сяброў вершы, напісаныя ў турме, былі перасланы на волю і склалі першы зборнік «Малюнкі» (1928), які выдала З. Верас за ўласны кошт. Пасля вызвалення Заходняй Беларусі быў абраны дэпутатам Народнага Сходу ў Беластоку, на якім і вырашаўся лёс Заходняй Беларусі. М. Машара з'яўляецца таксама аўтарам успамінаў «Старонкі летапісу».

Яшчэ адзін яркі паэт Заходняй Беларусі — Міхась Васілёк (Міхаіл Восіпавіч Касцевіч; 1905—1960). У 1922 г. вярнуўшыся на радзіму з Паволжа, куды выехаў з бацькамі падчас Першай сусветнай вайны, адразу уключыўся ў вызваленчы рух, уступіў у Грамаду, пазнаёміўся з выдатнымі культурнымі дзеячамі І. Дварчанінам, Р. Шырмам, якія сталі апекунамі яго таленту. У 1939 г. быў мабілізаваны ў польскае войска, трапіў у палон, дзе сустрэўся з Я. Брылём.

Без выбітнай постаці Янкі Брыля (1917—2006), аднаго з самых таленавітых беларускіх пісьменнікаў XX ст., агульная карціна заходнебеларускай літаратуры не была б поўнай. У адрозненне М. Танка або В. Таўлая, Я. Брыль не меў непасрэднага дачынення да камуністычнага руху. Праз самастойнае чытанне Я. Брыль далучыўся да ідэйна-маральнай канцэпцыі новага гуманізму. Асабліва моцным быў уплыў Л. Талстога [13, с. 481]. Разгарнуў асветніцкую і культурна-масавую работу ў роднай вёсцы, дзе стварыў драматычны гурток, перакладаў для яго п'есы польскіх і рускіх аўтараў, удзельнічаў у спектаклях як выканаўца роляў і пастаноўшчык. Супрацоўнічаў з віленскай беларускай прэсай, са сваімі першымі вершамі выступіў у 1938 г. у часопісе «Шлях моладзі». У 1939 г. быў прызваны польскую армію, трапіў у нямецкі палон, знаходзіўся ў лагеры для палонных у Памераніі, потым у Баварыі, адкуль з двума сябрамі уцёк з палону на радзіму і звязаўся з партызанамі. Пасля вайны працаваў у часопісе «Вожык», быў рэдактарам Дзяржаўнага выдавецтва БССР, намеснікам рэдактараў часопісаў «Маладосць», «Полымя», сакратаром праўлення СП БССР.

Заходняй Беларусі прысвечаны такія яго творы, як «Марыля», «Праведнікі і зладзеі», «Граніца», «Сіročы хлеб», «У сям'і» і інш., а таксама раман «Птушкі і гнёзды», які паказвае вайну вачыма заходне-беларускага юнака.

Асноўныя матэрыялы гэтага блока: кнігі «Пад белым яварам» Н. Тарас (Мінск, 1966, КП8-4344/237), «Старонкі летапісу» М. Машары (Мінск, 1975, КП8-4344/123), «Выбраныя творы» М. Васілька (Мінск, 1955, КП21-28887), «Птушкі і гнёзды» Я. Брыля (Мінск, 1964, КП7-3720/290), каляндарык «Янка Брыль. 1917—2006» (Мінск, 2007, КП20-25583) і інш.

Тэматычны блок 5 расказваў пра такіх дзеячаў Заходняй Беларусі, як Б. Тарашкевіч, Л. Родзевіч, І. Дварчанін, Р. Шырма, З. Верас, М. Гарэцкі, якія з’яўляліся адначасова літаратарамі.

Адной з найбольш яркіх постацей беларускага нацыянальнага руху з’яўляецца Браніслаў Адамавіч Тарашкевіч (1892—1938) — грамадскі і палітычны дзеяч, таленавіты вучоны-мовазнаўца, стваральнік славутай «Граматыкі», пісьменнік, публіцыст і перакладчык. Адзін з заснавальнікаў і старшыня Грамады. У якасці пасла польскага сейма выступаў у абарону сацыяльных і нацыянальных правоў працоўных Заходняй Беларусі [3]. У 1927 г. быў арыштаваны польскімі ўладамі і прыгавораны да 12 гадоў зняволення. У абарону Б. Тарашкевіча выступіла прагрэсіўная грамадскасць Еўропы (у Мінску камітэт у абарону Грамады ўзначальваў Я. Купала). У 1930 г. ён быў датэрмінова вызвалены, але ў 1931 г. зноў арыштаваны і асуджаны на 8 гадоў катаржнай турмы. Зняволенне адбываў у Гродне, дзе і пераклаў на беларускую мову паэму А. Міцкевіча «Пан Тадэвуш». У верасні 1933 г. быў абменены на беларускага драматурга Ф. Аляхновіча і рэпрэсіраваны (расстраляны ў 1938 г.).

Вядомы яшчэ адзін пераклад таго ж твора, зроблены таксама заходнебеларускім літаратарам Пятром Бітэлем (1912—1991), але ўжо ў савецкім лагеры. Тэкст быў перасланы ў Саюз пісьменнікаў БССР і трапіў да М. Танка, а той, высока ацаніўшы пераклад, напісаў перакладчыку прыязны ліст [6, с. 29—30].

На выставе ў адным тэматычным комплексе былі аб’яднаны матэрыялы, звязаныя з дадзеным «сюжэтам»: кніга «Пан Тадэвуш, альбо Апошні наезд на Літве» А. Міцкевіча ў перакладзе Б. Тарашкевіча (Ольштын, 1984, КП7-3720/45), каляндарыкі з выявамі Б. Тарашкевіча (КУЧП5-9678) і Ф. Аляхновіча (КП18-21282) і зборнік паэм «Дзве вайны» П. Бітэля (Мінск, 1990, КП7-3720/60). Для наведвальнікаў інфармацыя была пададзена ў невялікай эксплікацыі (падобнымі суправаджаліся ўсе тэматычныя блокі і падблокі).

Вельмі падобны лёс і ў дзеяча беларускага нацыянальнага руху, літаратуразнаўцы, паэта Ігната Дварчаніна (1895—1937), вядомага таксама як аўтар першай дысертацыі, прысвечанай дзейнасці і светапогляду Ф. Скарыны (Прага, 1926). Быў сакратаром Беларускага выдавецкага таварыства, выкладаў літаратуру ў Віленскай беларускай гімназіі. У 1930 г. быў

арыштаваны польскімі ўладамі, у 1932 г. абменены і праз год арыштаваны ўжо савецкімі. Расстраляны ў 1937 г.

З культурна-асветніцкай працай спалучаў актыўны ўдзел у рэвалюцыйным руху паэт і літаратуразнаўца Леапольд Родзевіч (1895—1938) — адзін з ініцыятараў стварэння Беларускай рэвалюцыйнай арганізацыі (БРА), а затым яе ўваходжання ў КПЗБ. Творы Л. Родзевіча карысталіся шырокай папулярнасцю ў Заходняй Беларусі. Асабліва яго п’есы (найперш «Збянтэжаны Саўка»), якія ставіліся прафесійнымі і аматарскімі калектывамі. Перабраўся ў СССР, быў рэпрэсіраваны і бясследна згінуў пасля 1938 г.

Да ліку заходнебеларускіх літаратараў можна аднесці і аднаго з класікаў беларускай літаратуры Максіма Гарэцкага (1893—1938). Менавіта віленскі перыяд яго творчасці прызнаецца даследчыкамі найбольш плённым. У 1919 г. разам з рэдакцыяй «Звязды» ён прыехаў у Вільню, пры раптоўным захопе Вільні польскім войскам апынуўся на акупаванай тэрыторыі, працаваў у Віленскай беларускай гімназіі, быў рэдактарам-выдаўцом газет «Наша думка» і «Беларускія ведамасці». З’яўляецца аўтарам першай «Гісторыі беларускай літаратуры» (Вільня, 1920), а таксама «Хрэстаматыі беларускай літаратуры» (Вільня, 1922). У 1922 г. ён быў арыштаваны польскімі ўладамі, але ў выніку пратэстаў за мяжой быў высланы ў Літву, а потым пераехаў у БССР. Арыштаваны ў 1930 г. па абвінавачанні ў прыналежнасці да т. зв. «Саюза вызвалення Беларусі» і расстраляны ў 1938 г.

Вельмі актыўны ўдзел у нацыянальна-вызваленчым руху Заходняй Беларусі прымаў Рыгор Раманавіч Шырма (1892—1978), вядомы як харавы дырыжор і музычны дзеяч, а таксама фалькларыст і літаратуразнаўца. Выкладаў спевы ў Віленскай гімназіі, чытаў лекцыі і даклады па хатах чытальных ТБШ, запісваў фальклор, выдаваў «Летапіс ТБШ», апекаваўся над маладымі паэтамі (у прыватнасці, рыхтаваў да друку зборнікі М. Васілька і М. Танка). Быў двойчы арыштаваны. Пасля ўз’яднання Беларусі арганізаваў Дзяржаўную акадэмічную капэлу, якая стала адным з самых выдатных калектываў краіны. Быў арыштаваны (1942), але выпушчаны.

Не можа не здзіўляць постаць Зоські Верас (Людвікі Антонаўны Сівіцкай, па мужу — Войцік; 1892—1991), вядомай як дзіцячая пісьменніца, публіцыст, мемуарыст, выдавец. Апрача ўсяго, яна арганізавала выпуск беларускага адрывага календара на 1926 г., што дало пачатак рэгулярнаму выхадзі такіх календароў у Заходняй Беларусі. Цікавілася пчалярствам, агародніцтвам. Яшчэ ў 1912 г. распачала працу над складаннем «Батанічнага слоўніка» (Вільня, 1924).

Раскрыць тэму, азначаную ў дадзеным тэматычным блоку, дапамагалі такія выданні, як «Францішак Скарына як культурны дзеяч і гуманіст на бе-

ларускай ніве» І. Дварчаніна (Мінск, 1991, КП11-6953), «Вогнішча барацьбы: апавяданні з жыцця Заходняй Беларусі» Л. Родзевіча (Менск, 1930, КП21-29117); «Хрэстаматыя беларускае літэратуры» М. Гарэцкага (Вільня, 1922, КП14-10234), «Беларускія народныя песні, загадкі і прыказкі» Р. Р. Шырмы (Мінск, 1947, КП8-4343/21), «Беларуска-польска-расійска-лацінскі ботанічны слоўнік» Зоські Верас (факсімільнае перавыданне 1924 г., Мінск, 1992, КП17-18395), часопіс «Голас праваслаўнага беларуса» з рэкламай беларускага адрыўнога календара (Вільня, 1931, КП-4762) і інш.

Завяршаў выставу тэматычны блок 6, які паказваў працяг тэмы Заходняй Беларусі ў беларускай літаратуры пасля 1939 г.

Яшчэ ў 1939 г. Я. Колас пачаў працу над паэмай «Рыбакова хата» (закончыў у 1947 г., калі яна і была апублікавана). Для пісьменніка, які жыў у БССР, тэма Заходняй Беларусі тым не менш была асабліва блізкай, бо за мяжой апынуліся яго родныя мясціны.

Прадстаўлены былі кнігі вядомага беларускага празаіка Аляксея Карпюка (1920—1992), адной з асноўных тэм творчасці якога з’яўляецца жыццё ў былой Заходняй Беларусі («Данута», «Вершалінскі рай» і інш.).

Напэўна, самым вядомым празаічным творам, прысвечаным Заходняй Беларусі, стаў раман Вячаслава Адамчыка «Чужая бацькаўшчына», які ў 1981 г. быў экранізаваны на «Беларусьфільме». Цікава, што традыцыю працягнуў і адзін з сыноў В. Адамчыка — М. Адамчык (выступае таксама пад псеўданімам Міраслаў Шайбак). Так, дзеянне яго дэтэктыўнага зборніка «Забойства на Каляды» адбываецца менавіта ў Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд.

Матэрыялы блока: «Рыбакова хата» Я. Коласа (Мінск, 1957, КП20-27848); «Выбраныя творы ў 2-х тамах» А. Карпюка (Мінск, 1980, КП14-10795; 10796); «Чужая бацькаўшчына»; В. Адамчыка (Мінск, 2009, КП22-36115); «Забойства на Каляды» М. Адамчыка (Мінск, 1994, КП15-15376) і інш.

Дадзеная выстава павінна была не толькі нагадаць пра існаванне такіх паняццяў, як «Заходняя Беларусь» і «заходнебеларускія пісьменнікі» як пра факты гісторыі. Знаёмства з умовамі існавання і накірункамі дзейнасці тых беларусаў, якія воляю знешніх палітычных сіл апынуліся ў няпростых умовах акупацыі, але заставаліся вернымі сабе, няпросты, а часам і трагічны лёс выдатных беларускіх дзеячаў, таленавітых пісьменнікаў выклікала шчырае суперажыванне і зацікаўленасць.

Зразумела, выстава не магла прадставіць усіх заходнебеларускіх літаратараў і ахапіць усе матэрыялы, звязаныя з абазначанай тэмай, якія захоўваюцца ў фондах НППКМЗ. Але падрыхтоўка да любой выстаўкі заўжды з’яўляецца падставай для вывучэння фондавых калекцый, што ў сваю чаргу падказвае новыя ідэі для экспазіцыі, а таксама і новыя накірункі для камплектавання.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Арочка, М. М. Валянцін Таўлай / М. М. Арочка // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі. Ін-т літ. імя Я. Купалы.— 2-е выд.— Мінск: Беларуская навука, 2002.— Т. 3.— С. 457—478.
2. Арочка, М. М. Максім Танк / М. М. Арочка // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі. Ін-т літ. імя Я. Купалы.— 2-е выд.— Мінск: Беларуская навука, 2002.— Т. 3.— С. 312—348.
3. Бергман, А. Слова пра Браніслава Тарашкевіча: гіст. жыццяпіс / А. Бергман; прадм. А. Ліса; пер. з польск. Я. Касцюка.— Мінск: Маст. літ., 1996.— 192 с., іл.
4. Войцікава, Л. «Заранка» (з маіх успамінаў) / Л. Войцікава (Зоська Верас) // Верас, З. Выбраныя творы / уклад., прадм., камент. Г. Запартыка.— Мінск: Беларуская навука, 2015.— С. 165—168.
5. Говін, С. В. Друк Заходняй Беларусі (1921—1939 гг.) / С. В. Говін.— Мінск: Выд-ва БДУ, 1974.— 96 с.
6. Дранько-Майсюк, Л. «...Натуральны, як лінія небасхілу»: архіўная аповесць пра Максіма Танка / Леанід Дранько-Майсюк.— Мінск: Кнігазбор, 2017.— 148 с., іл.
7. З культурнага жыцця // Маладая Беларусь. — 1936.— Кн. 1.
8. Заходняя Беларусь // Беларусь: энцыкл. даведнік / рэд. калегія: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) і інш.— Мінск: БелЭн, 1995.— С. 326.
9. Калеснік, У. Этапы і ростані волі / Уладзімір Калеснік // Ростані волі: з заходнебеларускай паэзіі / укл. і аўт. прадм. У. А. Калеснік; рэд. У. А. Арлоў.— Мінск: Маст. літ., 1990.— С. 5—40.
10. Кніжнасць Беларусі ў складзе другой Рэчы Паспалітай: ад Брэста да Вільні і ад Беластока да Навагрудка // Гісторыя беларускай кнігі. У 2 т. Т. 2. Кніжнасць новай Беларусі (XIX—XXI стст) / М. В. Нікалаеў [і інш.]; навук. рэд.: В. В. Антонаў, М. В. Нікалаеў.— Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011.— С. 293—298.
11. Ліс, А. С. Літаратура Заходняй Беларусі / А. С. Ліс // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі. Ін-т літаратуры імя Я. Купалы.— 2-е выд.— Мінск: Беларуская навука, 2002.— Т. 2.— С. 210—281.
12. Ліс, А. Дзе вы, хлопцы, браты, песняры?.. / А. Ліс // Ліс, А. С. Цяжкая дарога свабоды: артыкулы, эцюды, партрэты.— Мінск: Маст. літ., 1994.— С. 40—61.
13. Нікіфарава, В. Б. Янка Брыль / В. Б. Нікіфарава // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі. Ін-т літ. імя Я. Купалы.— 2-е выд.— Мінск: Беларуская навука, 2002.— Т. 3.— С. 479—521.
14. Палуян, У. А. Беларуская сялянска-работніцкая грамада / У. А. Палуян // Беларусь: энцыкл. даведнік / рэд. калегія: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) і інш.— Мінск: БелЭн, 1995.— С. 96.

15. Таварыства беларускай школы // Беларусь: энцыкл. даведнік / рэд. калегія: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) і інш.— Мінск: БелЭн, 1995.— С. 698.
16. Танк, М. Лісткі календара / М. Танк.— Мінск: Беларусь, 1970.— 312 с.
17. Трафімчык, А. Заходняя Беларусь у часе і прасторы: заўвагі да праблемы генезісу і лакалізацыі паняцця / А. Трафімчык // ARCHE Пачатак.— 2014.— № 7—8.— С. 15—53.
18. «Яйко вучыць курыцу» // Шлях Моладзі.— 1936 г.— № 3(89).

УДК 379.8.093

КНИГА ОТЗЫВОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Воднева Ирина Петровна

заведующий Краеведческим музеем — филиалом НПИКМЗ

Статья посвящена анализу записей рабочей книги отзывов стационарной выставки «Почётные граждане города Полоцка» как одного из инструментов музейного маркетинга, ценного исторического источника для исследования и формирования имиджа музея.

Ключевые слова: *имидж музея, книга отзывов, museum image, guest book.*

Для цитирования: *Воднева, И. П. Книга отзывов как инструмент формирования имиджа краеведческого музея / И. П. Воднева // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысонт, 2020.— С. 66—71.*

В настоящее время музеи, как общественно значимые социокультурные институты, подвержены трансформации наравне со всеми сферами общечеловеческой деятельности. Современные реалии окружающего мира постоянно выдвигают к музеям новые требования, приводящие в итоге к переосмыслению их образа, созданию позитивного имиджа.

Будем исходить из определения, что «имидж» — это целеустремлённо формируемый образ какого-либо лица, предмета, явления, призванный произвести эмоциональное и психологическое воздействие на посетителя

с целью рекламы этого предмета и его популяризации [1, с. 107]. В деловой оборот понятие «имидж» было введено ещё в 1960-е гг. американским экономистом Стэнли Болдуином. На территории постсоветского пространства феномен имиджа стал изучаться лишь с конца XX в., в период складывания рыночных отношений. Постепенный отход от системы государственного планирования и регулирования обусловил актуальную потребность в переосмыслении деловой активности различных учреждений и организаций [3, с. 274]. Этот вопрос коснулся и сферы деятельности музея как части социокультурного пространства.

Формированию позитивного имиджа музея способствует ряд факторов, которые, по мнению российского исследователя Оксаны Шестак, можно условно разделить на две группы: внутренние и внешние. К внутренним факторам относятся уровень и качество руководства музея, включение каждого сотрудника в процесс поддержания имиджа, уровень материально-технической и научно-практической базы музея, инновационность и динамизм корпоративного обучения. К внешним факторам относятся естественные условия и обстоятельства (природно-климатические, экологические), социокультурные (нравственно-правовое регулирование, интеграция учреждений культуры, региональное социокультурное пространство, музейные сети) и информационно-коммуникативные (издательская деятельность, цифровые технологии, виртуальные реалии) [3, с. 275].

На формирование имиджа влияет также анализ количественных и качественных показателей музейной деятельности, который является обязательным условием стабильного роста и развития учреждения культуры. Грамотно организованный и исправно функционирующий учёт позволяет музею подводить итоги своей деятельности и определять её результативность.

Кроме официальной статистики, присутствует и неформальная оценка качества предоставляемых музеем услуг. Такой оценкой являются записи книги отзывов. В отличие от подобных документов в сфере розничной торговли и услуг, книга отзывов в музее имеет многогранный характер. Являясь посредником между учреждением культуры и посетителем, она выступает важным инструментом музейного маркетинга, служит ценным историческим источником для исследования и формирования имиджа музея.

В записях, оставленных в книге отзывов, посетители музея могут не только кратко выразить своё впечатление, но и дать более подробную оценку увиденному и услышанному. Отдельные записи представляют собой структурированную сеть представлений о музее, демонстрируя при этом высокий уровень полноты своего впечатления. Т. о., из внутриличностного

источника информации, сохранённого в памяти воспринимающего лица, складывается комплекс оценок и впечатлений, который позволяет сделать выводы о качестве предоставляемых музеем услуг, удовлетворяющих культурные потребности посетителей [1, с. 107].

Анализ содержания книги отзывов, как инструмента исследования и формирования имиджа музея, даёт возможность выявить количественные и качественные показатели, взятые за определённый период. Условно они характеризуют «внешний имидж музея», его «фундамент» и «неосязаемость» [2]. Каждый из трёх показателей, по мнению Оксаны Шестак, подразделяется на более конкретные направления, отражающие мнение аудитории по разным темам. В итоге детальный анализ каждой записи даёт возможность учесть её по нескольким подтемам, произвести сравнение отзывов, их сопоставление.

В рамках данного исследования был проведён анализ рабочей книги отзывов стационарной выставки «Почётные граждане города Полоцка», которая содержит 175 записей за период с 31.03.2017 г. по 05.01.2019 г. Целью исследования стала оценка качества работы музея в процессе формирования его имиджа. Книга отзывов, сброшюрованная в количестве 29 листов, в обложке, находилась в доступном и эстетично оформленном месте, на специально оборудованной тумбе. Рядом с книгой на подставке располагалась шариковая ручка, лежали буклеты, рекламные флаеры, флажки. Для удобства заполнения книги посетитель имел возможность присесть на стул.

Следует заметить, что 100% записей в исследуемой книге содержат положительные, индивидуальные или групповые, отзывы, оставленные посетителями разных возрастных категорий. Жалобы на работу музея в данной книге отсутствуют, а предложения по улучшению его деятельности содержат всего 1,7% отзывов. Наибольшее количество записей оставлено с апреля по август 2017 г., когда новая музейная экспозиция была хорошо разрекламирована, и выставка стала местом проведения нескольких массовых мероприятий. В остальное исследуемое время количество записей варьируется от 3-х до 8-ми в месяц.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что 140 записей, а это 80% от общего количества, содержат указание места проживания посетителя: 67 отзывов оставлено жителями Беларуси (из них 26 — полочане), 60 — России, 3 — Латвии, 2 — Китая, по 1 — жителями Литвы, Украины, Израиля, США, Франции, Чехии, Японии, Германии. Преобладающее количество записей принадлежит людям среднего и старшего возраста.

По отдельным направлениям показатели имиджа музея выглядят следующим образом: 51% записей в количестве 80 ед. дают положительную

оценку «внешнему имиджу музея», который включает отзывы «благодарности», отзывы, отражающие мнение о качестве предоставляемых услуг и стандартах отношений персонала к своим служебным обязанностям; 15% записей содержат слова «благодарим» и «спасибо», адресованные сотрудникам музея; 2% отражают поведение и внешний вид персонала. Среди исследуемого материала были отзывы, характеризующие качество услуг. Так, 16% отмечают профессионально оформленную экспозицию, 11,5% обращают внимание на познавательность экспозиции, 4% — на качественно проведённую экскурсию, а 2,3% — на хорошую организацию мероприятий на площадке выставки.

Показателем «фундамента имиджа музея» является наличие отзывов, характеризующих социальную и культурную значимость музея, выполнение своей «миссии» существования. Это 26%, из них 11% (19 ед.) — это положительные отзывы, отражающие «ценности» музея. К числу заинтересовавшихся экспонатов посетители относят награды и документы времён Великой Отечественной войны. 15% записей (25 ед.) — положительные отзывы, отражающие «миссию» музея. Посетители советуют работать так и дальше, желая музею успехов и процветания.

Показателями «неосязаемого имиджа музея» являются отзывы, отражающие восприятие аудиторией особенностей, специфических черт «атмосферы музея» и отзывы, характеризующие особенности отрефлексировавшей музейной аудитории. Так, 18% записей содержат положительную оценку, что подтверждается словами «очень интересно, очень понравилось»; 11,5% записей демонстрируют высокую степень внутреннего удовлетворения, доказательством чего служат следующие слова:

«Очень интересная выставка. Просто замечательно, что история города и людей Полоцка живёт в таком музее и доступна как жителям города, так и приезжающим. Спасибо сотрудникам музея за незабываемые впечатления». К. Сазонов. 2017 г.

«Моё посещение Белоруссии надолго останется в моём сердце. А Полоцк — это восторг от города, от его истории, от его народа. Музей — это изюминка Полоцка! Восхищён!!!» Санкт-Петербург, Ю. Н. Крючков. 2017 г.

«Выставка «Почётные граждане» — это уникальная возможность узнать, что самый старый город Беларуси может похвастаться не только своей длинной историей, но и вкладом, который внесли в эту историю его граждане. Такие выставки напоминают нам о том, что каждый из нас может вписать своё имя в историю, несмотря на то, военный ты, писатель или просто человек, который полностью предан своему делу и всей душой любишь край, где вырос». 22 апреля 2018 г.

«Выставка „Почётные граждане города Полоцка“ весьма воодушевила, так как является не просто отражением более современного взгляда на город и его жителей, удостоившихся таких наград и достижений, а также стремлением, чтобы мы сами и наши дети совершенствовались и вкладывали свои знания и достижения в развитие города. Спасибо за сохранение столь замечательного музея». 22 апреля 2018 г.

При создании экспозиции научные сотрудники встречались с родными и близкими Почётных граждан. Позже некоторые из них побывали в музее и оставили записи в книге отзывов. Вот несколько строк из отзывов внуков В. С. Точилы: «Нам очень понравилось. Мы узнали много нового про дедушку Володю... Я с братом и сестрой второй раз пришла на выставку, нам очень нравится». Дуся и Саша Пенкрат. 2017 г.

Высокую оценку созданной экспозиции дали и коллеги-музейщики. «Туристам из Петербурга было приятно увидеть, с каким уважением относятся к Почётным гражданам города Полоцка. Выставка должна стать примером для большинства краеведческих музеев России». 2017 г.

Таким образом, в современном мире большое внимание уделяется формированию позитивного имиджа лица, предмета, явления, как части социокультурного пространства. Инструментом по изучению имиджа музея может стать книга отзывов, как источник необходимой информации по изучению музейной аудитории и её потребностей.

В результате исследования книги отзывов стационарной выставки «Почётные граждане города Полоцка» выявлен ряд количественных и качественных показателей, которые определяют некоторый объём неформальной информации о специфике выставки «Почётные граждане города Полоцка» и процессах, происходящих как внутри Краеведческого музея, так и во внешних сферах социокультурного городского пространства.

Положительную оценку «внешнему имиджу музея» дают 51% записей. Они отражают мнение о качестве предоставляемых услуг и мотивированности персонала в показателях «удовлетворённость экспозицией», «удовлетворённость экскурсией», «удовлетворённость персоналом». Заметным фактором является наличие 26% отзывов, что свидетельствует о социальной и культурной значимости музея, его «ценности». Это характеризует такой показатель как «фундамент имиджа музея». Исследование показало, что особенностью стационарной выставки является осознание посетителем особой «атмосферы музея», о чём говорит 18% записей от общего количества, и полное удовлетворение увиденным — ещё 14%. В целом же персонал музея целенаправленно работает над формированием таких параметров, как «неосязаемый дух имиджа» через элементы экспозиции, высокий уро-

вень преподнесения информации, создание коммуникативного пространства, нацеленного на диалог с посетителем.

Расширяя функции книги отзывов от «пассивного сбора мнений» до «активного транслятора запросов посетителя», коллектив Краеведческого музея как один из старейших филиалом НПИКМЗ создаёт коммуникативное пространство «посетитель — музей — посетитель». Наличие сделанных в книге отзывов записей и их анализ не только позволяет удовлетворять культурные запросы аудитории, но и становится конкурентоспособным субъектом рыночных отношений. Продукт, созданный музеем, и удовлетворяющий запросы посетителя, становится «социально престижным» и востребованным на рынке услуг.

В процессе формирования имиджа музея записи из книги отзывов могут использоваться и как источник хорошего настроения. Так, на сайте музея и в различных видах рекламной продукции можно размещать положительные эмоциональные отклики посетителей для рекламы своего музейного продукта. Кроме того, книга отзывов может стать и частью экспозиции, позволив, например, музейному посетителю по-новому оценить привычный или малозаметный предмет. Всё это даёт нам право рассматривать книгу отзывов не только как элемент проверки качества услуг, но и как инструмент исследования и формирования имиджа музея.

Список литературы и источников

1. Шестак, О. В. Книга отзывов как инструмент исследования и формирования имиджа музея / О. В. Шестак, Д. Е. Шорина // Ценности и смыслы.— 2017.— № 4 (50).— С. 106—113 [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kniga-otzyvov-kak-instrument-issledovaniya-i-formirovaniya-imidzha-muzeya>.— Дата доступа: 16.01.2020.
2. Шестак, О. В. Рабочая тетрадь: «Книга отзывов как бюджетный и энергосберегающий инструмент исследования и формирования имиджа музея»: методическое пособие / О. В. Шестак // Барнаул, МБУ ДО ДШИ «Традиция», «Этнографическая музейная мастерская «Лад».— 2018.— 25 с.
3. Шестак, О. В. Факторы формирования и развития имиджа музея / О. В. Шестак // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение.— 2019.— № 33.— С. 274—287 [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-formirovaniya-i-razvitiya-imidzha-muzeya>.— Дата доступа: 16.01.2020.

УДК 069

МУЗЕЙНАЯ ЭКСПАЗІЦЫЯ ЯК МАДЭЛЬ РЭЧАІСНАСЦІ, ЯЕ ПРАСТОРАВА-ЧАСАВАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ І АКТУАЛЬНАСЦЬ

Гаўрылава Славіна Вячаславаўна

загадчык Музея беларускага кнігадрукавання — філіяла НППКМЗ

Артыкул прысвечаны разгляду паняццяў «мадэляванне», «мадэль» у прасторы музеялагічнага дыскурса. Музейнае мадэляванне рэчаіснасці прадстаўлена як шматзроўневы працэс, які базуецца на інтэрпрэтацыі аб'ектаў гісторыка-культурнай спадчыны ў кантэксце музейнага збору і музейнай экспазіцыі. Апошняя ўяўляе сабой разгорнутую прасторава-часавую мадэль, актуальнасць якой задаецца рэалізацыяй функцыі дакументавання і ў першую чаргу дакументавання сучаснага сацыякультурнага развіцця рэгіёнаў.

Ключавыя словы: *прасторавая-часавая мадэль, музейная экспазіцыя, мадэляванне рэчаіснасці, інтэрпрэтацыя аб'ектаў, музей, дакументаванне працэсаў.*

Для цытавання: *Гаўрылава, С. В. Музейная экспазіцыя як мадэль рэчаіснасці, яе прасторава-часавая арганізацыя і актуальнасць / С. В. Гаўрылава // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (на выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысонт, 2020.— С. 72—81.*

Музейная экспазіцыя — гэта асноўная форма музейнай камунікацыі, якая з'яўляецца часткай музейнай камунікацыйнай прасторы, дзе адбываецца мадэляванне культурнага дыскурса, прэзентаванага музеям. Камунікацыйная прастора музея разглядаецца як шырокі прасторава-часавы кантэкст, у якім аб'екты знаходзяцца паміж сабой не толькі на фізічнай адлегласці, але і дыстанцыраваны ў часе, а значыць характарызуецца сінхранічнасцю і дыяхранічнасцю.

Як адзначаюць даследчыкі, культурны дыскурс «разворачываецца возле определенной образной модели прошлого (реже — настоящего) ... в рамках внутреннего коммуникационного пространства музея ...» [6, с. 65]. У структуры камунікацыйнай прасторы музея выдзяляюцца «знешні» і «ўнутраны» ўзроўні камунікацыі, першы з якіх утвараюць камунікацыйныя працэсы па-за межамі музея, што інтэгруюць інфармацыйны патэнцыял музея ў сацыякультурную прастору рэгіёну, другі — унутраны — камунікацыйныя акты, што адбываюцца ў межах экспазіцыі музея.

Асновай любой музейнай экспазіцыі з'яўляецца музейны прадмет, які рэалізуе навукова-інфармацыйную, камунікатыўную функцыі і функцыю мадэлявання рэчаіснасці. Напоўненасць інфармацыйнага поля экспазіцыі залежыць ад адной з самых істотных уласцівасцей музейнага прадмета — інфарматыўнасці, якая характарызуе змястоўны бок музейнага прадмета, яго здольнасць выступаць у якасці крыніцы звестак пра гістарычныя падзеі, культурныя, грамадскія і прыродныя з'явы і працэсы. У музейным прадмеце заключана ў першую чаргу інфармацыя пра яго ўласцівасці і функцыі, другім планам выступае ўказанне на іншы змест, у кантэксце якога прадмет існаваў.

Кожны музейны прадмет — гэта страціўшы сваю ўтылітарную функцыю фрагмент рэчаіснасці, якую немагчыма дакладна ўзнавіць, аднак неабходнасць пазнання вымагае стварэння яе мадэлі. Мадэль (з франц. *modele*, лац. *modulus* — мера, узор, норма), у логіцы і метадалогіі навукі — аналаг (схема, структура, знакавая сістэма) вызначанага фрагмента прыроднай ці сацыяльнай рэчаіснасці — арыгінала мадэлі. Гэты аналаг служыць для захавання і пашырэння ведаў (інфармацыі) аб арыгінале, канструявання арыгінала, пераўтварэння ці кіравання ім. З гнасеалагічнага пункту погляду мадэль — гэта прадстаўнік, замяшчальнік арыгінала ў пазнанні і практыцы [8].

Экспазіцыя будзе згодна навуковай канцэпцыі і архітэктурна-мастацкаму рашэнню, а значыць уяўляе сабой прасторавую мадэль рэчаіснасці. У філасофскім асэнсаванні гэта прасторава-часавая мадэль-камера, якая з'яўляецца спробай не толькі пазнання, але і зберажэння артэфактаў. Мінулае як час антрапалагічна можа быць прадстаўлена толькі ў выглядзе мадэлі, што ўяўляецца як «мадэль-камера» мінулага ў сучасным, замкнёная музейная прастора, заведама выдзеленая са звычайнай прасторы [11, с. 39].

Музейнае мадэляванне можа быць разгледжана ў трох аспектах. Па-першае, само па сабе мадэляванне выступае як метада захавання аб'ектаў, пры якім ствараюцца мадэлі матэрыяльных прадметаў. У гэтым сэнсе мадэль разглядаецца як спецыяльна створаны для экспанавання прадмет-замяшчальнік. Па-другое, музейны прадмет уяўляецца як згорнутая мадэль рэчаіснасці, а экспазіцыя ў сваю чаргу — як разгорнутая яе мадэль. Трэці аспект звязаны з разглядам мадэлюючага механізма.

Музейнае мадэляванне гістарычнай рэчаіснасці — гэта шматузроўневы працэс, які пачынаецца на стадыі камплектавання фондаў, калі вызначаецца каштоўнасць выяўленага ў акаляючым асяроддзі аб'екта як крыніцы інфармацыі ў залежнасці ад абранага музеям падыходу. На другім узроўні мадэлявання адбываецца працэс тэзаўравання, калі раскрываецца інфармацыйны патэнцыял музейнага прадмета і яго месца ў аб'ектыўнай рэчаіснасці, у якой ён існаваў і выконваў свае ўтылітарныя функцыі. Трэці ўзро-

вень — «фізічны» — утварае непасрэдна мадэляванне як працэс стварэння экспазіцыі музея. Апошні ўзровень — «камунікацыйны», на якім адбываецца ўзаемадзеянне прэзентаванай музейем мадэлі рэчаіснасці і наведвальнікаў.

Першы і другі ўзроўні музейнага мадэлявання звязаны непасрэдна з аб'ектамі гісторыка-культурнай спадчыны і іх інтэрпрэтацыяй у кантэксце музейнага збору. З гэтага пункту погляду музейны прадмет з'яўляецца мадэллю гістарычнай рэчаіснасці, аднак сам па сабе, не ўтвараючы сэнсавых сувязяў з іншымі прадметамі, уяўляе згорнутую мадэль.

На трэцім узроўні, як і на папярэдніх, ажыццяўляецца інтэрпрэтацыя аб'ектаў гісторыка-культурнай спадчыны, але ўжо ў кантэксце музейнай экспазіцыі. Музейная экспазіцыя ўяўляе сабой так званую візуальную інтэрпрэтацыю гістарычных падзей, з'яў, фактаў, якую ствараюць знакі, коды, увасобленыя ў матэрыяльных абалонках — музейных прадметах. Музейны прадмет нясе ў першую чаргу інфармацыю пра сябе, свае ўласцівасці і функцыі, і служыць намёкам на іншы змест, у кантэксце якога ён існаваў. Інфармацыйныя палі розных прадметаў перасякаюцца, утвараючы новыя сэнсы, што пераўтварае экспазіцыю музея ў разгорнутую мадэль рэчаіснасці.

Як правіла, у музейнай экспазіцыі выкарыстоўваецца не ўвесь інфармацыйны патэнцыял помніка. Неактуалізаваны пласт інфармацыі дае магчымасць убачыць так званыя незапланаваныя сувязі паміж аб'ектамі экспазіцыі, выявіць паралелі і сувязі, якія не прадугледжаны задумай экспазіцыянераў. Гэтая асаблівасць музейнага прадмета і дазваляе ствараць разнастайныя інтэрпрэтацыі.

Самае агульнае вызначэнне інтэрпрэтацыі — тлумачэнне, трактоўка, раскрыццё сэнсу, вытлумачэнне любога факта, з'явы, падзеі; гэта ўніверсальная працэдура разгляду фактаў і з'яў рэчаіснасці праз прызму грамадскіх нарматываў і каштоўнасцей. Канечным вынікам працэсу інтэрпрэтацыі з'яўляецца разуменне, такі стан свядомасці чалавека, калі з'ява, падзея ці факт упісваюцца ў яго ўласную карціну свету. Менавіта ў наданні сэнсу заключаецца якаснае адрозненне інтэрпрэтацыі ад іншых метадаў пазнання.

Адзін і той жа музейны прадмет можа служыць для пацвярджэння ці доказу розных, у тым ліку і супрацьлеглых фактаў. Прадмет уяўляе сабой цэльнасць формы і зместу, розныя аспекты якой актуалізуюцца ў працэсе інтэрпрэтацыі. Разгляд аб'екта ў кантэксце спарадзіўшай яго культуры дазваляе рэканструяваць цэласную рэчаіснасць, рэпрэзентаваную ім. Адною з праблем, звязаных з прадстаўленнем гэтай рэчаіснасці, з'яўляецца аднаўленне кантэксту ў музейнай прасторы. Адна з асноўных уласцівасцей экспазіцыі заключаецца ў тым, што знакі яе аб'ектаў чытаюцца толькі ў кантэксце. Адэкватная інтэрпрэтацыя гісторыка-культурнай спадчыны,

якая з'яўляецца адной з галоўных праблем сучаснай экспазіцыйнай дзейнасці, магчыма ў выніку вырашэння праблемы ўзаемасувязі гісторыі як рэальнасці і гісторыі як экспазіцыйнага аповеду пра яе. Для гэтага любы экспазіцыйны аповед падлягае кадзіраванню і рэпрэзентацыі, а яго значэнне выяўляецца ў ходзе інтэрпрэтацыі.

Вызначэнне зместу і характару музейнага матэрыялу — важнейшая, але не канечная задача музейнай дзейнасці. Вышэй за гэта стаіць духоўна-інтэлектуальная інтэрпрэтацыя, якая выяўляе сэнс і сутнасць як прадметна-рэчавага свету, так і духоўнага, сацыяльнага, гістарычнага жыцця. Тое, што ўяўляе для нас цікавасць у мінулым, нельга знайсці ў самім мінулым, паколькі яго ўжо не існуе як актуальнай дадзенасці. Мінулае захоўваецца ў сучаснасці ў форме, даступнай нашаму ўспрыманню і існуе толькі ў нашай свядомасці.

Важнае значэнне ў гэтым працэсе мае так званы кантэкст наведвальніка, які ўспрымае прэзентаваную музеем мадэль рэчаіснасці і ў залежнасці ад шэрагу асаблівасцей генерыруе ўласную мадэль. Асаблівасцю музейнай формы перадачы інфармацыі з'яўляецца тое, што музейная экспазіцыя як мадэль рэчаіснасці праз канкрэтныя музейныя прадметы перадае не проста факты, але меркаванні, уяўленні і адносіны да іх і тым самым уплывае на фарміраванне светапогляду і свядомасці наведвальнікаў.

Адсюль вынікае важнасць у працэсе музейнага мадэлявання апошняга яго ўзроўню — камунікацыйнага, на якім адбываецца ўспрыняцце наведвальнікам прэзентаванай музеем мадэлі рэчаіснасці і генерыраванне ўласнай мадэлі ў залежнасці ад шэрагу аб'ектыўных і суб'ектыўных фактараў. Камунікацыйны аспект прадугледжвае суаднясенне кодаў адрасантаў паведамлення (музейных супрацоўнікаў) у форме экспазіцыі з кодамі адрасатаў (наведвальнікаў). Недастатковы фонд папярэдніх ведаў і фонд знакаў наведвальніка, г.зн. таго, што складае яго інфармацыйны тэзаўрус, становіцца крыніцай семантычных перашкод на шляху праходжання інфармацыі, што можа прывесці да частковага ці поўнага неразумення ці непрыняцця прапанаванай музеем мадэлі гістарычнай рэчаіснасці.

Кампактнасць, узнаўляльнасць, зразумеласць, адраснасць — усе гэтыя ўласцівасці экспазіцыі як арганізаванага (на аснове навуковай канцэпцыі, якаснага адбору прадметаў і факталагічнага матэрыялу пасродкам глыбокай навукова-даследчай дзейнасці) набору кодаў праяўляюцца пры дапамозе супрацоўнікаў музея, якія забяспечваюць узаемадзеянне кодаў і іх адэкватную расшыфроўку — інтэрпрэтацыю — наведвальнікамі ў тым ліку і праз вербальную інтэрпрэтацыю — экскурсію.

Зразумела, што смадэляваная ў музеі рэчаіснасць не з'яўляецца поўным адпаведнікам рэальна існаваўшых з'яў, падзей, фактаў. Як правіла,

пры адборы музейных прадметаў для размяшчэння ў экспазіцыі пад увагу бяруцца асобныя аспекты іх інфармацыйнага патэнцыялу адпаведна навуковай канцэпцыі. Пры розным спалучэнні тых ці іншых аспектаў як унутранага, так і знешняга інфармацыйнага поля прадметаў можна атрымаць розныя, часам супрацьлеглыя, мадэлі.

Музей як сацыякультурны інстытут узнік і развіваўся як асобая форма мадэлявання чалавечай дзейнасці па асваенні акаляючага асяроддзя і сёння ўяўляе сабой форму пераходу сацыяльна-гістарычнай прасторы ў адпаведную арганізаваную прастору, у якой замацаваны найбольш важныя формы калектыўнага сацыяльнага і культурнага вопыту людзей. Прастора музея ўспрымаецца як асобая праекцыя культурнай прасторы і часу, у якой адлюстраваны гістарычны працэс як утварэнне рэальнасці праз актыўнасць суб'екта.

Музейная прастора можа разглядацца як своеасаблівы ўніверсальны тэкст, які прадстаўлены не толькі ў знакава-сімвалічнай форме, але і ў выглядзе сукупнасці прадметаў, звязаных з імі падзей, дасягненняў грамадства і культуры. Тэкст прасторы музея завершаны, паколькі адлюстраваны ў музеі час завершаны, але адначасова з тым прастора музея як тэкст не завершана, бо ў ёй нараджаюцца новыя сэнсы, асацыяцыі і сувязі з сучаснасцю. У гэтых адносінах музейная прастора суб'ектыўна, бо кожны наведвальнік стварае ўласныя сэнсы.

Спецыфіка ўспрыняцця і спасціжэння артэфектаў культуры, прадстаўленых у экспазіцыі вымагае ад наведвальнікаў устанаўлення дыялогу з людзьмі іншых эпох, якія ўвасобілі свой сацыяльны час у выніках уласнай дзейнасці, што ў сучаснасці з'яўляюцца музейнымі прадметамі. У гэтым дыялогу адбываецца сумяшчэнне прасторы музея і экзистэнцыяльна-асобаснай прасторы наведвальніка, што дазваляе апошняму выявіць, прыняць і засвоіць культурныя коды, закладзеныя ў музейныя прадметы.

Прастора музея выступае носьбітам сэнсаў і значэнняў, норм выхавання, зносін і паводзін, адзінства аб'ектыўнага і суб'ектыўнага, а таксама форм мінулага, сучаснага і будучага. Прастарава-часавыя мадэлі музей актуалізуе ў працэсе свайго функцыянавання, а наведвальнік музея ўспрымае і асэнсоўвае праз прызму ўласнага ўяўлення пра акаляючы свет.

У кантэксце музеязнаўчага дыскурсу паняцце «прастара» карэлюе з паняццем «экспазіцыя» музея, якая вызначаецца як «логічна выстроенае, структурна арганізаванае прастранства, участвуе ў працэсе камунікацыі шляхам перадачы інфармацыі на аснове саюза экспанатаў, абразна-художественных, знакаво-сімвалічных элементаў і ігровых, інтэрактыўных форм взаемадзеяння з посетіцелямі» [5, с. 14]. Структурнымі элементамі музейнай прасторы—экспазіцыі з'яўляюцца тэматычныя комплексы.

Экспанаты ў прасторы музея губляюць свае ўтылітарныя функцыі і існуюць у новай, штучна створанай рэчаіснасці, утвараючы новую сукупнасць, новую прастору, узнаўляючы кантэкст асяроддзя, у якім яны былі створаны і бытавалі як частка сацыякультурнай рэальнасці. Гэтая новая рэчаіснасць не з'яўляецца копіяй аб'ектыўнай рэчаіснасці, а выбудоўвае новую на аснове навуковай і мастацкай канцэпцыі — мадэль гістарычнай рэчаіснасці, якую ўтвараюць музейныя экспанаты. Гісторык і музейзнаўца У. У. Кандрацьеў, абгрунтоўваючы існаванне катэгорыі «музейная прастора» [4], выдзеліў фактары, якімі характарызуецца музейная прастора. Адзін з іх — прадметнасць. Музейную прастору складаюць музейныя прадметы, якія ўяўляюць сабой фрагменты «затрыманага часу», а сама прастора ёсць увасоблены музейны час. З пункту погляду суб'екта музейны час і музейная прастора не аддзялімы адно ад другога і зліваюцца ў адзінае цэлае, т. я. без часу музейная прастора губляе сваю музейнасць і поўнасцю знікае, ператвараючыся ў фізічную размешчанасць. Самае галоўнае адрозненне «музейнай прасторы—часу» ад фізічнай — гэта тое, што яна з'яўляецца суб'ектыўным уяўленнем і не існуе па-за чалавечай свядомасцю. У апасродкаванай форме музейнай прасторы існуе ілюзорны музейны час, які з'яўляецца спецыфічным уяўленнем чалавека пра час. Яго ўзнікненне даследчык звязвае з часавымі зрушэннямі пры ўспрыманні экспазіцыі ці асобных прадметаў адрасатам музейнай інфармацыі.

На асаблівасці музейнага прадстаўлення гістарычнага часу звярнуў увагу гісторык і музейзнаўца У. Ю. Дукельскі, разглядаючы паняцце «музейны гістарызм» [2]. Гістарычныя падзеі ўтвараюць тканіну экспазіцыйнага аповеду ў сваіх прасторава-часавых сувязях. Рэпрэзентатыўныя факты і з'явы вызначаюцца навуковай канцэпцыяй, на іх акцэнтуюцца ўвага ў экспазіцыі музея; астатнія ж могуць сумяшчацца ці ўвогуле апускацца. Буйныя храналагічныя перыяды сціскаюцца; непрацяглыя па часе, але гістарычна значныя — расцягваюцца, тым самым задаюцца рытм гістарычнага часу. Паслядоўнасць і разгорнутасць тэм задаюць накіраванасць часу і вызначаюць сістэму яго вымярэння. Часавыя прамежкі выдзяляюцца асобным чляннем экспазіцыйнай прасторы, што робіць абраныя з'явы і падзеі контурна абведзенымі, а музейны час дыскрэтным. Галоўная роля ва ўзнаўленні часавых адносін належыць музейнаму прадмету — артэфакту, які здольны рэпрэзентаваць не проста падзею ці асобу, а цэлую эпоху, чым і тлумачыцца часавая ёмістасць музейнай экспазіцыі.

Такім чынам, абедзве катэгорыі — «музейная прастора» і «музейны час» — з'яўляюцца ўзаемаабумоўленымі: так, музейны час уплывае на арганізацыю музейнай прасторы, якая ў сваю чаргу структурыруе час у музей-

най экспазіцыі. Ідэя, з’ява, успамін, факт, якія рэпрэзентуюцца ў музейнай экспазіцыі, нясуць у сабе адбітак «свайго» часу і «сваёй» прасторы і набываюць новае значэнне ў працэсе музейнай інтэрпрэтацыі.

Рэалізацыя функцыі дакументавання — функцыі доказу, г. зн. пацвярджэння пасродкам музейных прадметаў развіцця грамадства, культуры, прыроды, якое адбываецца няспынна, утварае аснову для стварэння актуальнай мадэлі сацыякультурнага развіцця рэгіёнаў.

Дакументаванне ўяўляе сабой мэтанакіраванае адлюстраванне ў музейным зборы з дапамогай музейных прадметаў разнастайных фактаў, падзей, працэсаў і з’яў, якія адбываюцца ў грамадстве і прыродзе. Мэтанакіраванасць гэтага працэсу закладзена ў місіі музея і навуковай канцэпцыі камплектавання музейных фондаў [10, с. 54]. Дакументаванне сучаснасці — важнейшая сацыяльная функцыя музея, якая заключаецца ў захаванні гісторыка-культурнай спадчыны, стварэнні базы крыніц для навукова-даследачай і экспазіцыйна-выставачнай дзейнасці. Сучасныя рэаліі вельмі хутка становяцца фактамі гісторыі і патэнцыяльнымі помнікамі гісторыі і культуры, таму праблема рэалізацыі функцыі дакументавання сучаснасці востра стаіць перад супрацоўнікамі музеяў.

У апошнія дзесяцігоддзі змясціліся акцэнтны ў выкарыстанні розных формаў камплектавання фондаў. Як правіла, перавага аддаецца прадметам, музейнае значэнне якіх не выклікае сумненняў, а гэта ў асноўным прадметы старажытнасці і пачатку ХХ ст., у той час, як крытэрыі адбору прадметаў сучаснасці па сённяшні дзень дакладна не вызначаны. На тое, каб ацаніць тую ці іншую падзею ці з’яву, прааналізаваць і ўвесці дадзеныя ў навуковы абарот, гісторыкам патрабуецца некаторы час, па гэтай прычыне дакументаванне сучаснасці ў музеях апырэджвае развіццё гістарычнай навукі. У гэтых адносінах сучасныя музеі ствараюць тую базу крыніц, на аснове вывучэння якой у далейшым будуць грунтавацца навуковыя даследаванні не толькі музейных супрацоўнікаў. Жаданнем найбольш поўна задакументаваць важную для рэгіёну падзею абумоўлены збор матэрыялаў «па гарачых слядах».

Згадзімся з даследчыкамі, якія сцвярджаюць, што простага запаўнення прабелаў у складзе фондаў не дастаткова. У камплектаванні фондаў краязнаўчых музеяў, якія рэпрэзентуюць сацыякультурнае развіццё вызначаных рэгіёнаў, побач з агульнымі крытэрыямі адбору прадметаў павінен улічвацца прынцып мемарыяльнасці [1, с. 7]. На практыцы часта менавіта гэты прынцып становіцца вызначальным пры адборы ў фонды прадметаў, асабліва па савецкім перыядзе, адрознай рысай якіх з’яўляецца іх тыповасць. Тыповасць прадмета, якая суадносіцца з функцыянальна-атрыбутыўнымі якасцямі прадмета, і ўнікальнасць, якая суадносіцца з суб’ектыўнымі

ўяўленьнямі аб прадмеце (мемарыяльнасць, сімвалічная абумоўленасць і інш.), зліваючыся, узмацняюць рэпрэзентатыўнасць прадмета [3, с. 43].

Расійскі музеязнаўца А. М. Масцяніца выдзяляе два ўзроўні, на якіх адбываецца ўзаемадзеянне музея і гісторыка-культурнай спадчыны. Мэтанакіраваны пошук, збор прадметаў і сістэматычнае камплектаванне фондаў адбываецца на эўрыстычным узроўні. Гнасеалагічны ўзровень звязаны з вывучэннем сабранага матэрыялу, асэнсаванне зробленых у працэсе ўсебаковага вывучэння прадмета адкрыццяў; атрыманая інфармацыя ўводзіцца ў навуковы абарот, адбываецца прырашчэнне новых ведаў [7]. Калі ў савецкі час музейныя прадметы разглядаліся з пазіцыі магчымасці іх выкарыстання для ілюстрацыі агульнапрынятых уяўленняў пра рэальнасць, якую яны рэпрэзентуюць, у сувязі з чым мела месца аслабленне ўласна даследчыцкага складніка функцыі дакументавання [9, с. 241—242], то ў сённяшняй дзейнасці музеяў па дакументаванні сучаснасці назіраецца сталае імкненне разглядаць музейныя прадметы ў якасці крыніц інфармацыі для вывучэння рэпрэзентаванай імі рэальнасці.

Працэс дакументавання працягваецца ў экспазіцыйнай і адукацыйнай дзейнасці музея. Экспазіцыя ў гэтым плане ўяўляе сабой своеасаблівую, спецыфічную для музея форму «публікацыі» навуковай работы. Работа, якую праводзяць супрацоўнікі музеяў і на эўрыстычным, і на гнасеалагічным узроўні, знайшла сваё ўвасабленне ў экспазіцыях многіх музеяў.

Такім чынам, музей фарміруе стаўленне грамадства да сваёй гістарычнай і культурнай спадчыны, яе ацэнку, успрыманне, разуменне, чаму спрыяе рэалізацыя функцыі дакументавання — функцыі доказу, г.зн. пацвярджэння пасродкам музейных прадметаў развіцця грамадства, культуры, прыроды, якое адбываецца няспынна. У сувязі з гэтым важнае значэнне набывае дакументаванне сучаснага перыяду, у адлюстраванні якога ў параўнанні з іншымі гістарычнымі перыядамі супрацоўнікі краязнаўчых музеяў маюць значна большыя магчымасці. На сённяшні дзень гэты працэс у асноўным немэтанакіраваны, што выклікана як адсутнасцю дастатковага фінансавання, распрацаванага падмурку з боку гістарычнай навукі, так і навуковых канцэпцый камплектавання і работы па стварэнні новых экспазіцый у саміх краязнаўчых музеях. Нягледзячы на нявызначанасць крытэрыяў адбору прадметаў сучаснасці, музейшчыкі імкнуцца задакументаваць важныя для гісторыі краіны і рэгіёну падзеі «па гарачых слядах», а да пошуку матэрыялаў прыцягваюць мясцовае насельніцтва. Характэрная для постсавецкага перыяду тэндэнцыя запаўняць прабелы ў фондавых зборах змянілася кірункам у бок вывучэння назапашаных калекцый і прадстаўлення наведвальнікам вынікаў навукова-даследчай дзейнасці ў выглядзе пастаянных і часовых экспазіцый.

Напрыканцы адзначым, што любая гістарычная экспазіцыя ўяўляе сабой мадэль, якая ўзнаўляе наша бачанне таго ці іншага гістарычнага працэсу, з’явы, падзеі. У музеі бачанне гістарычнай падзеі мадэлюецца ў рамках прадметна-прасторавай структуры экспазіцыі. Камбінаванне структураўтвараючых фактараў — форм і зместаў музейных прадметаў — утварае музейную экспазіцыю, якая не можа з’яўляцца поўным адпаведнікам гістарычных фактаў, з’яў і падзей, бо мінулае існуе толькі ў свядомасці чалавека, але выступае ў якасці іх замяшчальніка. Мадэль, якую ўяўляе сабой экспазіцыя, служыць для канструявання гістарычнай рэчаіснасці і яе пазнання, галоўным мадэлюючым механізмам чаго з’яўляецца працэс інтэрпрэтацыі музейных прадметаў. Мэта інтэрпрэтацыі заключаецца ў духоўна-тэарэтычнай рэканструкцыі мінулай рэчаіснасці з мэтай выяўлення сутнасці і сэнсу гістарычных падзей, гістарычнага развіцця чалавечага грамадства ў цэлым. Іншымі словамі, музейная экспазіцыя — гэта заведама выдзеленая са звычайнай прасторы разгорнутая прасторава-часавая мадэль, створаная на аснове інтэрпрэтацыі аб’ектаў гісторыка-культурнай спадчыны, якія ўтвараюць прадметна-прасторавую структуру і вызначаюць часавую арганізацыю экспазіцыі, з мэтай рэканструявання гістарычнай рэчаіснасці. Актуальнасць гэтай мадэлі дасягаецца за кошт мэтанакіраванага адлюстравання ў музейным зборы з дапамогай музейных прадметаў разнастайных фактаў, падзей, працэсаў і з’яў, якія адбываюцца ў грамадстве і прыродзе, г.зн. іх своечасовага і поўнага дакументавання.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Бяспалая, М. А. Сучасныя тэндэнцыі ў камплектаванні фондаў рэгіянальных музеяў як працяг традыцый Я. і К. Тышкевічаў / М. А. Бяспалая // Чацвёртыя Тышкевіцкія чытанні (г. Валожын, 24 кастрычніка 2012 г.): матэрыялы чытанняў / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў.— Мінск, 2012.— С. 5—16.
2. Дукельский, В. Ю. В поисках музейной концепции истории / В. Ю. Дукельский // Музейная экспозиция: Теория и практика. Искусство экспозиции. Новые сценарии и концепции: сб. науч. ст. / Российская академия наук, Российский ин-т культурологии; редкол.: М. Т. Майстровская (отв. ред.) [и др.].— М., 1997.— С. 33—41.
3. Кондратьев, В. В. Вопросы отбора материалов современности в музейное собрание / В. В. Кондратьев // Формирование и изучение музейных коллекций по истории советского общества: сб. науч. тр. / Центр. музей революции СССР; [редкол.: Ю. П. Пищулин (отв. ред.) и др.].— М.: [Б. и.], 1982.— С. 38—46.

4. Кондратьев, В. В. Музейная игра / В. В. Кондратьев // Музей и демократия: сб. ст. / Лаборатория музейного проектирования, Российский ин-т культурологии; редкол.: Н. А. Никишин (отв. ред.) [и др.].— М., 1997.— С. 72—79.
5. Краснова, Е. Л. Современное экспозиционное пространство музеев Беларуси: коммуникативный аспект : автореферат диссертации... кандидата культурологии: 24.00.03 / Краснова Евгения Леонидовна.— Минск: [б. и.], 2012.— 23 с.
6. Кряжевских, М. Ю. Модель коммуникационного пространства музея / М. Ю. Кряжевских // Вестник Челябинского государственного университета.— 2012.— № 4 (258).— Философия. Социология. Культурология.— Вып. 3.— С. 64—67.
7. Мастеница, Е. Н. Культурное наследие и музей: проблема взаимодействия / Е. Н. Мастеница // Музеология. Культурология [Электронны рэсурс].— Рэжым доступу: http://www.bvahan.com/museologypro/muzeevedenie.asp?li2=1&c_text=42.— Дата доступу: 20.10.2019.
8. Модель // Философский энциклопедический словарь [Электронны рэсурс].— Рэжым доступу: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4535.— Дата доступу: 19.04.2019.
9. Ольшевская, Г. К. Новые критерии комплектования музейных фондов. Историко-антропологический подход / Г. К. Ольшевская // Исторические экспозиции региональных музеев в постсоциалистический период: сборник материалов Международного семинара, проведенного в 2003—2004 гг. в России, Белоруссии и Германии / И. В. Чувилова (отв. ред.).— СПб.: Алетейя, 2009.— С. 241—246.
10. Словарь актуальных музейных терминов // Музей.— 2009.— № 5.— С. 47—68.
11. Философия музея: учеб. пособие / М. Б. Пиотровский, О. В. Беззубова, А. С. Дриккер; под ред. М. Б. Пиотровского.— М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015.— 192 с.— (Высшее образование: Магистратура).

УДК [27-528+069.1](476.5-21)"18/19"

ЛИТУРГИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ В СОБРАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛОЦКОГО ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Головырина Ольга Дмитриевна

ведущий научный сотрудник Художественной галереи — филиала НПИКМЗ

В данной научной работе представлен обзор коллекции предметов богослужебного назначения в собрании НПИКМЗ, которая насчитывает 14 музейных предметов. В тексте работы раскрыто назначение, основные характеристики и особенности каждого предмета, а также история их поступления в музейное собрание.

Ключевые слова: христианство, православие, католицизм, литургия, предметы культа, напестольный крест, дарохранительница, монстранция, киворий, кадило, покровец, воздух, фелонь.

Для цитирования: Головырина, О. Д. Литургические предметы в собрании Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника / О. Д. Головырина // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (на выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-заповедніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысон, 2020.— С. 82—94.

В собрании НПИКМЗ имеется небольшая коллекция предметов богослужебного назначения, большая часть которых размещена в экспозициях музеев. Предметы, поступившие в собрание заповедника и ранее используемые по назначению, представляют интерес и детально не изучались ранее, поэтому тему данной работы можно считать актуальной.

Значение литургии и богослужебных предметов сложно переоценить, имея представление, какое влияние деятельность церкви оказывало на духовную и культурную жизнь за две тысячи лет существования христианства. В произведениях христианского искусства в разное время находили отражение стили, получившие распространение в ту или иную эпоху. Проследив особенности развития христианского искусства можно более полно изучить имеющиеся в коллекции предметы богослужебного назначения, что я также ставлю задачей своей научной работы.

В первую очередь стоит определить, какие предметы являются литургическими. Литургия (евхаристия, причастие) — средоточие жизни церкви, как православной, так католической. Во время служения литургии

символически воспроизводятся события последних дней Христа, тайной вечери, его распятия и воскресения. Кульминацией литургии, собственно для чего она и проводится, является причащение верующих хлебом и вином, которые согласно церковной догматике, преосуществляются во время литургии в тело и кровь Христа [3, с. 15–16].

При проведении обрядов священнослужители используют разнообразные предметы, обладающие символическим сакральным смыслом. В общем смысле все предметы, употребляемые при священнодействии, называют священными сосудами. Среди них посуда и приборы: тарелка для евхаристического хлеба, называемая дискос, потир, звезда, ложка, копие, а также предметы из ткани: малые покровцы, воздух и др. (рис. 1, 2) Священные сосуды зачастую сами по себе приобретают статус святынь, и прикасаться к ним имеет право лишь священнослужитель.

Собрание НПИКМЗ содержит некоторые священные сосуды, большинство из которых экспонируется в залах Художественной галереи в разделе Культовое искусство Беларуси. Обратимся к интересующим нас предметам.

Коллекция насчитывает четырнадцать предметов из текстиля и металла. Временные рамки коллекции можно обозначить так: первая половина XIX–XX вв. Предметы охватывают вековой временной промежуток и могут помочь охарактеризовать этот период.

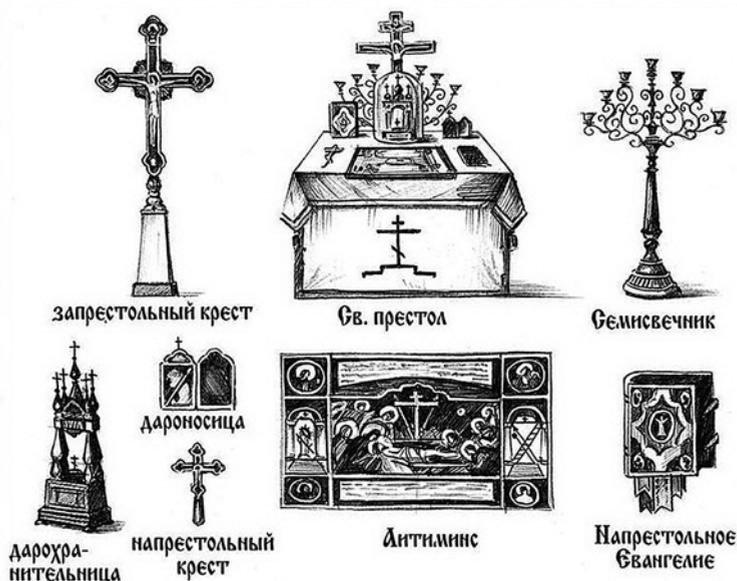

Рис. 1. Литургические предметы на престоле

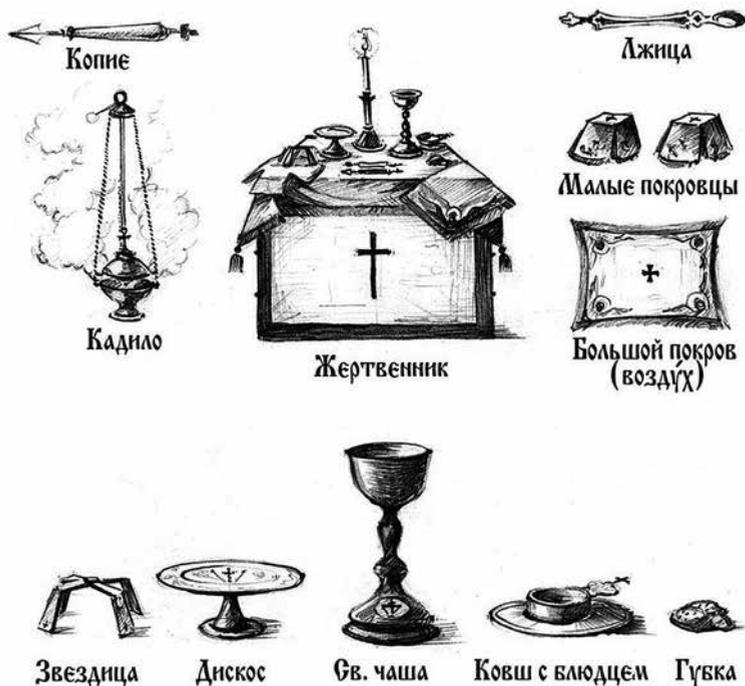

Рис. 2. Литургические предметы на жертвеннике

В собрании заповедника имеется *три напрестольных креста*. Напрестольный крест является обязательной принадлежностью алтаря и используется во время литургии для благословения верующих.

Кресты весьма схожи по своему исполнению. (рис. 3) Схожие предметы встречаются в собраниях других музеев, в частности: в Национальном художественном музее Республики Беларусь, Гродненском музее истории религий, собрании Исаакиевского собора, музеев Ростова, Архангельска, Курска и других [6, с. 20]. На всех интересующих нас крестах мы видим поясную фигуру Господа Саваофа в верхней части со звёздчатым нимбом, в левой руке он держит державу, правой благословляет. Чуть ниже — две фигуры ангелов с убрсами (платами) в руках. Между ангелами — изображение голубя, символизирующего Святой Дух. В центральной части — рельефное изображение Голгофского креста с пригвожденным к нему Христом. На средней перекладине по правую и левую руку Христа — образы небесных светил солнца и луны, по евангельскому преданию померкших в момент распятия. На поле нижней перекладины изображены архитектурные строения, символизирующие город Иерусалим, в окрестностях которого происходила казнь. Внизу, у основания Голгофского креста, череп — голова Адама.

Рис. 3. Напрестольный крест в собрании
НПИКМЗ

Присутствие Адама в сюжете распятия определяется христианской доктриной искупления [12, с. 473].

Такой канон распятия сложился к середине XVII в. и был основным, строго установленным, правилом изображения сюжета Распятия на восьмиконечных меднолитых крестах, иными словами, в это время четко определились их иконография и общий облик [13]. Кресты в собрании заповедника выполнены с различных литейных форм и отличаются некоторыми деталями в изображении деталей и в орнаментике, в нанесении эмали. Предметы являются замечательными образцами канона распятия и ярко представляют временной период, а именно, XIX в. в области культового литья.

Ещё один обязательный атрибут алтаря православного храма — *дарохранительница*, представляющая собой сосуд из благородного металла, обычно в виде храма либо часовни под сенью. В центре дарохранительницы в особом отделении, часто исполненном в виде

гробницы с крышкой, хранят запасные освящённые святые дары, приготовленные заблаговременно во время литургии. Дарохранительница используется также в католических и англиканских церквях.

Происхождение дарохранительницы обусловлено древним обычаем сохранения части даров в храме. С первых веков христианства известны дарохранительницы в форме голубя, так называемый «евхаристический голубь», которые подвешивались над престолом.

В XVIII—XIX вв. дарохранительницы выполнялись из золота, серебра, реже олова, в виде храма либо часовни. Некоторые из них представляли собой многофигурные скульптурные композиции. Декорировались дарохранительницы чернением, гравировкой, сканым орнаментом. Часто

Рис. 4. Дарохранітельніца в собрании
НПІКМЗ

на лицевой и оборотной стороне помещались сцены из Евангелия, выполненные в технике чеканки или расписной эмали.

Дарохранительница поступила в собрание НПІКМЗ в 1992 г. путём закупки в салоне при Витебском краеведческом музее. (рис. 4) Она датирована 1880—1917 гг. и выполнена из металла в виде пятиглавой часовенки с колоннами на четырёх широких ножках. В центре находится символическая гробница с крышкой для хранения святых даров. Этот предмет выполнен в так называемом «русском» стиле, характерном для изделий из металла с 1840-х гг., выполненных на территории России. В это время формировалась собственная национальная художественно-стилевая традиция, ставшая оригинальным явлением в русском художественном металле. Дарохранительницы в этот период

зачастую имитировали памятники русского деревянного зодчества и украшались гравировкой, разноцветными эмалями, как в нашем случае [4].

XIX в. внес механизацию в приемы обработки металлов, которая привела к упрощению и ускорению изготовления изделий. К примеру, трудоемкая чеканка начинает вытесняться в это время механической штамповкой.

В собрании заповедника имеется аналог дарохранительнице в обиходе католической церкви, который экспонируется в полоцком Краеведческом музее. Это так называемый киворий — сосуд для хранения святых даров в католической церкви, размещаемый в алтаре. По своему внешнему виду предмет напоминает сень или балдахин, поддерживаемый четырьмя колоннами.

Ранние образцы имели форму шкатулки, иногда с основанием, напоминающим ножку кубка. В XIV—XV вв. кивории изготавливались в виде башенки и подвешивались над престолом. Современной формой католического и англиканского кивория является металлическая чаша на высокой ножке с крышкой, увенчанной крестом.

Киворий в экспозиции полоцкого Краеведческого музея имеет традиционную форму шатра на четырёх колоннах и подставке с фигурными ножками. Шатёр покрыт орнаментом ромбовидной формы. На резных пластинах сверху отчеканены изображения всевидящего ока и святого духа в виде голубя. Ниже, у основания, изображены 4 сцены: Богородица у ног святого; святой, протягивающего руку к чаше; Христос, несущий крест и изображение неизвестного святого. Предположительно, киворий был изготовлен во второй половине XIX — начале XX в. Предмет поступил в собрание заповедника в 1978 г. путём передачи из закрытого костёла в Витебской области, как и *кадило*, которое также экспонируется в полоцком Краеведческом музее.

Кадило представляет собой сосуд, используемый в литургической практике православной и католической церкви для совершения каждения. Курение ладана — важнейшее символическое действие, которое совершается в христианстве с апостольских времён. В металлическую кадильницу на раскалённые угли полагается душистая смола Ладанного дерева, растущего на Аравийском п-ве, и в Восточной Африке, а также смола ливанского кедра. При сгорании ладан источает ароматный дым. Каждение символизирует жертву, приносимую Богу, а также жертву Христа [1, с. 98].

Кадило в экспозиции Краеведческого музея датируется XIX в., и изготовлено из металла с серебряным покрытием в стиле классицизма. Сосуд имеет форму чаши на ножке с фигурным навершием в форме перевёрнутого тюльпана, которое завершается крестом. Украшено кадило геометрическим орнаментом и элементами растительного орнамента. Сосуд закреплён на трёх цепочках, соединённых кольцом. Такая форма кадила на цепях появилась в VI в., а на Руси стала использоваться с XI в. Вплоть до XVII в. широко бытовали ручные кадила на цепях с открытым верхом, однако такая форма не была безопасной из-за вероятности выпадения углей и возникновения пожаров. После XVII в. в основном кадила бытовали закрытой формы.

В собрании НПИКМЗ имеется священный сосуд для использования в обиходе католической церкви, под названием монстранция (монстранц). (рис. 5) Ранее наряду с термином «монстранция» употреблялся термин «остенсорий». В Средние века монстранции использовались также и для выставления для почитания мощей святых. Монстранции используются в процессиях, для поклонения святым дараам.

Первые монстранции появились в Западной Европе в XIV в. Монстранции могут иметь разнообразную форму, однако наиболее распространённая форма представляет собой символическое солнце с расходящимися лучами (так называемая лучезарная дельта), увенчанное крестом.

Рис. 5. Монстранция в собрании
НПИКМЗ

Центральная часть монстранции выполнена из прозрачного материала и предназначена для помещения туда освящённой гостии.

Монстранции имеют различные размеры и вид — от простых до богато украшенных.

Монстранция поступила в собрание НПИКМЗ в 1978 г. и имеет вышеописанную форму солнца, в лучах которого размещены два херувима, голубь, как символ Святого духа, а также, вверху композиции, изображение благословляющего бога-отца с державой и евангелием в левой руке. В центре монстранции расположено окошко из хрусталя. На одном из лучей с оборотной стороны отчеканено клеймо «NORBLING GOLF WARSZAWA», из чего следует, что предмет был произведён на известной Фабрике NORBLIN & Co в Варшаве. Изделия, произведённые на фабрике Норблин, отличаются высочайшим качеством. По виду

клейма мы можем сузить временные рамки датировки монстранции.

С 1882 г. преимущественно вся продукция стала маркироваться клеймами с изображением двуглавого орла. Встречаются изделия с клеймом без двуглавого орла, однако это обусловлено небольшой площадью поверхности изделия для клейма, что не относится к нашему случаю [7]. Следовательно, можно предположить, что монстранция была изготовлена в период 1850—1882 гг.

Обратимся к предметам из текстиля. Церковное шитьё родилось одновременно с Церковью — это главным образом облачения и покровы, имеющие важное символическое и практическое значение в обрядах и службах церкви.

В собрании НПИКМЗ имеются храмовые покровы, которые в обязательном порядке используются во время литургии. На жертвеннике (стол в алтаре для приготовления евхаристического хлеба и вина) хранятся и используются малые покровцы — матерчатые кресты с квадратным средокрестием, которы-

ми покрывается чаша с евхаристическим вином. (рис. 6) В Древней Церкви покровцы использовались для защиты Святых Даров от пыли и насекомых. Плат больших размеров называется *воздух*, которым покрывается сверху чаша и дискос (тарелка для евхаристического хлеба). (рис. 7) Большой воздух был введён в обиход церкви в V в. и имеет символическое значение младенческих, а также с другой стороны и погребальных пелен Христа [9, с. 32]. Воздух представляет собой матерчатый мягкий прямоугольник, в центре которого вышивается изображение креста либо различные композиции: положение во гроб Христа, причащение апостолов, херувимы и др.

В собрание заповедника в 2017 г. поступили 2 покровца и 2 воздуха из храма Преображения Господня в д. Язно Витебской обл.

Исходя из датировки предметов 1880—1917 гг. можно выдвинуть гипотезу о том, что покровцы и воздуха были заказаны для нового храма, построенного и освящённого в 1900 г.

Возможно, предметы сохранились из ранее действующих церквей: деревянный храм (сгорел в 1828 г.) и временная церковь.

Рис. 6. Покровец в собрании НПИКМЗ

Рис. 7. Воздух в собрании НПИКМЗ

Покровцы в собрании заповедника датированы 1880—1917 гг. и представляют собой набор двух идентичных предметов. На покровцах вручную вышиты херувимы и небольшой крест в центре. Крылья, нимб, детали стилизованных растений вышиты канителью (нитью с проволочной обмоткой).

Лица херувимов на бумажной основе нашиты на ткань. В XIX в. для церковного шитья стали использоваться материалы промышленного производства. Изделия постепенно стали принимать массовый характер, что отразилось в их исполнении. В это время стали применяться не свойственные древнему шитью материалы — нити мулине, золотные сетки, техники: художественная гладь, вышивка крестом, аппликация; отделки: бахрома, кисти.

Покровцы в собрании НПИКМЗ хорошо характеризуют этот период и являются показательными.

Схожие изделия мной были обнаружены: в собрании Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, в ризнице храма Успения Божией Матери, усадьбы Демьяново, г. Клин (Близ Москвы), а также два покровца в настоящее время выставлены на аукционе в России. Все изделия датированы XIX в., одно изделие датировано 1911 г. [2]

Широкий спектр изделий культового назначения производилось в Москве и окрестностях, можно сделать предположение о происхождении покровцов в нашем собрании.

Ещё два предмета, переданные в музейное собрание — воздухи, представляющие собой прямоугольники мягкой парчи, расшитой крестами и стилизованным растительным орнаментом.

Парча представляет собой шёлковую ткань с добавлением золотых или серебряных нитей. Изделия из этой нарядной ткани известны с начала нашей эры в Китае. Вплоть до XVIII в., когда в России началось собственное производство парчи, драгоценную ткань в Россию завозили из Византии, а позднее из Турции, Ирана, Италии и Франции.

В XIX в. парча отличалась имитацией золотой металлической нити фольгой на нитяной основе.

В экспозиции Художественной галереи представлен неполный комплект облачения священнослужителя: фелонь, пояс и епитрахиль XIX в. (рис. 8)

Рис. 8. Фелонь и пояс в собрании НПИКМЗ

Фелонь (в обиходе «риза») — верхнее богослужебное одеяние священника, имеющее вид длинной накидки без рукавов. Спереди фелонь имеет глубокий вырез для свободного действия рук.

В XIX в. встречается множество различных типов украшения литургических облачений — расшивание бисером, нашивание галунов и лент, выполнение аппликации на кружево. Нередко орнамент приближен своими чертами к народному. [10]

Фелонь в экспозиции Художественной галереи датируется XIX в. и богато расшита вручную канителью — нитью с металлической обмоткой. (рис. 9) Растительный орнамент в широком смысле можно истолковать как образ рая, видение духовного мира [5]. Детали орнамента, расшитые канителью, пришивались мастерицей на бумажную подкладку. Также мы видим имитацию жемчужин и делали растительного орнамента, расшитые тонкими полосками металлической фольги, пришитыми на бумажную основу.

Епитрахиль — это обязательный элемент одежды священника, без которого невозможно проведение им службы. Епитрахиль представляет собой длинную ленту ткани, соединённую концами, с прорезью для шеи и головы. На епитрахиль нашиваются семь крестов, которые символизируют семь таинств церкви: шесть нашивается спереди, и ещё один сзади на шее [7, с. 165—170].

Рис. 9. Фрагмент орнаментальной вышивки фелони в собрании НПИКМЗ

Пояс, также представленный в экспозиции Художественной галереи, изготовлен из той же материи, что и фелонь, украшен растительным орнаментом и крестом из канители в центре. Пояс одевается под фелонь и имеет ленты, которыми связывается на пояснице. Этот элемент облачения священника издревле символизирует духовную силу и целомудрие.

Рассмотрев все вышеназванные предметы, можно сделать вывод о том, что коллекция предметов литургии, на мой взгляд, представляет интерес, характеризует особенности культового искусства XIX в. Предметы обладают аттрактивностью, т. е. способны заинтересовать, привлекают внимание, обладают информативностью. На мой взгляд, коллекция достойна пополнения и продолжения в экспозиции галереи.

Список литературы и источников

1. Алфеев, И. Православие. Том II / прот. И. Алфеев.— Москва, Сретенский Монастырь. 2009.— 946 с.
2. Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. [Электронный ресурс].— 2020.— Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/>.— Дата доступа: 20.03.2020.
3. Дудченко, А. Евхаристия. Прошлое. Настоящее. Вечное / прот. А. Дудченко.— Киев: Quo Vadis, 2013.— 255 с.
4. Золотое и серебряное дело XIV—XVII вв. [Электронный ресурс].— 2014.— Режим доступа: <http://museum-sp.ru/collection/istoriko-khudozhestvennaya-kollektsiya-xiv-xxi-vv/zolotoe-i-serebryanoe-delo-xiv-xvii-vv>.— Дата доступа: 01.03.2020.
5. Иконография восточно-христианского искусства. Проект научного отдела факультета церковных художеств православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета [Электронный ресурс].— 2020.— Режим доступа: <http://icons.pstgu.ru/#>.— Дата доступа: 02.03.2020.
6. Карпенко, Е. Образ литой, старинный. Медное художественное литьё в собрании Национального художественного музея Республики Беларусь. Каталог / Е. В. Карпенко.— Минск: Белорусский Дом печати, 2006.— 175 с.
7. Клеймовник посеребренных изделий варшавских фирм НОРБЛИНЬ. [Электронный ресурс].— 2016.— Режим доступа: <http://www.ascasonline.org/NORBLINRUSSOWINdue.pdf>.— Дата доступа: 20.03.2020.
8. Колесникова, В. Православный храм. Символика и традиции / В. Колесникова.— Москва: Олма-пресс, 2006.— 543 с.
9. Лебедев, Л. Символика православного храма / прот. Л. Лебедев.— Курск, 1990.— 139 с.

10. Тылецкая Н. В., Домненкова Л. В. Церковный текстиль как источник знаний по истории художественного текстиля // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. по матер. XII междунар. науч.-практ. конф.— Новосибирск: СибАК, 2012.
11. Золотое и серебряное дело XIV-XVII вв. [Электронный ресурс].— 2014.— Режим доступа: <http://museum-sp.ru/collection/istoriko-khudozhestvennaya-kollektsiya-xiv-xxi-vv/zolotoe-i-serebryanoe-delo-xiv-xvii-vv>.— Дата доступа: 01.03.2020.
12. Холл, Д. Словарь сюжетов и символов в искусстве. Пер. с английского А. Е. Майкапара.— Москва: КРОН-ПРЕСС, 1996.— 656 с.
13. Черников В. А. Меднолитые кресты с распятием XVIII—XIX вв. [Электронный ресурс].— 2004—2018.— Режим доступа: <http://mycity.kherson.ua/journal/letopis1/n-krest.html>.— Дата доступа: 01.03.2020.

УДК 684.4(091)(476.5-21)"1944/1990"

ПОЛОЦКИЙ МЯСОКОМБИНАТ: ИСТОРИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. 1944—1990 ГГ.

Гриб Евгений Петрович

ведущий научный сотрудник Краеведческого музея — филиала НПИКМЗ

В статье рассматривается история одного из старейших промышленных предприятий города — Полоцкого мясокомбината в период с 1944 по 1990 г. Автор затрагивает вопросы развития предприятия, экономической эффективности производства, его качественных и количественных характеристик, выделяет основные этапы в истории предприятия.

Ключевые слова: *Полоцкий мясокомбинат, промышленность, пятилетка, the Polotsk meat-packing factory, industry, five-year plan.*

Для цитирования: *Гриб, Е. П. Полоцкий мясокомбинат: история и деятельность. 1944—1990 гг. / Е. П. Гриб // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (на выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысонт, 2020.— С. 94—107.*

Советский период развития промышленности в Полоцке неразрывно связан с историей и деятельностью ряда предприятий пищевой индустрии. Одним из наиболее крупных производств, организацией, которая определяла промышленный облик города являлся Полоцкий мясокомбинат.

В 1971 г. были изготовлены значки «100 лет Полоцкому мясокомбинату», так как именно с появления первой общественной бойни в Полоцке в кон. XIX в. отсчитывали историю предприятия. Согласно архивным данным, общественная бойня располагалась «за чертой города, вблизи ул. Рижской, над большим оврагом, который сообщается с Полотой». Она представляла собой «деревянный сарай с ветхой крышей и сгнившим полом», в котором убивали скот и разделывали туши. При сарае имелась помещение-сторожка, где еврейские мясники производили осмотр внутренностей животных для определения кашерности. Отбросы производства сбрасывались в специальный ящик и позже вывозились на поле как удобрения. Хотя бойня не наносила вреда санитарному состоянию города, однако летом «зловоние от нее распространяется на порядочное расстояние». [1]

Первый мясокомбинат в г. Полоцке начал свою работу в 1931 г. и располагался как раз на месте старой бойни скота. В начале Великой Отечественной войны предприятие не было эвакуировано, и после оккупации Полоцка войсками Вермахта продолжило свою работу. Однако в июле 1941 г., сразу после занятия города немцами, на нужды армии было реквизировано следующее:

Таблица. Материальное имущество Полоцкого мясокомбината, реквизированное немецкой армией в июле 1941 г.

<i>Категории</i>	<i>Единица измерения</i>	<i>Количество</i>
Крупный рогатый скот	гл.	600
Мелкий скот	гл.	1 500
Свиньи откормл.	гл.	105
Лошади с повозками	—	6
Упряжь выездная	—	1
Санки	—	6
Сено	<i>т</i>	120
Дрова	<i>куб. м</i>	1 000
Спецодежда	шт.	150
Сотенные весы	шт.	1
Селитра	<i>кг</i>	200
Зерно	<i>т</i>	15

<i>Катэгорыі</i>	<i>Едзінца вымярэння</i>	<i>Колькасць</i>
Мясо	<i>t</i>	6,5
Колбасы	<i>t</i>	2,4
Жыр топленны	<i>t</i>	1,8
Голы засоленыя	<i>t</i>	2
Кожы засоленыя	<i>t</i>	20
Сахар	<i>кг</i>	500
Соль	<i>t</i>	150
Спецыі	<i>t</i>	1,5
Масло расліннае	<i>t</i>	0,35
Мука пшэнічная	<i>t</i>	4,5
Картофель	<i>t</i>	10
Овочы	<i>t</i>	20

Эты данныя былі запісаны як сведельскія паказанні двух работнікаў мясакомбіната Амосова Кирилла Захаровича і Каширо Георгия Иосифовича [2, л. 4–5].

В 1944 г. збудаванні Полоцкага мясакомбіната былі часткова ці поўнасьцю знішчаны, а ўсе імунства разграблена. Згодна акта ад 04.11.1944 г., складзенага камісіяй Полоцкага мясакомбіната з удзелам прадстаўніц «Белглаўмясо», агульная сума ўцярба складала 5 081 578 рублёў, з якіх 193 423 рубль — сума, неабходная для аднаўленьня часткова (на 40%) разбураных каменных збудаваньняў галоўнага корпусу, скоту-убойнага і кожна-посалочнага цэхав, колбаснай і котлетнай. [2, л. 1] Акрамя ўказаных асноўных прадукцыйных збудаваньняў у 1944 г. немцамі былі поўнасьцю знішчаны свінарнікі і кухня для адкорму свіней, прадубоючая база скота і навесы, гараж з майстэрскімі, сенавал, кладовая мясной склад, клуб-контора і сталовая. [2, л. 2] В больш раньнім акце, які быў складзены 28 жніўня, паказваецца, што мясакомбінату належаў будынак кішэчнага і убойнага цэхав, склад шкурупосалочнага цеха і жыллы дом на станцыі Дрэгунь [2, л. 7–8].

Пасля вызваждзеньня горада мясакомбінат аднаўляе сваю работу. 1 жніўня 1944 г. у убойна-раздэлочным цехе запусьцілі прадукцыйны працэс. В выніку да канца года было вырабана 190,22 тонны гатовай прадукцыі на суму 182 645 рублёў, што дазволіла перачысьліць у бюджэт

76 600 рублей. В штатном расписании предприятия было записано 32 человека, 16 из них — женщины. [2, л. 11—13] За годы первой послевоенной пятилетки предприятие быстро восстановило свою деятельность и начало планомерно наращивать производственные мощности. Так, если в 1945 г. было произведено 286,45 тонн мяса и 7,15 тонн колбасных изделий и копченостей, то в 1950 г. объёмы производства составили — 876,7 тонн мяса и 203 тонны колбасных изделий и копченостей. За период с 1945 по 1950 г. объём валовой продукции увеличился более чем в 4 раза и составил 1,4 млн. руб. в ценах 1926—1927 гг. Выросла и численность рабочих ставок с 48,8 в 1946 г. до 85 в 1950 г. [3. л. 1; 4, л. 1].

С 1944 по 1965 г. Полоцкий мясокомбинат располагался по адресу ул. Фрунзе, 46/2 (современная ул. Е. Полоцкой в районе детского сада и учебного здания «Полоцкторга» напротив педагогического колледжа) и занимал территорию площадью 1,2 га. Согласно акта инвентаризационной комиссии от 01.01.1953 г. на территории мясокомбината находились производственные здания мясожирового, шкуропосолочного, кишечного, колбасного и голевого цехов, база предубойного содержания скота, холодильник, бензохранилище, весовая и контрольная будки. Также на комбинате были хлораторная, собственные водопроводная и канализационные сети, загоны и открытые навесы для скота. Транспортные средства были представлены тремя автомобилями ГАЗ-51 и одним ЗИС-150, тремя рабочими лошадьми с двумя телегами [5, л. 1]. В убойно-разделочном отделении мясожирового цеха за смену перерабатывали 100 голов крупного рогатого скота, 250 голов мелкого скота и 70 голов, производственные мощности жирового отделения составляли 5 центнеров в смену. Колбасный цех за смену производил 1 тонну вареных колбас и субпродуктов, а также 0,9 тонн полукопченых колбасных изделий за сутки. Кулинарный цех мог выпустить за смену 2 тыс. шт. пирожков, 40 кг пельменей и 1 000 шт. полуфабрикатов [6, л. 1].

В 1952—1953 гг. поставщиком сырья для Полоцкого мясокомбината являлась Полоцкая областная контора «Заготскот», районные отделения которой были расположены на расстоянии от 8 до 230 км. Скот поступал на предприятие в основном гоном и лишь во время весенней распутицы в вагонах по железной дороге, а также в незначительном количестве автотранспортом (преимущественно свиньи). Неравномерная подача скота на мясокомбинат конторами «Заготскот», подача скота более низких кондиций, чем предусмотрено планом, отрицательно влияли на организацию производственного процесса и выполнение плановых показателей [7, л. 91—92].

В 1954 г. на страницах местной газеты «Сцяг камунізму» деятельность Полоцкого мясокомбината оценивалась неудовлетворительно — был допу-

щен рост себестоимости продукции на 3% при плане снижения на 4%; отмечено значительное отставание в выполнении производственного плана сентября и за 9 месяцев [8; 9]. Однако уже в 1955 г. риторика газетных статей меняется. Так, в августе—октябре 1955 г. предприятие удерживало переходное Красное знамя горисполкома и горкома партии [11]. В ноябре коллектив мясокомбината был занесен на городскую Доску почета [10]. Причиной изменившейся ситуации стало проведение реконструкции производственных зданий и работа по механизации основных производственных процессов. Полностью была проведена реконструкция убойного, субпродуктового и жирового отделений. В итоге увеличилась их пропускная способность, была улучшена технология и качество продукции. В убойном цехе от индивидуальной работы, при которой туша полностью обрабатывалась одним человеком, перешли к работе на конвейере. Реконструкция субпродуктового отделения также содействовала увеличению убоя скота. Проведенные работы позволили резко увеличить выпуск продукции. Когда за сентябрь—октябрь 1954 г. было выработано 383 тонны мяса, то в 1955 г. за эти же месяцы при односменной работе было дано 755,1 тонны [12]. Техническое усовершенствование оборудования сыграло большую роль в выполнении плана. Если в 1954 г. 25 человек обрабатывали за смену 80—90 голов скота и выработывали 4—5 тонн мяса, то в 1955 г. такое же число работников обрабатывали в смену 250—300 голов скота и давали 18—20 тонн мяса [13].

В 1956—1964 гг. коллектив мясокомбината продолжил работу по механизации рабочих процессов, что положительно отразилось на результатах деятельности предприятия. На страницах «Сцяга камунізму» Полоцкий мясокомбинат фигурирует в числе постоянно перевыполняющих месячные, квартальные, полугодовые и планы за 9 месяцев по выпуску валовой продукции. Взяв на себя обязательство в честь 40-летия Октября закончить годовой производственный план к 7 ноября, коллектив предприятия уже 25 октября рапортовал о завершении годовой программы [14]. В 1958 г. коллектив мясокомбината также работал хорошо, годовой план был завершён 20 ноября. Предприятие выпустило продукции на 3,8 млн. рублей больше плана и более чем на 4 млн. рублей больше в сравнении с 1957 г. При этом была отмечена необходимость дальнейшей работы по направлениям увеличения продуктивности труда и снижения себестоимости продукции. Одним из самых важных тормозов для дальнейшего роста предприятия являлось отсутствие холодильного хозяйства. Мясо на хранение отправлялось с помощью автотранспорта в Витебск. В связи с этим происходило увеличение накладных расходов, снижение качества продукции [15]. За 9 месяцев 1959 г. Полоцкий мясокомбинат дал выше плана на 4,7 млн. рублей продукции, а в сравнении с

соответствующим периодом прошлого года выпуск ее увеличился на 5,5 млн. рублей. Предприятие выполнило план и по основным видам продукции: по мясу — на 117,1%, по колбасным изделиям — на 129,5%. Также благодаря сверхплановой экономии по себестоимости продукции в размере 2 копеек на 1 рубль товарной продукции была получена прибыль более 2 млн. рублей [16].

За период с 1944 по 1965 г. на Полоцком мясокомбинате сменилось 6 директоров. Во II квартале 1962 г. директором был назначен Кобец И. Г. Согласно приёмно-передаточного акта при смене руководства от 16.05.1962 г. на балансе предприятия находились следующие здания и сооружения:

Рисунок. Здания и сооружения, состоящие на балансе Полоцкого мясокомбината согласно приёмно-передаточного акта от 16.05.1962 г.

Также предприятие владело одноэтажным деревянным зданием конторы, 36-этажным кирпичным жилым домом по ул. Гоголя (сегодня в этом доме аптека № 77) и 2-квартирным деревянным жилым домом по ул. Фрунзе (современная ул. Е. Полоцкой, не сохранился, находился перед железнодорожным переездом) [17].

В ноябре 1964 г. согласно распоряжения СНХ БССР от 02.11.1964 г. № 1422-р и приказа начальника Управления мясной промышленности СНХ БССР от 17.11.1964 г. № 208 Полоцкому мясокомбинату в качестве филиала был передан птицекомбинат, который специализировался на выпуске мяса

птицы, пера, пищевого жира сырца, а также занимался переработкой говядины, свинины и баранины [18].

В 1960 г. ЦК КПБ и Совет Министров БССР принимает решение о строительстве в Полоцке нового мясокомбината в 1961—1963 гг. [19]. Местом строительства нового комбината была выбрана площадка на северо-восточной окраине города, в микрорайоне Громы. Строительство было поручено тресту № 22. Уже в 1961 г. начали возникать вопросы по поводу своевременного ввода в строй нового комбината. Отмечалось, что по причине плохой организации доставки железобетонных конструкций и изделий строительно-монтажные работы разворачиваются довольно медленно [20].

В октябре 1965 г. новый мясокомбинат был введен в строй. Первым директором предприятия был И. Мариновский, в 1967 г. его сменил И. И. Лободин, проработавший на этой должности до 1988 г.

Мясокомбинат включал в себя следующие производственные и подсобные цеха:

- 1) Скотобаза с санитарной бойней, на территории которой были открытые загоны для сортировки скота и передержки, имелись кормушки и водопой, крытый загон для свиней на 900 голов.
- 2) Мясожировой корпус в одноэтажном здании с отделениями по переработке пищевого жира, кишечного сырья, технической продукции и кожсырья. В цехе убой скота осуществлялась обработка слизистых и шерстных субпродуктов.
- 3) Колбасный цех с отделениями по выработке кулинарных изделий, расфасовке мелкокусковых и крупнокусковых полуфабрикатов.
- 4) Холодильник с заморозкой мяса 45 тонн и хранения мяса 1800 тонн.
- 5) Блок подсобных помещений, в которых были размещены ремонтно-механическое отделение, тарная мастерская, прачечная, складские помещения.
- 6) Бытовой корпус в двухэтажном здании, в котором размещалась кроме прочего столовая и были обустроены раздевалки на 188 мужских мест уличной и 188 мест рабочей одежды, 124 женских места уличной одежды и 124 места рабочей одежды и лабораторию.
- 7) Парокотельная с тремя паровыми котлами на мазуте, для хранения которого приспособлены две емкости по 300 тонн каждая [21, л. 141—143].

Водоснабжение мясокомбината производилось от городского водопровода, к 1968 г. введены в эксплуатацию три собственные артезианские скважины с дебитом воды 24 куб. м / час. Снабжение электроэнергией мя-

сокомбината производилось от подстанции «Стекловолокно», кроме прочего на территории предприятия имелась собственная подстанция с двумя трансформаторами по 1 000 квт каждый. На комбинате также имелось два пожарных резервуара по 600 куб. м каждый. На расстоянии 5 км от головного предприятия располагался филиал — Полоцкий птицекомбинат, который имел откормный цех по сухопутной птице на 85 тыс. мест, гусиные базы на 10 тыс. мест, цех по убою птицы производительностью 6 тонн мяса в смену, холодильник с компрессорным отделением [22, л. 2]. При Полоцком мясокомбинате имелось также подсобное хозяйство со 117 га пахотной земли и 45 га земли под сенокосы. Подсобное хозяйство использовалось для выращивания озимых и яровых культур, картофеля и заготовки сена для откорма крупно рогатого скота и свиней низкой кондиции [22, л. 59—60].

Новый мясокомбинат был оснащен импортным оборудованием шведской фирмы «Сепаратор», которое было установлено в мясожировом и колбасном корпусах, а также холодильнике. Отечественным оборудованием были укомплектованы санитарная бойня, ремонтно-механические мастерские, котельная, насосная станция, станция перекачки сточных вод. [21, л. 143—144].

На протяжении восьмой пятилетки (1966—1970 гг.) Полоцкий мясокомбинат планомерно обеспечивался сырьем и вспомогательными материалами. Простое производственных цехов и участков по причинам их отсутствия не было. Однако отсутствие или несвоевременное снабжение отдельными видами материалов и запчастей к оборудованию создавало трудности в работе и находило отражение в показателях выполнения плана производства в ассортименте и снижении производительности труда. Проблемными моментами материально-технического снабжения в указанный период оставалось обеспечение бесперебойного поступления целлофана и целлофановой оболочки, организация оптовых закупок соли по оптовым ценам (большие объемы приходилось закупать в торговых сетях Полоцка и Витебской области по розничным ценам), плохое снабжение обмоточным проводом для перемотки электродвигателей, отсутствие планового снабжения запасными деталями к импортному оборудованию, низкое качество поступающей спецодежды, прорезиненных фартуков и резиновых сапог, возвратной тары, которая к тому же поставлялась в недостаточном количестве [21, л. 145—146; 22, л. 9—10; 23, л. 5—6; 24, л. 2; 25, л. 19—20].

В годы восьмой пятилетки руководство предприятия и рабочий коллектив уделяли постоянное внимание вопросам рационализации производственных процессов, улучшению технологии обработки сырья, модернизации технологического оборудования, освоения новых видов продукции, улучшению условий труда. В 1966 г. на комбинате были внедрены расфасовка пище-

вого жира в мелкую тару (250 г), расфасовка колбасных изделий, налажен выпуск копчено-запечённых изделий и колбасы с фосфатами, модернизирована 4 единицы оборудования [23, л. 4—5]. В 1968 г. после модернизации котлов в парокотельной был произведен перевод подземной теплотрассы основных цехов на воздушную, что значительно уменьшило потери тепла. На предприятии постепенно осуществлялся переход на освещение производственных площадей люминесцентными лампами [22, л. 5, 8]. В 1969 г. была оборудована комната личной гигиены для женщин, комнаты сушки спецодежды в гардеробах. В холодильнике оборудовали комнату обогрева на 20 человек, где во время перерывов рабочие могут обогреваться [24, л. 43]. В 1970 г. построили склад ГСМ, внедрены механизированные непрерывно-поточные линии для производства варенных колбас, установлены ёмкости и насос для сбора бульона (от варки субпродуктов на ливер) для откорма птицы [25, л. 7—8].

В апреле 1967 г. для организации сбыта пищевой и технической продукции, завоза продуктов в торговую сеть и объекты общественного питания, доставки колбасных изделий комбината в другие города (Минск, Москва, Витебск, Орша) был создан отдел сбыта, в штате которого числились начальник отдела, старший товаровед, два товароведа и 14 экспедиторов. Отдел также оформлял заявки и отвечал за использование железнодорожных вагонов, осуществлял контроль за их своевременной погрузкой, совместно с работниками торговли проводил выставки-продажи мясопродуктов и колбасных изделий, общественные дегустации колбасных изделий, пельменей, полуфабрикатов. Благодаря деятельности отдела довольно быстро были заключены договора о поставках продукции мясокомбината в организации торговли и общественного питания. Если в 1968 г. продукция предприятия поставлялась в 76 организаций (44 магазина и 31 столовая) Полоцка и Новополоцка, то в 1970 г. их число увеличилось до 88 (52 магазина и 36 столовых) [22, л. 10—11; 24, л. 7—8; 25, л. 20].

В годы восьмой пятилетки была заложена и база социальной поддержки рабочих Полоцкого мясокомбината. В 1968 г. на оз. Щаты была построена база отдыха с возможностью одновременного размещения 50 человек, для базы был закуплен спортивный инвентарь. Рабочие могли реализовать свои творческие таланты принимая участие в деятельности эстрадного оркестра или коллектива художественной самодеятельности. В 1969 г. была построена и оборудована спортплощадка в 638 кв. м, а также открыта библиотека. В столовой мясокомбината ежедневно питалось 400—450 человек, стоимость обеда при этом для сотрудников предприятия — 20 копеек. На мясокомбинате работал здравпункт, где ежедневно работал фельдшер и два дня в неделю зубной врач. В 1978 г. был введен в строй новый клуб, тем

самым были созданы хорошие условия для проведения вечеров отдыха для работников предприятия. При клубе работали, хорошо зарекомендовавшие себя в городе, хоровая капелла и вокально-инструментальный ансамбль [22, л. 13; 24, л. 43; 26, л. 34; 27, л. 28].

В период с 1966 по 1974 г. Полоцкий мясокомбинат показывал высокие результаты по основным показателям развития. Например, выпуск валовой продукции в 1974 г. был перевыполнен на 162 тыс. рублей и составил 45,522 млн. рублей, или 222,2% к выпуску 1966 г., а в сравнении с выпуском продукции в 1965 г. (до ввода нового мясокомбината) увеличился почти в четыре раза. Большими темпами проходила и механизация труда производственных процессов. Если в 1966 г. уровень механизации составлял 49,5%, то в 1974 г.— уже 60,5%. Введение в строй новых корпусов Полоцкого мясокомбината в октябре 1965 г. дало возможность трудоустройства для довольно большого числа полочан, сам же мясокомбинат вошел в число крупнейших промышленных предприятий города. Так, в 1965 г. численность промышленно-производственного персонала составляла 233 человека, то с введением в строй нового мясокомбината численность работников, занятых непосредственно в производстве, выросла до 430 человек в 1966 г., а в 1974 г. на предприятии трудился 621 человек. Таким образом, за десять лет количество промышленного персонала увеличилось в 2,7 раза [28, л. 20—21]. Однако стоит отметить довольно высокую текучесть кадров на предприятии. Причины текучести кадров заключались в необходимости работать в выходные дни и сверхурочно из-за неритичности поставок скота на предприятие, невысоком уровне заработной платы, невозможности удовлетворения в ближайшем будущем квартирных нужд и отсутствии детских дошкольных учреждений [23, л. 24; 26, л. 13].

Достаточно активно продолжал развиваться Полоцкий мясокомбинат и в период с 1977 по 1988 г. В 1977 г. социалистическое соревнование на предприятии проходило под лозунгом: «Дать продукцию больше, лучшего качества, с меньшими затратами» По итогам республиканского конкурса-смотря качества варенных и субпродуктовых колбасных изделий комбинат занял 2 место. [26, л. 11]. Руководством предприятия было уделено большое внимание вопросам эффективности производства и производительности труда. Они повышались за счет основных мероприятий по совершенствованию технологии, внедрению новой техники, механизации и автоматизации производственных процессов. Так, производство мясных полуфабрикатов всех видов происходило на поточно-механизированных линиях и автоматах, для производства пищевых жиров была проведена автоматизация охлаждения и введена автоматизированная расфасовка в кашированную фольгу, при производстве копченостей стали применять автоматические многоступенчатые

установки для посола [26, л. 3]. В 1978 г. на предприятии 17 человек были переведены с ручного на механизированный труд, годом ранее — 15 человек [27, л. 16]. В 1979 г. была внедрена более совершенная технология производства колбасных изделий и полуфабрикатов, производились работы по переходу на заморозку мяса и субпродуктов более эффективным однофазным методом [29, л. 11]. В коллективе постоянно велась работа по улучшению качества выпускаемой продукции. Если в 1977 г. доля продукции с Государственным Знаком качества составляла 8%, то в 1978 г.— 8,6%, в 1979 г.— 9,1%, а в 1980 г.— уже 11% [26, л. 10; 29, л. 10; 30]. Много сил тратилось и на обучение и повышение квалификации работников мясокомбината. Ежегодно организовывались 5—6 групп по ранее утвержденному плану повышения квалификации через учебный комбинат Минмясморпрома. В результате все рабочие через 3 года проходили переподготовку. На комбинате для производственной учебы были оборудовано два кабинета, работал Совет наставников в составе пяти человек, за каждым новым и молодым работником закреплялся наставник. Для оказания помощи в подборе кадров и уменьшению текучести создан общественный отдел кадров. Передовики производства и активисты мясокомбината поддерживали постоянную связь с подшефной СШ № 12 г. Полоцка. В целях содействия трудовому обучению и профессиональной ориентации школьников они проводили встречи, на которых рассказывали об условиях труда, быта, обеспеченности предприятия [30].

В 1977—1988 г. предприятие в основном перевыполняло планы получения прибыли в среднем на 0,5—4% за исключением периода с 1979 по 1981 г. и показателей 1986 г. При этом с 1977 по 1983 г. происходило постоянное увеличение прибыли в количественном исчислении — в 1983 г. было получено прибыли на сумму 5,07 млн. руб., что в 1,34 раза превышало уровень 1977 г. В 1984 г. произошло резкое падение прибыли (2,36 млн. руб.), но уже к 1988 г. ее уровень превысил показатели 1977 г. План по объёму реализации продукции не был выполнен только за 1986 г. (95,3%), а план выпуска товарной продукции не выполнялся в 1980 и 1986 гг. (98,9% и 96,4%). В 1988 г. Полоцким мясокомбинатом было произведено товарной продукции на 48,22 млн. руб. и реализовано продукции на сумму 47,25 млн. руб. или 112,5% и 111,1% к показателям 1977 г. Как и в случае с показателями прибыли в показателях выпуска товарной продукции и объёма реализации отмечается количественное уменьшение в период 1977—1982 гг. Данный факт можно объяснить уменьшением в количественном выражении и не выполнением планов производства мяса и субпродуктов первой категории в отмеченный период. Так, план по выпуску мяса в 1981 г. был выполнен только на 72,1% и составил 69,5% к уровню 1977 г. В свою очередь невыполнение планов выработки мяса и

субпродуктов первой категории можно связать с уменьшением численности производственно-промышленного персонала (1977 г.— 553 чел., 1978 г.— 521 чел., 1980 г.— 517 чел., 1982 г.— 514 чел.). Также большую роль сыграло и сужение сырьевой базы Полоцкого мясокомбината до 5 районов Витебской области. В 1979—1982 гг. хозяйства, с которыми были заключены договора контрактации, не выполняли полностью объёмы поставок и поставляли скот более низких кондиций. В итоге приходилось завозить скот с территории других областей БССР, Литовской и Латвийской ССР. Не выполняла договорные обязательства по централизованному вывозу скота из хозяйств на мясокомбинат, и автобаза № 13. В тоже время стоит отметить успехи мясокомбината по таким показателям как себестоимость продукции и затраты на 1 руб. товарной продукции, по которым за период с 1977 по 1988 г. коллективу предприятия удавалось добиваться ежегодной экономии [30].

Таким образом, в истории Полоцкого мясокомбината с 1944 по 1990 г. можно выделить следующие периоды:

- 1) 1944—1954 гг.— период связанный с восстановлением мощностей и производства на разорённом немцами мясокомбинате, постепенным ростом количества работников и налаживанием производственных процессов;
- 2) 1955—1965 гг.— период проведения реконструкции производственных площадей и мощностей, выход мясокомбината в число ведущих промышленных предприятий города, а в связи с этим и рост численности работников;
- 3) 1965—1990 гг.— открытие нового мясокомбината, который быстро вошел в число крупнейших промышленных предприятий города, определявших промышленный облик как Полоцкого региона, так и Витебской области в целом.

Список литературы и источников

1. Санитарное состояние Полоцка 1896 года. // НИАРБ — Ф. 2523 — Оп. 1 — Д. 7 — Л. 20.
2. Акты и другие материалы об установлении ущерба, нанесенного мясокомбинату немецко-фашистскими захватчиками в 1941—1944 гг. по состоянию на 1 янв. 1945 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке — Ф. 927 — Оп. 2 — Д. 1.
3. Промфинплан на 1946 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке — Ф. 927 — Оп. 2 — Д. 2.
4. Промфинплан на 1951 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке — Ф. 927 — Оп. 2 — Д. 24а.

5. Акт інвентаризацыйнай камісіі Полоцкага мясакомбіната ад 01.01.1953 г. // Зональны гасударствены архіў у г. Полоцку — Ф. 927 — Оп. 2 — Д. 28.
6. Аб'ясніцельная запіска к годавому адчету па хазяйскай дзейнасці Полоцкага мясакомбіната за 1953 г. // Зональны гасударствены архіў у г. Полоцку — Ф. 927 — Оп. 2 — Д. 25.
7. Месячныя балансы за 1952 г. // Зональны гасударствены архіў у г. Полоцку — Ф. 927 — Оп. 2 — Д. 14.
8. Сістэматычна зніжаць себешт прадукцыі // Сцяг камунізма — 1954.— 27 жнів.— С. 3.
9. Вынікі сацыялістычнага спаборніцтва за верасень і 9 месяцаў 1954 года // Сцяг камунізма — 1954.— 13 кастр.— С. 1.
10. Аб выніках сацыялістычнага спаборніцтва за лістапад // Сцяг камунізма — 1955.— 9 снеж.— С. 1.
11. Насценная газета перадавога прадпрыемства // Сцяг камунізма — 1955.— 4 ліст.— С. 3.
12. Па новай тэхналогіі вытворчасці // Сцяг камунізма — 1955.— 23 ліст.— С. 3.
13. Павялічылася выпрацоўка // Сцяг камунізма — 1955.— 23 ліст.— С. 3.
14. Мясакамбінат выканаў гадавы план // Сцяг камунізма — 1957.— 1 ліст.— С. 2.
15. Наспеўшае пытанне // Сцяг камунізма — 1959.— 6 студз.— С. 3.
16. Шляхі сніжэння сабешту прадукцыі // Сцяг камунізма — 1959.— 10 ліст.— С. 3.
17. Прыёмно-перадацыйны акт пры змене кіраўніка // Зональны гасударствены архіў у г. Полоцку — Ф. 927 — Оп. 2 — Д. 79.
18. Акт прыёму-перадачы Полоцкага птушкакомбіната ад студзеня 1964 г. // Зональны гасударствены архіў у г. Полоцку — Ф. 927 — Оп. 2 — Д. 107а.
19. Выкарыстоўваем унутраныя рэзервы // Сцяг камунізма — 1960.— 23 чэрв.— С. 3.
20. На месяц раней // Сцяг камунізма — 1961.— 22 ліп.— С. 2.
21. Годовы бухгалтэрска-адрацыйны адчет за 1965 г. з аб'ясніцельнай запіскай // Зональны гасударствены архіў у г. Полоцку — Ф. 927 — Оп. 2 — Д. 117.
22. Годовы бухгалтэрска-адрацыйны адчет за 1968 г. з аб'ясніцельнай запіскай // Зональны гасударствены архіў у г. Полоцку — Ф. 927 — Оп. 2 — Д. 158.
23. Годовы бухгалтэрска-адрацыйны адчет за 1966 г. з аб'ясніцельнай запіскай // Зональны гасударствены архіў у г. Полоцку — Ф. 927 — Оп. 2 — Д. 131.
24. Аб'ясніцельная запіска к годавому адчету за 1969 г. // Зональны гасударствены архіў у г. Полоцку — Ф. 927 — Оп. 2 — Д. 171.
25. Аб'ясніцельныя запіскі за 1970 г. // Зональны гасударствены архіў у г. Полоцку — Ф. 927 — Оп. 2 — Д. 187.
26. Годовы адчет па асноўнай дзейнасці за 1977 г. // Зональны гасударствены архіў у г. Полоцку — Ф. 927 — Оп. 2 — Д. 306.

27. Годовой отчет по основной деятельности за 1978 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке — Ф. 927 — Оп. 2 — Д. 322.
28. Основные показатели развития мясокомбината за 1965—1974 гг. // Зональный государственный архив в г. Полоцке — Ф. 927 — Оп. 2 — Д. 252.
29. Годовой отчет по основной деятельности за 1979 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке — Ф. 927 — Оп. 2 — Д. 338.
30. Годовые отчеты Полоцкого мясокомбината за 1980—1988 гг. // Зональный государственный архив в г. Полоцке — Ф. 927 — Оп. 2 — Д. 353, 376, 396, 416, 437, 458, 475, 486, 495.

УДК 94(476)"1970/1999"

ИСТОРИЯ ПОЛОЦКОГО КОМБИНАТА СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В 1970— 1990-Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА Г. ПОЛОЦКА)

Каминский Сергей Александрович

магистр исторических наук,

старший научный сотрудник Краеведческого музея — филиала НПИКМЗ

Рассматривается процесс развития Полоцкого комбината строительных материалов (ПКСМ) в период 1970—1990-х гг. На основе материалов Зонального государственного архива г. Полоцка даётся экономическая характеристика предприятия в различные периоды, определяется состояние производственного и жилищно-коммунального сектора, а также качество работы с коллективом комбината. В результате анализа были выделены подпериоды в истории развития ПКСМ.

Ключевые слова: Полоцк, Комбинат строительных материалов, развитие промышленности, БССР, Республика Беларусь.

Для цитирования: Каминский, С. А. История Полоцкого комбината строительных материалов в 1970—1990-е гг. (по материалам Зонального государственного архива г. Полоцка) / С. А. Каминский // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысонт, 2020.— С. 107—116.

К началу 1970-х гг. Полоцкий комбинат строительных материалов (ПКСМ) был одним из крупнейших предприятий города. Предприятие

состояло из 5 цехов, нескольких производственных и административных зданий, автопарка, механической мастерской и котельной. На ПКСМ были созданы базовые жилищно-коммунальные условия для работников, а также обустроены ясли для их детей. Однако ещё с 1940-х гг. одной из главных проблем предприятия была его низкая эффективность, вызванная совокупностью проблем, среди которых — крупные долги, нехватка сырья и износ оборудования [26, с. 189—193].

Для исправления ситуации, сложившейся в предыдущие годы, в 1970 г. началась работа по реконструкции ПКСМ, ответственным за которую был трест № 16 «Нефтестрой». Он организовывал работу субподрядчиков по реконструкции цехов, электрификации и вентиляции объектов. Также осуществлялся ремонт производственных сооружений и техники. При этом в период 9-й пятилетки (1971—1975 гг.), которая была направлена на повышение материального и культурного уровня советских людей, усовершенствование размещения производительных сил страны, управления и планирования на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и роста производительности труда, было запланировано строительство дома на 60 квартир, детского сада на 140 мест и общежития, рассчитанного на 250 человек [3].

Основной продукцией ПКСМ был кирпич разного сорта и дренажные трубы. Производственный цикл осуществлялся в двух основных цехах: формовки и обжига, совмещённого с сушильным отделением. Динамика работы предприятия в период 1971—1975 гг. характеризуется нестабильным производственным процессом и его реабилитацией после кризисного состояния. Если в 1971 г. план реализации продукции был выполнен на 101,4%, а прибыль составила 256,6 тыс. руб., что было выше планового показателя на 31,6% [4], то уже к 1972 г. прибыль падает до 26,3 тыс. руб., что было связано с перерасходом по себестоимости в 190,8 тыс. руб. [24]. Подобная ситуация сложилась и в 1973 г., когда реализация продукции и валовый продукт были ниже планового. Главной причиной невыполнения плана трёх лет пятилетки стало несвоевременное введение в эксплуатацию после реконструкции производственных объектов подрядчиком комбината — трестом № 16 «Нефтестрой». Планом предусматривалось её окончание и сдача всех объектов в 1972 г. Фактически, первая очередь реконструкции была закончена только в декабре 1973 г. [1]. Под руководством П. П. Жука, за последние два года пятилетки ПКСМ удалось приблизиться к докризисному показателю, что требовало большого количества ресурсов. Однако, согласно статистическим отчётам, план

9-й пятилетки выполнен не был. Механизация в 1974—1975 гг. значительно увеличило производительность труда и, одновременно, повлекла за собой негативные последствия для комбината. Активное использование техники приводило к серьёзному износу и увеличению брака продукции. Так, например, в 1975 г. за несоблюдение геометрической формы кирпича Государственный комитет Совета Министров БССР по делам архитектуры и строительства вывел из плана 300 тыс. единиц продукции [5, л. 25]. Отсутствие ремонта и дальнейшее интенсивное использование техники не позволило выполнить план реализации продукции в 1975 г. и снизило сортность кирпича [5, л. 21—39].

Важно отметить, что в тяжёлых условиях руководство комбината продолжило совершенствовать жилищно-коммунальный сектор. В 1975 г. было закончено строительство общежития для работников и согласована сметная документация на будущие проекты, куда входили: два жилых дома общим количеством 162 квартиры, столовая и профилакторий [5, л. 39].

Проблемы, появившиеся в предыдущей пятилетке затрудняли осуществление плана, о чём свидетельствовали показатели 1976 г. Сверхплановые простои оборудования и брак не позволили выпустить продукции на сумму 256 тыс. руб. Всего же предприятие недопроизводило 9,1 млн. штук кирпича, а от брака потеряло 1900 тыс. штук кирпича и 171 условных км дренажных труб. Вопреки сложившейся ситуации, некоторые рабочие коллективы показывали высокие результаты работы. По данным годового отчёта за 1976 г. коллективы Л. И. Зубовой и Н. А. Волынка неоднократно занимали первое место в социалистических соревнованиях [6, л. 25—35]. Тем не менее, в большинстве случаев неавтоматизированное производство, наряду с отсутствием перспектив получения жилплощади, становилось главной причиной, по которой из года в год росла текучесть кадров (20,7% — 1976 г., 25% — 1978 г., 30,8% — 1980 г.) [6, л. 25; 7, л. 25; 8, л. 21].

Для стабилизации состояния комбината в 1978 г. руководством предприятия была начата вторая очередь работ по реконструкции, окончание которой планировалось во II квартале 1979 г. [7, л. 16]. Реконструкция предполагала полный отказ от дренажных труб в ассортименте продукции, а также модернизацию производства кирпича и обработки сырья. С этой целью в 1979 г. в эксплуатацию были введены туннельная печь, сушильное отделение на 27 туннелей, две линии по формовке кирпича и печь для его дегидратации. Анализ годовых отчётов 1979—1980 гг. позволяют выделить положительные и отрицательные стороны проделанной реконструкции. Введение нового дорогостоящего оборудования и ликвидация производства дренажных труб требовало серьёзных вложений, которые

комбинат не в состоянии был обеспечить без убытков для себя. За 1979 г. убытки ПКСМ составили 677,5 тыс. руб., при плане в 258 тыс. руб. В последний год пятилетки убытки уже насчитывали 863 тыс. руб. Причиной тому стало невыполнение плана по производству кирпича, связанное с некачественным введением производственных мощностей и частой сменной производственно-промышленного персонала (ППП) [15; 8, л. 12]. В тоже время, освоенное во второй половине 1980 г. производство на новых линиях и использование сушильных туннелей, оказало положительное влияние на общий результат работы. По сравнению с 1979 г. комбинат смог увеличить показатели по реализации кирпича и выполнить план по качеству продукции. В первую очередь, это связано с разработкой нового карьера «Секеровщина» и решения одной из серьёзных сырьевых проблем — высокого уровня влажности глины. Преодоленные в ходе 10-й пятилетки проблемы создавали условия для дальнейшего урегулирования состояния производства и его улучшения.

В начале 11-й пятилетки (1981—1985 гг.) на предприятии произошли изменения в административном аппарате. Новым директором Полоцкого комбината строительных материалов стал Н. В. Астапович, в период руководства которого было окончательно освоено новое оборудование и установлена тенденция к повышению показателей на производстве. К тому моменту предприятие имело следующие производственные мощности: три технологические линии по формовке кирпича и формовочное оборудование с годовой мощностью 121 млн. штук кирпича; туннельная сушилка на 98 сушил с единовременной ёмкостью 612,5 тыс. штук условного кирпича; 5 туннельных печей с общим объёмом обжигового канала 2700 куб. м [9, л. 6—7]. Уже в 1981 г. план по реализации продукции был выполнен на 100,1%, что к уровню 1980 г. составляет 137,7% [9, л. 8]. О налаженной работе комбината также свидетельствуют высокие показатели отдельных рабочих бригад. Так, к 7 ноября досрочно выполнили личные планы за 1981 г. 4 бригады, индивидуально — 27 чел. Успешно выполнили свои годовые планы коллективы смен В. А. Жинь, И. С. Турченко и Т. В. Жульева, 3 бригады, в индивидуальном порядке — 108 человек [9, л. 22].

Второй год пятилетки был ещё более продуктивным для комбината, поскольку своими силами он смог заработать дополнительных 139,9 тыс. руб. к плановой норме [10, л. 21]. Высокие результаты коллектива комбината были отмечены в республиканских социалистических соревнованиях, где они занимали 3 место в течении полугода [10 л. 15]. К 1983 г. комбинату строительных материалов удалось выполнить план по реализации и производству продукции, повысить марочность кирпи-

ча, сократить потери от брака [14, л. 2—20]. В этом же году 70 работникам было присвоено звание «Ударник коммунистического труда» [14, л. 14].

В 1984 г. новым директором ПКСМ стал Е. А. Варнавский. Вопреки росту эффективности с начала 11-й пятилетки, новый руководитель столкнулся с проблемами, которые называли ещё при Н. В. Астаповиче. В 1981—1983 гг. в комбинате сохранялась проблема с поставками деталей, за которые отвечала Белорусская контора по снабжению и сбыту машин и оборудования Главснаба при Совете Министров БССР. Подобная халатность со стороны организации-партнёра была одной из причин подрыва работы ПКСМ в 1984 г. Также обнаружилась нехватка производственно-промышленного персонала и работников среднего звена, что объяснялось сокращением спецконтингента, вовлечённого в работу ещё в начале 1980-х гг. В итоге 1984 г. оказался самым провальным в указанной пятилетке, что подтверждает снижение показателей по товарной продукции и реализации на 11,7% [11].

Тем не менее, этот кризис имел лишь временный характер и уже в 1985 г. предприятию удалось вернуться к показателям 1983 г. В завершающий год пятилетки в ассортименте предприятия появился новый вид продукции — камни керамических полов. Их производство было налажено для обеспечения животноводческих помещений [12, л. 9]. Была завершена и работа по строительству 72-квартирного жилого дома площадью 3907 кв. м, а также начато строительство отделения по приготовлению шихты. Ответственным за строительство отделения был трест «Белстромремонт» [12, л. 16]. Постоянные проблемы с трудовой дисциплиной, которые стали более явными с появлением спецконтингента, вызвали необходимость поиска новых способов борьбы с нарушениями. К решению этой проблемы администрацией были подключены партийные, профсоюзные и комсомольские организации. На протяжении исследуемого периода, как правило, к нарушителям применялись такие меры дисциплинарного воздействия, как лишение премии и уменьшение количества дней отпуска. Также проводились заседания цехкомов и товарищеские суды, где нарушители должны были выступать с объяснениями своих поступков. С середины 1980-х гг. в отчётах комбината фиксируется проведение специальных смотров-конкурсов по рациональному использованию рабочего времени. Более того, при подведении итогов соцсоревнования по присвоению звания «Коллектива коммунистического труда», наряду с основными критериями, учитывается и состояние дисциплины [12, л. 17]. Особое внимание ко всем аспектам организации работы было вызвано значимыми юбилейными датами: 40-летие Победы в Великой Отечественной войне и 50-летие

Стахановского движения. С целью показать лучшие стороны своей деятельности, коллектив комбината принял повышенные обязательства и разработал условия соцсоревнования. Его итоги подводились ежемесячно между сменами и поквартально между цехами. Победители получали денежную премию. Всего участие в соцсоревновании приняло 695 человек [12, л. 21]. Результаты 11-й пятилетки показали, что реконструкция производства значительно повысила эффективность ПКСМ и позволила руководству обратить внимание на проблемы, связанные с ЖКХ и дисциплиной кадров. Однако, проводимые на комбинате мероприятия по улучшению дисциплины не оказывали положительного влияния на текучесть кадров, а эксплуатация техники без качественного обслуживания и деталей по-прежнему приводила к падению показателей.

В 1986 г. Полоцкий комбинат строительных материалов вновь не выполнил план производства. Предприятием было недодано 7 588 тыс. штук условного кирпича и 52 тыс. штук керамических камней. Показатель невыполнения плана по производительности труда составил 91,5%. Среди основных причин недоработок назывались простой оборудования в результате поломок, высокая текучесть кадров (21% за 1986 г.) и низкий уровень трудовой дисциплины. За 1986 г. было зафиксировано 72 прогульщика и попадание в вытрезвитель 59 человек. За нарушения было уволено 50 работников, ещё 100 человек уволились по собственному желанию [13]. Согласно отчёту 1988 г., назначение нового директора В.И. Тележникова оказало положительный эффект на работу комбината. Для достижения высокого показателя товарной продукции в приоритет было поставлено создание кирпича высокой марки (128,82 кгс \ кв. см), что увеличивало и стоимость продукции [2]. Это позволило добиться предприятию необходимого показателя прибыли на 1988 г. В 1989 г., согласно протоколу конференции трудового коллектива г. Полоцка от 26 декабря 1989 г., завод планировалось перевести на арендный подряд с 1 января 1990 г. Для этого 26 марта 1990 г. был заключён договор об аренде и условиях хозяйственной деятельности между Министерством промышленности строительных материалов БССР и коллективом ПКСМ. По договору предприятие обязалась реализовывать продукцию, обеспечивать выполнение пятилетних и годовых планов по производству продукции, ежегодно отчислять арендную плату, включающую 32% от суммы амортизационных отчислений [16]. В связи с изменением экономической ситуации, в 1993 г. были внесены изменения и в договор об аренде, после вступления в силу которых, осуществлялась переоценка имущества и изменения расчёта выплачиваемой арендной платы [16].

Показательным в анализе работы предприятия в период 1994—1995 гг. является экспертная оценка деятельности ПКСМ для подготовки программы приватизации по предприятиям системы Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь [19]. Согласно документу, администрация комбината инвестировала в оборудование и ремонт, а продукция предприятия пользовалась спросом за рубежом (основной потребитель за границей — Российская Федерация) [25], в то время как на отечественном рынке потребность была менее 50%. К 1995 г. рентабельность кирпичной продукции ПКСМ составила 5,9%, что ставило под сомнение целесообразность дальнейшей работы предприятия [25]. В 2001 г. в газете «Беларусь сегодня» вышла статья «Разбитые стёкла», посвящённая проблемным предприятиям, где указывалось, что арендное предприятие «Полоцкий КСМ» и ОАО «Молодечненский КСМ» были в числе первых крупных предприятий с основной долей республиканской собственности, которые заявили о своей экономической несостоятельности [17]. В статье «В центре внимания — экономические показатели работы предприятий» издания «Строительство и недвижимость», АП «Полоцкий КСМ» в 1997—1998 гг. характеризуется как убыточное производство с большой задолженностью. Также комбинат упоминается в числе тех предприятий, что сократили объёмы производства, из-за чего оказалось в списке рекомендованных к запуску процедуры банкротства [18]. На фоне проблем с производством ухудшилось состояние кадров. Крайне низкий уровень трудовой дисциплины по сравнению с прошлыми периодами, привёл к частой смене кадров. В 1997 г. текучесть кадров составила 41,8% (из 640 работников 219 — уволены по собственному желанию и ещё 64 — за нарушение трудовой дисциплины), а уже к 1999 г. возросла до 49,8% [20; 21]. В большинстве случаев среди нарушений фиксируются прогулы и пребывание на рабочем месте в нетрезвом виде. К маю 1999 г. предприятие находилось в состоянии глубокого кризиса. Согласно протоколу заседания Совета предприятия Полоцкого КМС, комбинат стал неплатёжеспособным предприятием, в связи с чем было подано заявление в Хозяйственный суд о его экономической несостоятельности. Также комбинат перестал осуществлять производство по причине нехватки средств, но, тем не менее, был обязан выплачивать зарплату 70 работникам, которые числились в штате и жилом секторе [23]. В этом же году 20 сентября Хозяйственный суд Витебской области признал предприятие банкротом, после чего было принято решение о его ликвидации [22].

Таким образом, в истории комбината строительных материалов г. Полоцка в 1970—1990-е гг. можно выделить несколько периодов:

- 1970—1980 гг.— период нарушения стабильного производства предприятия, вызванного серьёзной нехваткой качественного материала и комплектующих для оборудования, а также несвоевременным запуском реконструированного производства. Сложившаяся ситуация повлекла за собой следующую очередь реконструкции, призванную решить имеющиеся проблемы в работе предприятия.
- 1981—1989 гг.— период, когда все элементы реконструированного механизма были введены в эксплуатацию и позволили получать хорошую прибыль. В это время комбинат показывает высокие результаты на начальной стадии (1981—1985 гг.), но вновь сталкивается с проблемами, которые не были решены путём реконструкции: частые простои оборудования из-за поломки техники, высокая текучесть кадров, вызванная некачественными условиями труда и отсутствием жилплощади, а также низкий уровень трудовой дисциплины.
- 1990—1999 гг.— период экономических преобразований, в ходе которого определяется роль предприятия в экономической системе Республики Беларусь. Комбинат продолжает выдавать продукцию, однако, низкая рентабельность производства, большие долги, ухудшение дисциплины и многие другие факторы сделали невозможным его дальнейшее существование.

Список литературы и источников

1. Анализы, справки, информации о производственно-финансовой деятельности // Зональный государственный архив в г. Полоцке. 1973 г.— Фонд 928.— Оп. 5.— Д. 172.— Л. 19.
2. Баланс 1988 г. Бухгалтерский отчет за 1988 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 5.— Д. 185.— Л. 1—6, 13, 18.
3. Годовой отчёт за 1970 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 5.— Д. 118.— Л. 9.
4. Годовой отчёт за 1971 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 5.— Д. 137.— Л. 15.
5. Годовой отчёт за 1975 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 5.— Д. 211.— Л. 21—39.
6. Годовой отчёт за 1976 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 5.— Д. 13.— Л. 13—35.
7. Годовой отчёт за 1978 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. — Фонд 928.— Оп. 5.— Д. 40.— Л. 16, 25.

8. Годовой отчёт за 1980 г. комбината строительных материалов // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 5.— Д. 70.— Л. 12, 21.
9. Годовой отчёт за 1981 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 5.— Д. 80.
10. Годовой отчёт за 1982 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 5.— Д. 94.— Л. 15, 21.
11. Годовой отчёт за 1984 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 5.— Д. 126.— Л. 8—9.
12. Годовой отчёт за 1985 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 5.— Д. 145.— Л. 9, 16-17, 21.
13. Годовой отчёт за 1986 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 5.— Д. 156.— Л. 5, 14.
14. Годовой отчёт КСМ за 1983 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 5.— Д. 110.— Л. 2—20.
15. Годовой отчет Полоцкого комбината строительных материалов за 1979 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 5.— Д. 56.— Л. 21.
16. Документы о переходе комбината на арендный подряд (протокол конференции трудового коллектива, договор об аренде, устав арендного предприятия и др.) за 1989 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 5.— Д. 200.— Л. 1—12.
17. Дулинец, Л. Разбитые стекла [Электронный ресурс] / Л. Дулинец // Беларусь сегодня — Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/razbitye-stekla.html>.— Дата доступа: 29.03.2020.
18. Золотов, С. В центре внимания — экономические показатели работы предприятий [Электронный ресурс] / С. Золотов // Строительство и недвижимость— Режим доступа: <http://www.nestor.minsk.by/sn/1999/02/sn90207.htm>.— Дата доступа: 29.03.2020.
19. Основные показатели работы комбината за 1994—1995 гг. // Зональный государственный архив в г. Полоцке — Фонд 928.— Оп. 6.— Д. 73.— Л. 9—11.
20. Отчёт о численности и движении кадров за 1995—1998 гг. // Зональный государственный архив в г. Полоцке — Фонд 928.— Оп. 6.— Д. 90.— Л. 5.
21. Отчёт о численности и движении кадров за январь—август 1999 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке — Фонд 928.— Оп. 6.— Д. 146.— Л. 1—3.
22. Приказы директора по основной деятельности. // Зональный государственный архив в г. Полоцке— Фонд 928.— Оп. 6.— Д. 144.— Л. 71.
23. Протоколы заседаний Совета предприятия. // Зональный государственный архив в г. Полоцке — Фонд 928.— Оп. 6.— Д. 131.— Л. 17—18.

24. Статистические отчёты о выполнении плана по продукции, по труду, о механизации работ, о наличии машин и использовании оборудования и др. за 1970 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 928.— Оп. 5.— Д. 119.— Л. 19.
25. Статистические отчёты по продукции, об экспорте (импорте) продукции, товаров и оказании услуг по странам содружества независимых государств; о неотработанном времени в связи с остановками производства и др. за 1994—1995 гг. (фф. 1-п, 2-ВЭС, 1-НВ и др.) // Зональный государственный архив в г. Полоцке — Фонд 928.— Оп. 6.— Д. 75.— Л. 17.
26. Торгашова, М. О. Полоцкий комбинат строительных материалов. 1945—1969 гг. / М. О. Торгашова // Материалы научно-практической конференции: (по итогам научно-исследовательской работы в 2017 г.) / сост. Т. В. Явич.— Минск: Медисонт, 2019.— С.189—195.

УДК 655.11(476.5-21Полоцк)

ВЫДАВЕЦКАЯ СПРАВА Ё ПОЛАЦКУ (1917—1944 ГГ.)

Кашкур Дзіяна Андрэеўна

магістр гістарычных навук,

*старшы навуковы супрацоўнік Музея беларускага кнігадрукавання —
філіяла НПКМЗ*

У артыкуле прааналізавана выдавецкая справа ў Полацку ад перыяду ўсталявання савецкай улады ў горадзе да яго вызваленне ад нацысцкай акупацыі; разгледжана дзейнасць мясцовых друкарняў, асноўнай задачай якіх быў выпуск газет і брашур; вывучаны перыяд росквіту полацкай літаратурнай школы і дзейнасць, разгорнутая мясцовымі пісьменнікамі; даследаваны змест і якасць полацкай друкаванай прадукцыі.

Ключавыя словы: *выдавецкая справа, выдавецтва, друк, Полацк у XX ст.*

Для цытавання: *Кашкур, Дз. А. Выдавецкая справа ў Полацку (1917—1944 гг.) / Дз. А. Кашкур // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысонт, 2020.— С. 116—130.*

Пачатак XX ст. для беларускай кнігі стаў паваротным момантам. З аднаго боку, з’явіліся першыя легальныя беларускія выдавецтвы, была атры-

мана свабода друку, актыўна развівалася беларуская мова. З другога боку, той перыяд быў цяжкім для беларускай нацыі: пачалася Першая сусветная вайна, на ўсходнебеларускіх землях пачала фарміравацца бальшавіцкая сістэма ўлады, Заходняя Беларусь адышла ў склад Польшчы. Міжваенны час для беларускай кнігі і перыёдыкі таксама быў даволі неадназначным перыядам. Так, напрыклад, калі ў 1920-я гг. — у часы беларусізацыі — выдавецкая справа вызначалася нацыянальным зместам, а беларуская мова ўпершыню набыла статус дзяржаўнай, то 1930-я гг. сталі часам дэнацыяналізацыі выдавецкай прадукцыі, часам выхаду «сацыяльна важных» выданняў. Асаблівае месца ў гісторыі друку займае перыяд Вялікай Айчыннай вайны, калі выданне кніг і газет было абмежавана, але не прыпынена, калі выдавецтва прадстаўляла сабой апазіцыю акупацыйнага і партызанска-падпольнага друку. Выдавецкая справа ў Полацку прайшла тры ж этапы, што друк у маштабе ўсёй краіны, але мела і сваю спецыфіку, звязаную ў першую чаргу з адной з асноўных задач рэгіянальнага выдавецтва: задавальненнем патрэб мясцовага насельніцтва.

Адразу пасля перамогі рэвалюцыі новыя ўлады намерзілі змяненні ў сферы друку, якія зводзіліся да нацыяналізацыі паліграфічных прадпрыемстваў краіны, аднак працэс гэты быў марудным, што было абумоўлена няскончанай вайной і цяжкім унутрыпалітычным становішчам у краіне. Так, полацкія прыватныя друкарні з-за акупацыі горада былі нацыяналізаваны толькі ў лістападзе 1918 г., і толькі затым на іх базе ўзнікла полацкая дзяржаўная друкарня [7, с. 285].

У адрозненне ад дарэвалюцыйнага выдавецтва, калі ў Полацку пераважала выданне невялікіх брашур аб'ёмам да 40 старонак [1, с. 18], у першыя гады савецкай улады асноўнай друкаванай прадукцыяй у горадзе сталі газеты, праз якія лёгка распаўсюджваліся розныя палітычныя праграмы, што ва ўмовах барацьбы за ўладу паміж партыямі ў горадзе забяспечвала фарміраванне кола прыхільнікаў для пэўнай палітычнай групойкі: полацкія эсэры прапагандавалі свае ідэі праз газету «Солдат-крэстьянин», газетай меншавікоў быў «Голос III Армии» [3, с. 31, 150]. Але такое становішча захоўвалася нядоўга: адразу пасля перамогі бальшавікоў у другой палове лістапада 1917 г. выданне газет у горадзе іншымі партыямі было забаронена.

Першая бальшавіцкая газета у паслярэвалюцыйным Полацку выйшла 21 лістапада (4 снежня) 1917 г. пад назвай «Известия Военно-революционного комитета III Армии» [3, с. 66]. Яна асвятляла дзейнасць гарадской бальшавіцкай арганізацыі і армейскага камітэта, распавядала чытачам пра контррэвалюцыйны рух і знешнюю палітыку дзяржавы.

Апісанне падзей на старонках полацкай газеты, мела яркую ідэалагічную афарбоўку, што тлумачылася імкненнем заручыцца падтрымкай з боку мясцовага насельніцтва ва ўмовах нетрывалага становішча бальшавікоў як ў краіне, так і ў горадзе. Напрыклад, у № 9 ад 29 лістапада (12 снежня) артыкул, прысвечаны беламу руху, меў такія канструкцыі: «Злобой накипае сердце. Нет кары достойной того, кто восстал на свободу, на мир, кто вздумал пролить реки братской крови, кто вздумал растоптать в крови революцию...»*. У канцы 1917 г. газета змяніла назву на «Известия армейского Совета солдатских депутатов III Армии». На яе старонках рэгулярна выступаў кіраўнік бальшавіцкай арганізацыі горада і камандуючы 3-й арміі С. А. Анучын [2, с. 35]. З'явілася падпіска на газету: за 1 месяц — 3 рублі, за 2 — 5, за 3 — 6**. Апошні нумар пад такой назвай выйшаў 1 (14) студзеня 1918 г. [3, с. 66], ён змясціў у сабе віншаванні гараджан з Новым годам***.

З пачатку 1918 г. полацкая газета выходзіла пад назвай «Известия Армейского совета солдатских депутатов 3 армии, Полоцкого совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Газета, што выходзіла з друкарні штаба 3-й арміі, складалася з аднаго ліста паперы, сфальцаванага ў чатыры старонкі, каштавала спачатку 20, пазней 30 капеек****. Перыядычнае выданне асвятляла ў першую чаргу знешне- і ўнутрыпалітычныя пытанні, а таксама нацыяналізацыю і працу прадпрыемстваў горада, змяненні ў жыцці працоўных, тут жа размяшчаліся аб'явы аб запрашэнні на працу работнікаў розных профіляў: ад рамеснікаў да работнікаў сферы выхавання****, запрашэнні ўступіць у шэрагі Чырвонай арміі*****. У той час газета стала таксама і месцам публікацыі асноўных урадавых распараджэнняў, загадаў і дэкрэтаў. Але трэба адзначыць, што тэматыка газеты не зводзілася да асвятлення пытанняў палітыкі і эканомікі. Некаторыя артыкулы нават нагадваюць сучасную калумністыку. Адзін з такіх артыкулаў быў змешчаны ў № 11 пад

* Цытуецца па крыніцы: ф/к старонкі з газ. «Известия» № 9 ад 29.11.1917 г. з фондаў НППКМЗ (КДФ1-1201).

** Інфармацыя ўзята з крыніцы: ф/к старонкі з газ. «Известия» № 34 ад 1.01.1918 г. з фондаў НППКМЗ (КДФ1-1208).

*** Інфармацыя ўзята з папярэдняй крыніцы.

**** Інфармацыя ўзята з крыніц: газ. «Известия» № 1 ад 3.01.1918 г. і газ. «Известия» № 7 ад 12.01.1918 г. з фондаў НППКМЗ (КП7-3828 і КП7-3974).

***** Інфармацыя ўзята з крыніцы: газ. «Известия» № 11 ад 17.01.1918 г. з фондаў НППКМЗ (КП7-3834).

***** Інфармацыя ўзята з крыніцы: ф/к старонкі з газ. «Известия» № 25 ад 17.02.1918 г. з фондаў НППКМЗ (КДФ1-1202).

назвай «Окаменелые мозги»*. У ім аўтар аналізуе паводзіны людзей, якія не мяняюць сваіх поглядаў з прынцыпу, нават калі з'яўляецца дадатковая аргументацыя і новыя факты, і прыходзіць да высновы, што людзі, якія на пачатку памыліліся ва ўспрыняцці рэвалюцыі, зараз могуць змяніць сваё стаўленне да яе набыткаў. Нягледзячы на класічную для таго часу прапагандысцкую накіраванасць, артыкул цікавы сваёй формай і падачай.

У часы нямецкай акупацыі Полацка (25 лютага — 21 лістапада 1918 г.) бальшавіцкая газета прыпыніла свой выпуск [3, с. 66]. Новыя ўлады наладзілі выданне ўласнай газеты «Полоцкие ведомости», якая выпускалася ў друкарні Н. Сраліовіча. Паліграфічнае прадпрыемства знаходзілася пад кантролем фельдфебеля Гобке, рэдактарам газеты быў віцебскі памешчык Кромберг [1, с. 21]. Падчас вайны жыхары горада мэтанакіравана зрывалі працу друкарні, якая аднаўлялася пад пагрозай расстрэлу [11, с. 325].

Адразу пасля вызвалення Полацка ў нацыяналізаванай друкарні, якая стала органам Полацкага ЦВК і ВРК, пачала выпускацца «Красная газета» [11, с. 326]. Яе невялікі фармат, а таксама рэдкасць выканання заказаў на іншую друкаваную прадукцыю паліграфічным прадпрыемствам, тлумачыліся катастрофічным становішчам у прамысловасці. З 19 снежня 1918 г. полацкая газета змяніла назву на «Известия Полоцкого Уездного Совета рабочих, крестьянских, батрацких и красноармейских депутатов» [3, с. 154].

У лютым 1919 г. пачалася польска-савецкая вайна, 20 верасня 1919 г. паўднёвая частка горада была акупавана на 8 месяцаў. Савецкія прадпрыемствы, у тым ліку друкарня, былі эвакуіраваны на станцыю Дрэтунь [11, с. 328]. Газета змяніла назву на «Октябрьское эхо» і выходзіла 3 разы на тыдзень [3, с. 154]. Ва ўмовах эвакуацыі ў рэдакцыі газеты працаваў Н. М. Пруслін — глава Полацкай партыйнай арганізацыі, загадчык павятовага аддзела адукацыі [11, с. 341].

З заканчэннем грамадзянскай вайны і вайны з Польшчай савецкая дзяржава пачала ўзнаўленне эканомікі. У межах НЭПа дазвалялася частковая дэнацыяналізацыя, развіццё прадпрымальніцтва ў эканоміцы, некаторая гаспадарчая самастойнасць прадпрыемстваў. НЭП станоўча ўплываў і на развіццё паліграфіі ў краіне: з гэтага часу выдавецтвы павінны былі арыентавацца на густы чытачоў, больш дакладна складаць планы працы, імкнуцца да рэнтабельнасці. Але ва ўмовах цяжкага эканамічнага становішча і частковай страты падтрымкі дзяржавы многія павятовыя газеты не вытрымлівалі канкурэнцыі і закрываліся. Новыя ўмовы адбіліся і на полацкай друкарні: «За не-

* Інфармацыя ўзята з крыніцы: газ. «Известия» №11 ад 17.01.1918 г. з фондаў НПКМЗ (КП7-3834).

имением сотрудников и в невозможности регулярного выпуска бюллетеней редакция Октябрьское эхо прекращает выпуск бюллетеней и прием объявлений о утере удостоверений с 1-го ноября...» [19, л. 336].

Нягледзячы на некаторую лібералізацыю ў жыцці краіны, якая назіралася ў 1920-я гг., дзяржава не пакідала ідэю цэнтралізацыі выдавецкай справы. У пачатку 1921 г. у краіне з'явіўся Дзяржвыдат, які павінен быў маніпаляваць сферу кнігавыдання. З чэрвеня 1922 г. з'явіўся і цэнтралізаваны цэнзурны орган — Галоўліт, які меў свае падраздзяленні на месцах: губліты і аблліты. З канца 1920 г. полацкае павятовае выдавецтва павінна было дасылаць віцебскаму губліту спісы ўсёй выпушчанай з 27 лютага 1917 г. друкаванай прадукцыі і асобнікі выданняў [19, л. 197]. У хуткім часе ў спісах неперыядычных выданняў, надрукаваных у Полацку, з'явіліся і брашурны.

Адной з самых ранніх савецкіх брашур у Полацку стала справаздача Надзвычайнага з'езда прадстаўнікоў савецкай улады Полацкага павята за 1921 г. Выданне было надрукавана ў колькасці 200 экзэмпляраў. На першых старонках выдання ахарактарызувана становішча полацкай друкарні: «Что касается технической стороны издания мы признаем, что она не безупречна. Но, принимая во внимание скверные условия в которых приходится работать уездным полиграфическим секциям, в данном случае нашей Полоцкой, отсутствия шрифтов, печатной краски и массы других материалов и приспособлений, мы утешаем себя тем, что сделали все, что было в наших силах и кое что было возможным при данных условиях...» [18, л. 125 б]. З 1922 г. у полацкай дзяржаўнай друкарні выходзілі таксама справаздачы Полацкага Укома РКП(б). Справаздача за сакавік — кастрычнік 1922 г. выйшла ўжо ў колькасці 300 экзэмпляраў, але не пазбегла хібаў: памылкі друку ёсць нават на тытуле [10]. Прадпрыемства выпускала тэксты цыркуляраў [18, л. 178], загадаў [18, л. 87; 16 л. 224], пастановаў партыі і ўрада [17, л. 81]. У першай палове 1921 г. мясцовая ўлада пацвердзіла дазвол друкаваць свае распараджэнні і цыркуляры таксама і на старонках павятовай газеты [18, л. 23], выпуск якой пад старой назвай «Октябрьское эхо» быў адноўлены адразу пасля вызвалення горада ад польскай акупацыі. Газета змяшчала ў першую чаргу артыкулы, прысвечаныя ўзнаўленню разбуранай эканомікі, заклікала грамадзян дапамагаць уладзе ў пабудове новай сістэмы гаспадарання, інфармавала палачан аб знешнепалітычнай сітуацыі, для чаго была створана адпаведная рубрыка «За рубежом», на старонках выдання асвятлялася і ўнутрыпалітычнае становішча ў савецкай краіне. Газета карысталася папулярнасцю сярод гараджан. Так ў сакавіку 1921 г. газета «Октябрьское эхо» разышлася ў Полацку ў колькасці 1 771 нумароў [11, с. 364]. Выдавалася яна 3 разы на тыдзень на адным аркушы [2, с. 37].

Выпускам газеты, брашур і іншай друкаванай прадукцыі займалася дзяржаўная друкарня, якая з сярэдзіны 1920-х гг. стала дубліраваць назву павятовай газеты. Акрамя выдання апошняй, паліграфічнае прадпрыемства ў 1919 г. выпусціла спецыяльную «Первомайскую Газету». У тым жа годзе полацкія школы былі арганізаваны для выдання вучнёўскай газеты «Трудовая единая школа». У 1920 г. Полацкае Аддзяленне тэлеграфнага агенцтва выпусціла «Стенную газету РОСТА», а гарадскі камсамол надрукаваў свае газеты «Единый Союз Молодежи» і «Клич Юного Коммунара», на наступны год ён жа надрукаваў «Юный Гвардеец», Культадзел Павятовага прафбюро ў сваю чаргу выпусціў «Бюллетень недели Профинтерна»*. Прыкладна ў 1924 г. сваю прадукцыю пачала выпускаць яшчэ адна друкарня ў Полацку — «Подива», аб чым сведчыць брашура «Делегату 5-й Красноармейской конференции 5-й Витебской стрелковой дивизии, 8—10 января 1924 г.», на апошняй старонцы якой размешчаны нумар заказу, які выканала прадпрыемства — № 2 [6, с. 46].

З пачатку 1922 г. полацкая газета была перайменавана ў «Красное знамя» і выходзіла 1 раз на тыдзень [11, с. 364]. Тыраж выдання складаў 500 экзэмпляраў, тым не менш рэдактар газеты М. Калмык імкнуўся да яго павелічэння. Заслугай рэдактара стала паляпшэнне афармлення газеты, а таксама пашырэнне яе тэматыкі: тут змяшчаліся прыказкі, прымаўкі, вершы і нават аб'ёмныя матэрыялы па розных галінах навукі. Газета стала пляцоўкай для дыялогу паміж уладамі і гараджанамі. Так, на старонках газеты ў пачатку 1922 г. жыхар горада звяртаўся да гарадскога кіравання з пытаннем, чаму не праводзіцца ачыстка дахаў хат, асабліва на ўскраінах горада, дзе на-яўнасць снегу ў вялікай колькасці пагражае самім пабудовам разбурэннем [11, с. 364]. Цікавай рубрыкай стаў «Маленький фельетон» — сатырычныя артыкулы на зладзённыя тэмы. Старонкі «Красного знамени» з'яўляюцца карыснай крыніцай для вывучэння гісторыі горада: тут змяшчаюцца ўспаміны асоб, якія прымалі ўдзел у асноўных падзеях рэвалюцыйнага часу, іх біяграфіі**, звесткі пра палачан, якія вызначыліся сваімі баявымі заслугамі ў іншых гарадах Савецкай краіны***. У пачатку 1920-х гг. рэдактар газеты быў забіты. Апошні нумар «Красного знамени» выйшаў 26 мая 1923 г. Да восені 1924 г. газета у Полацку не выдавалася [2, с. 37—38].

* Інфармацыя ўзята з крыніцы: ф/к артыкула «З гісторыі друку на Полаччыне» з газ. «Чырвоная Полаччына» 1928, № 35 з фондаў НППКМЗ (КДФ1-1066).

** Інфармацыя ўзята з крыніцы: ф/к артыкула «Воспоминания о Профессиональной и Советской работе в Полоцке до и после Октябрьского переворота» з газ. «Красное знамя» № 10, 1922—1923 гг. з фондаў НППКМЗ (КДФ1-1204).

*** Інфармацыя ўзята з крыніцы: ф/к старонкі з газ. «Красное Знамя» № 17, 1923 г. з фондаў НППКМЗ (КДФ1-1206).

У хуткім часе пасля ўваходу Полацка ў склад БССР тут быў распачаты выпуск акруговай газеты «Полоцкий пахарь». Дагэтуль яе апісвалі як рускамоўнае выданне [2, с. 38; 3, с. 154], але падчас нашага непасрэднага вывучэння газеты ў ёй была выяўлена вялікая колькасць артыкулаў на беларускай мове. Такім чынам, «Полоцкий пахарь» з'яўляецца першай полацкай газетай, дзе выкарыстоўвалася беларуская мова. Ужыванне апошняй у перыёдыцы стала магчыма на хвалі беларусізацыі, але трэба таксама дадаць, што выкарыстанне беларускай мовы было абумоўлена яшчэ і тым, што «Полоцкий пахарь» упершыню сярод полацкіх газет вызначыў сябе як газету сялянскую.

Акруговая газета мела выразны тэматычны падзел. Першая старонка «Полоцкого пахаря» складалася з трох асноўных частак: 1. Дэкрэты, цыркуляры, распараджэнні, якія датычыліся ўсёй краіны, радзей толькі акругі; дзяржаўныя святы. 2. Навіны па розных краінах Савецкай рэспублікі. 3. Навіны сусветнага маштабу. Прычым рэдакцыя вызначала гэтую старонку, як «сухую» [21]. Асноўным жа прызначэннем перыферычных газет яна лічыла асвятленне мясцовых пытанняў, чаму і прысвяціла ўсе наступныя свае старонкі. Перыядычнае выданне мела рубрыкі, дзе апісвалася развіццё мясцовай сельскай гаспадарцы, асветы і культуры, аховы здароўя, асобнае месца ў газеце займала рэклама, якая набыла шырокі размаху менавіта ў час НЭПа.

Газета стала сапраўдным месцам дыялогу паміж чытачамі і ўладамі, сюды гараджане дасылалі скаргі, пытанні, а рэдакцыя дапамагала ў іх вырашэнні. Так у № 21 за 1925 г. было апублікавана патрабаванне сялян да лясніцтва заплаціць за працу, побач з якім рэдакцыя размясціла спецыяльны верш з прозвішчам кіраўніка гэтай арганізацыі і жартаўлівай пагрозай, а таксама гумарыстычнай ілюстрацыяй [22]. «Полоцкий пахарь» дапамагаў сялянам паменшыць падаткі ці зняць іх увогуле. Зарэгістравана 40 выпадкаў, калі газета дапамагла змяніць вынікі пастановаў акружных, раённых і сельскіх органаў на карысць насельніцтва [20].

Рэдакцыя «Полоцкого пахаря» падтрымлівала развіццё газетнай справы ў раёнах, для чаго арганізоўвала конкурсы насценгазет [5]. Газету цікавіла і пашырэнне тэрыторыі распаўсюджвання ўласнага выдання: яе асобная рубрыка «Наши вызовы» была прысвечана арганізацыі падпіскі, якая была аформлена ў якасці эстафеты: адзін чалавек выпісваў газету для сялян пэўнай вёскі, апавяшчаў аб гэтым рэдакцыю і ўказваў прозвішча таго, каго выклікаў працягнуць справу [23]. Сведчаннем пашырэння цікавасці да «Полоцкого пахаря» з боку чытачоў з'яўляецца тыраж, які дасягнуў 7 500 экзэмпляраў — гэта самы вялікі тыраж полацкай газеты ў разглядаемы перыяд [14, с. 4; 15, с. 6]. Каштавала газета 4 капейкі. Да прыкладу, адзін фунт цукру абыходзіўся ў 27 капеек, 1 пуд ржаной мукі — у 1 рубель 90 капеек [24].

З 2 лютага 1926 г. газета выходзіла пад назвай «Чырвоная Полаччына» [3, с. 154], спачатку як орган Полацкага акркама КП(б) Беларусі і акрвыканкама, а з 1930 г. як орган Полацкага РК КП(б) Беларусі і райвыканкама. Друкавалася газета спачатку 3 разы на тыдзень [25, с. 1], нейкі час выходзіла 2 разы на тыдзень [27, с. 1], з 1 студзеня 1929 г. стала штотдзённай [29, с. 1]. «Чырвоная Полаччына» выдавалася ў колькасці 4500 экзэмпляраў. Нумар газеты каштаваў 3 капейкі [25, с. 1], таксама існавала разгалінаваная сістэма падпіскі: у 1926 г. на месяц — 25 капеек, на 2 — 50 капеек, на 3 — 70 капеек, на 6 — 1 рубель 30 капеек., на год — 2 рублі 50 капеек [26, с. 1]. Для заахвочвання чытачоў да падпіскі мелася «сістэма бонусаў». Гадавым падпісчыкам на 1929 г. гарантаваліся бібліятэчка па сельскай гаспадарцы, 2 літаратурна-мастацкія зборнікі, адрывны каляндар, 4 літаратурна-мастацкія дадаткі і 5 партрэтаў правадыроў рэвалюцыі. Паўгадавыя падпісчыкі атрымлівалі 1 літаратурна-мастацкія зборнік, літаратурныя дадаткі, 3 кніжкі па сельскай гаспадарцы, 4 партрэты правадыроў рэвалюцыі. Трэхмесячныя — 4 партрэты правадыроў рэвалюцыі і літаратурныя дадаткі [29, с. 4].

З пачатку выпуску газеты пад новай назвай і да 1929 г. «Чырвоная Полаччына» мала чым адрознівалася ад «Полоцкага пахаря»: захоўвалася структура газеты, калі першая старонка асвятляла пытанне міжнародных адносін, сусветныя навіны і навіны па СССР, працягвалі існаваць рубрыкі, прысвечаныя асобным раёнам акругі, сельскагаспадарчым пытанням (правілы апрацоўкі зямлі і жывёлагадоўлі), па-ранейшаму рыхтавалася асобная старонка «Вясковая камсамолія», дзе знаходзілі месца вершы полацкіх паэтаў, чытачы дасылалі ў рэдакцыю пытанні, адказы на якія друкаваліся ў газеце, асобнае месца належала рэкламе. Аднак рускамоўных артыкулаў рабілася ўсё меней, газета стала амаль цалкам беларускамоўнай (у 1926—1927 гг. выходзіла таксама на яўрэйскай (ідыш) мове) [3, с. 154].

На хвалі беларусізацыі ў другой палове 20-х гг. XX ст. у газету прыйшло працаваць шмат таленавітай моладзі. У 1928 г. у полацкай газеты з'явіўся новы рэдактар — С. Сямашка (у якасці рэдактара працаваў у 1926—1929 гг.). У сваіх успамінах ён пісаў: «Спачатку было страшнавата, бо пісаць заметкі і артыкулы зусім не тое, што кіраваць газетай, тым больш не маючы спецыяльнай журналісцкай адукацыі. Прыйшлося і працаваць у газеце, і ўзмоцнена займацца самаадукацыяй у галіне газетнай справы» [11, с. 377]. Рэдактар, апрача асноўных абавязкаў, пісаў перадавыя, падбіраў і апрацоўваў матэрыялы ў партыйны аддзел газеты, бо штат супрацоўнікаў газеты быў невялікі — чатыры чалавекі разам з рэдактарам. Сакратаром рэдакцыі быў П. Броўка, які падбіраў і рэдагаваў матэрыялы рабочай і сялянскай моладзі, камсамольскіх ячэек, вёў перапіску з раб-

селькорамі; яшчэ два супрацоўнікі — Т. Хадкевіч і Я. Скрыган, як літра-ботнікі, выконвалі абавязкі рэпарцёраў у горадзе, выязджалі ў раёны для збору матэрыялаў [11, с. 377], некаторы час ў полацкай газеце працавалі Э. Самуйлёнак, А. Астрэйка, А. Дудар, А. Звонак, А. Александровіч і інш., для многіх з іх полацкая журналісцкая школа стала першай прыступкай будучай літаратурнай дзейнасці. Менавіта яны склалі касцяк літаратурнай школы Полаччыны ХХ ст. Пры іх удзеле 7 сакавіка 1925 г. на базе студыі пры Полацкім педтэхнікуме была створана полацкая філія літаратурнага аб'яднання «Маладняк» [11, с. 231—297]. Да канца 1925 г. філія налічвала ўжо 18 маладых пісьменнікаў. Полацкая газета, такім чынам, стаяла ля вытокаў стварэння літаратурнай школы Полаччыны — большасць полацкіх маладнякоўцаў былі супрацоўнікамі газеты, на яе старонках творы маладых пісьменнікаў з'явіліся ўпершыню.

Газета «Чырвоная Полаччына» актыўна супрацоўнічала з масамі. Яна мела каля 200 чалавек актыўных рабкораў і селькораў, з якімі падтрымлівалася пастаянная сувязь, кожны з якіх атрымліваў сваё персанальнае заданне. У газеце меліся тэматычныя старонкі на сялянскую тэму — «Вясковая камсамолія» (орган Полацкага акруговага камітэту ЛКСМБ) друкавалася 1 раз на тыдзень. Дадзены раздзел ўтрымліваў у сабе не толькі нататкі па сельскай гаспадарцы, але і літаратурныя творы. Так, з 1926 г. у «Вясковай камсамоліі» з'явілася рубрыка «Літаратурны куток», дзе друкавалі свае вершы маладнякоўцы. Пазней у газеты з'явілася і асобная «Літаратурная старонка», цалкам напоўненая паэзіяй і прозай. Тут знайшлі месца творы П. Броўкі, Т. Хадкевіча, Я. Відука (псеўданім Я. Скрыгана), Р. Хвойкі, Я. Козіка, С. Багуна, А. Александровіча, М. Сямашкі, А. Звонака, С. Хурсіка і інш.* На старонках «Вясковай камсамоліі» пачалі змяшчацца прымаўкі і загадкі [28, с. 3]. «Чырвоная Полаччына» змяшчала і артыкулы па гісторыі горада, пісала пра яго помнікі. Так, у № 61 за 1928 г. прадстаўлены артыкул «Вывучэнне помнікаў старажытнасці г. Полацка» пад аўтарствам навуковага сакратара Полацкага Акруговага краязнаўчага таварыства, дзе дадзена апісанне вынікаў даследавання Барысаглебскага манастыра ў Полацку даследчыкамі М. М. Шчакаціхіным і І. М. Хозеравым**. Газета асвятляла пытанне адкрыц-

* Інфармацыя ўзята з крыніц: ф/к старонкі «Літаратурная старонка» з газ. «Чырвоная Полаччына» № 90 (226), 1926 г. і ф/к старонкі «Літаратурная старонка» з газ. «Чырвоная Полаччына» № 115 (249), 1926 г. з фондаў НППКМЗ (КДФ1-1196 і КДФ1-1197).

** Інфармацыя ўзята з крыніцы: ф/к артыкула «Вывучэнне помнікаў старажытнасці г. Полацка» з газ. «Чырвоная Полаччына» № 61, 1928 г. з фондаў НППКМЗ (КДФ1-1177).

ця Краязнаўчага музея: тут было змешчана апісанне Сафійскага сабора як плануемай пляцоўкі пад музей, праект экспазіцыі і тэматычных блокаў, просьба аб дапамозе ў фарміраванні музейнага фонду*. Праз некалькі нумароў у газеце з'явіўся артыкул, у якім прадстаўлена характарыстыка ўжо адчыненага музея і яго экспазіцыі. Тут жа адзначаны асноўныя пытанні 2-й акруговай краязнаўчай канферэнцыі**.

Выпускам газеты займалася друкарня, якая толькі з 5 сакавіка 1926 г. (з 43-га нумара газеты пад новай назвай) змяніла назву «Полоцкий Пахарь» на «Чырвоную Полаччыну» [9]. Друкарня выконвала заказы на розную выдавецкую прадукцыю, але паўнавартасных кніг амаль не выпускала. Для іх распаўсюджвання у Полацку было створана аддзяленне Дзяржаўнага выдавецтва БССР, якое размяшчалася па вул. К. Маркса, 12. [8]. Акрамя афіцыйнай газеты, у Полацку друкаваліся яшчэ рэдкія перыядычныя і непэрыядычныя выданні. Так, у 1924 г. Полацкае культурна-кааперацыйнае аб'яднанне і павятовая Палітасвета друкавалі газету «Смычка»***. У лістападзе 1926 г. у Полацку выйшаў першы літаратурны зборнік маладнякоўцаў «Надзвінне» (1 000 экзэмпляраў), у 1927 г. альманах — «Росквіт» (1 000 экзэмпляраў), а ў 1928 г. — «Зарніцы» (600 экзэмпляраў). У 1925 г. у колькасці 2 000 экзэмпляраў быў выдадзены на рускай мове гісторыка-эканамічны нарыс «Полотчина». Выданне мела 224 старонак і складалася з 10 раздзелаў: I. «Общие географические и этнографические, экономические и политические предпосылки советского строительства в Полоцком округе». II. «Советское строительство». III. «Деятельность окружного исполнительного комитета». IV. «Сельское хозяйство». V. «Коммунальное хозяйство». VI. «Финансы». VII. «Торговля». VIII. «Народное образование». IX. «Здравоохранение». X. «Труд». У выданні прысутнічаюць некаторыя звесткі наконт выдавецкай справы ў Полацку, напрыклад, пазначаецца адсутнасць сродкаў у полацкай газеты для абслугоўвання шматнацыянальнага насельніцтва горада і наяўнасць малой колькасці карэспандэнтаў, якія працуюць на мовах нацменшасцяў [13, с. 40]. Тут жа ўказваецца, што на канец 1923 г. у Полацку было дзве друкарні [13, с. 98]. Першая — друкарня выдання «Чырвоная Полаччына», другая —

* Інфармацыя ўзята з крыніцы: ф/к артыкула «Аб арганізацыі акруговага Краязнаўчага музея» з газ. «Чырвоная Полаччына», № 79 (213), 1926 г. з фондаў НППКМЗ (КДФ1-1261).

** Інфармацыя ўзята з крыніцы: ф/к артыкула «2-я Полацкая акруговае краязнаўчая канферэнцыя» з газ. «Чырвоная Полаччына», № 118, 1926 г. з фондаў НППКМЗ (КДФ1-1270).

*** Інфармацыя ўзята з крыніцы: ф/к артыкула «З гісторыі друку на Полаччыне». Газ. «Чырвоная Полаччына» 1928 г., № 35 з фондаў НППКМЗ (КДФ1-1066).

друкарня «Стралковага палка 5-й дывізіі» (хутчэй за ўсё перайменаваная друкарня «Подива»). У апошняй выдаваліся пераважна брашуры. Сёння ў Нацыянальнай бібліятэцы Беларусі захоўваецца брашура па гісторыі самога палка, а таксама брашура «Устав промысловой кооперативной артели», выданыя ў гэтай друкарні.

У канцы 1920-х гг. у сувязі з тэндэнцыяй да ўнітарнасці ў саюзным будаўніцтве палітыка беларусізацыі была прыпынена. З таго часу характар выдавецкай дзейнасці ў Полацку змяніўся. З зыходам рэдактара С. Сямашкі бяднее змест выдання: менш навін прысвячаецца міжнародным стасункам, іх месца займаюць пераважна пытанні пяцігодкі*, калектывізацыі** і пабудовы сацыялізму***. Рубрыкі з аграномамі і ветэрынарамі сталі радзейшымі, зніклі рубрыкі з урачамі, пытанне — адказ, «Нашим поэтам», абмежавана рэклама. Калі газета 1920-х гг. з'яўляецца пляцоўкай для дыялогу, дзе агучваюцца запыты і пытанні да ўлады, то газета 1930-х гг. наадварот — запыт улады да грамадства, прадстаўленыя ў выглядзе пытання «чаму не выкананы план».

Такія ж пытанні ў 1930-я гг., часы стаханаўскага руху, сацспарборніцтва і ўдарніцтва, ставіліся і да мясцовай друкарні і газеты, бо план яны не выконвалі. У 1936 г. полацкая друкарня выканала гадавы план на 99%, што выклікала незадавальненне кіраўніцтва, дырэктара полацкай друкарні Х. Гуткіна абвінавацілі ў тым, што апошні нічога не зрабіў для разгортвання стаханаўскага руху і прымянення «новага метаду работы» на прадпрыемстве [19, л. 25]. У сваю чаргу, дырэктар тлумачыў невыкананне плана незадавальняючым забеспячэннем сыравінай, паперай, а таксама неабгрунтаваным павышэннем плана [12, л. 23], замянала і адсутнасць добрага памяшкання. На наступны год дырэктар друкарні Х. Гуткін запрасіў у Полацкага гарсавета сродкі ў колькасці 100 000 руб. на двухпавярховую прыбудову памерам 20×10 м; ён тлумачыў гэта тым, што капітальны рамонт у друкарні не адбываўся з часоў заснавання, у той час як абсталяванне, так і колькасць працоўных вырасла, будынак, такім чынам, стаў цесным [19, л. 129]. Праз некалькі месяцаў сродкі былі выдадзены, работы па дабудове двухпавярховага будынка ў 1 600 кв. м планавалася

* Інфармацыя ўзята з крыніц: ф/к старонкі з газ. «Чырвоная Полаччына» № 179, 1939 г. і ф/к артыкула «Полацкі райён адказвае на выклік Расоншчыны» з газ. «Чырвоная Полаччына» №44, 1929 г. з фондаў НППКМЗ (КДФ1-1092 і КДФ1-1190).

** Інфармацыя ўзята з крыніцы: ф/к старонкі з газ. «Чырвоная Полаччына» № 71, 1929 г. з фондаў НППКМЗ (КДФ1-1145).

*** Інфармацыя ўзята з крыніцы: ф/к артыкула «Стары Полацк будзе ператвораны у новы, соцыялістычны горад з газ. «Чырвоная Полаччына» № 178, 1933 г. з фондаў НППКМЗ (КДФ1-1275).

правесці з 1 жніўня да 1 снежня 1937 г. [19, л. 135]. У выніку паляпшэння ўмоў працы друкарня пачала нават перавыконваць план [12, л. 1]. Друкарню пачалі прыводзіць у прыклад іншым прадпрыемствам горада: «Ссылка на отсутствие сырья есть только «объективная» причина, которой многие руководители хотят замаскировать отсутствие борьбы за своевременное обеспечение предприятий сырьем, видно хотя-бы из того, что типография «Большевик Полотчины», которая 1936 г. закончила с прорывом, но благодаря тому, что руководство предприятия проявило инициативу, поворотливость, в январе месяце 1937 г. план перевыполнила, несмотря на то, что работает на дефицитном сырье. Из приведенного следует сделать вывод, что там, где была борьба за план, где это дело не предоставляется самотёку, план выполняется» [12, л. 107—108]. У друкарні быў наладжаны таксама і стаханаўскі рух, прычым стаханаўцаў у суадносінах да звычайных працоўных на гэтым прадпрыемстве было больш, чым у любым іншым у горадзе (з 28 працоўных — 10 стаханаўцаў) [12, л. 109].

З 1 студзеня 1936 г. газета «Чырвоная Полаччына» змяніла назву на «Бальшавік Полаччыны» [3, с. 154]. Газета асвятляла розныя пытанні, але, безумоўна, найбольш важнай яе задачай была прапаганда. На хвалі распаўсюджвання стаханаўскага руху і сацспарборніцтва газета пісала пра выбітных стаханаўцаў Полаччыны, пра перавыкананні плана^{*}. Не забывалася яна і на традыцыйную, пачатую з часоў «Чырвонай Полаччыны», тэму асвятлення гісторыі горада^{**}. У лютым 1938 г. у полацкай газеты зноў новая назва, на гэты раз на больш доўгі перыяд. Першы нумар «Большэвіцкага шляху» выйшаў 11 ліпеня 1938 г. [3, с. 154]. Ва ўмовах абвастрэння міжнароднай абстаноўкі газета актыўна асвятляла і ваенную тэму: пісала аб савецка-польскай вайне^{***}, аб барацьбе з японцамі на пачатку Другой сусветнай вайны^{****}, аб савецка-фінскай вайне^{*****}. Працягвала распаўсюджванне інфармацыі па тра-

* Інфармацыя ўзята з крыніц: ф/к старонкі з газ. «Бальшавік Полаччыны», 1936 г. і ф/к старонкі з газ. «Бальшавік Полаччыны» № 255, 1937 г. з фондаў НПКМЗ (КДФ1-1170 і КДФ1-1276).

** Інфармацыя ўзята з крыніцы: ф/к артыкулаў В. Карэлінай «Горад Полацк» з газ. «Большэвік Полаччыны» № 77, 78, 80, 86, 88, 92 за 1937 г. з фондаў НПКМЗ (КДФ1-1328/1-12).

*** Інфармацыя ўзята з крыніцы: ф/к артыкула «У тыя дні» з газ. «Большэвіцкі шлях» № 154, 1939 г з фондаў НПКМЗ (КДФ1-1179).

**** Інфармацыя ўзята з крыніцы: ф/к старонкі з газ. «Большэвіцкі шлях» № 97, 1939 г. з фондаў НПКМЗ (КДФ1-1142).

***** Інфармацыя ўзята з крыніцы: ф/к старонкі газ. «Большэвіцкі шлях» № 96 ад 1.05.1940 г з фондаў НПКМЗ (КДФ1-1127).

дыцыйных тэмах: сацпаборніцтве і дасягненнях савецкага кіраўніцтва*. Апошнія нумары газеты выйшлі ў першыя дні Вялікай Айчыннай вайны, на першай старонцы «Большэвіцкага шляху» за 23 чэрвеня 1941 г. прадстаўлена стэнаграма радыёвыступлення В. М. Молатава, у якім наркам замежных спраў апавяшчаў грамадзян пра напад нямецкіх войскаў на СССР**.

Акрамя газеты, полацкая друкарня працягвала выпуск розных брашур, асабліва шмат іх было выдадзена ў 1929—1930 гг.: рэзалюцыі і пастановы, рашэнні, зборнік інструкцый, правілы і планы. Сёння з імі можна азнаёміцца ў Нацыянальнай бібліятэцы Беларусі.

Выдавецкая дзейнасць ў Полацку была прыпынена Вялікай Айчыннай вайной, полацкая друкарня была знішчана падчас першай моцнай бамбёжкі. Падчас абароны горада з Вялікалуцкай вобласці (сучасная Пскоўская вобласць) у другі эшалон 174-дывізіі, што абараняла Полацк да 16 ліпеня, было дастаўлена абсталяванне і газетная папера для друку газеты «Боевое знамя». Яе першы нумар выйшаў 1 ліпеня 1941 г. Рэдактарам газеты быў А. І. Цягуноў, ва ўспамінах якога пазначана, што першы нумар газеты не захаваўся [11, с. 406].

На тэрыторыі акупаванага горада з 15 жніўня пачалі распаўсюджвацца лістоўкі падпольных і партызанскіх выдаўцоў [4, с. 313]. 2 чэрвеня 1943 г. на базе 3-й Беларускай партызанскай брыгады пад чарговым 3377-м нумарам быў адноўлены выпуск полацкай раённай газеты «Бальшавіцкі шлях» [3, с. 154], органа падпольнага райкома КП(б)Б. Рэдакцыя газеты базіравалася ў партызанскай брыгадзе А. Я. Марчанкі, яе рэдактарам быў Ф. Т. Шэдаў, карэспандэнтамі сталі памочнікі камісара брыгады «Няўлоўныя», у тым ліку партызан М. А. Маніс. «Бальшавіцкі шлях» быў своеасаблівым пропускам у партызанскую зону, рэгулярна дастаўляўся ў Полацк і выходзіў ў сярэднім тыражом 250—300 экзэмпляраў. На пошук друкарні акупацыйныя ўлады затрацілі шмат сіл [11, с. 442]. Сёння асобнікі газеты захоўваюцца ў фондах НППКМЗ, а друкарскі станок, які выкарыстоўваўся для яе выпуску, прадстаўлены ў экспазіцыі Музея баявой славы. Выданне «Бальшавіцкага шляху» працягвалася да 7 чэрвеня 1944 г. У якасці органа Полацкага РК КП(б)Б, раённага і гарадскога Саветаў газета адноўлена 21 жніўня 1944 г. [3, с. 154].

* Інфармацыя ўзята з крыніц: ф/к газ. «Бальшэвіцкі шлях» № 54 ад 8.03.1939 г. і ф/к газ. «Бальшэвіцкі шлях» № 163 ад 30.07.1939 г. з фондаў НППКМЗ (КДФ1-1122 і КДФ1-1141).

** Інфармацыя ўзята з крыніцы: ф/к артыкула «Выступленне па радыё Намесніка Старшыні Савета Народных Камісараў Саюза ССР і Народнага Камісара Замежных Спраў тав. В. М. Молатава» з газ. «Бальшэвіцкі шлях» № 75 (3376) ад 23.06.1941 г. з фондаў НППКМЗ (КДФ1-1230).

Такім чынам, выдавецкая справа ў Полацку ў 1917—1944 гг. развівалася ў цеснай сувязі з агульнай абстаноўкай у краіне. На сферы выдавецтва адбіваліся рэвалюцыйныя падзеі, шматлікія баявыя дзеянні, пабудова новай дзяржаўнай сістэмы. Калі ў першыя гады савецкай улады друк развіваўся стыхійна, то ў хуткім часе разам з аднаўленнем эканомікі краіны ён поўнасьцю падпарадкаваўся новай сістэме і стаў яе часткай. У выніку паступовай цэнтралізацыі кнігавыдання ў сталічных гарадах друк на перыферыі быў абмежаваны да выдання газет і брашур. Тым не менш, можна канстатаваць, што мясцовае выданне было тэматычна разнапланавым і задавальняла шырокае кола чытачоў.

Полацкі друк з'яўляецца цікавым летапісам і крыніцай для вывучэння гісторыі краю, бо выдавецкая прадукцыя — гэта люстэрка сваёй эпохі ў сацыяльным, эканамічным, палітычным і культурным сэнсе.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Вазьміцель, А. В. Друкарская справа ў Полацку ў другой палове XIX—XX стст. / А. В. Вазьміцель // Матэрыялы навуковай гісторыка-краязнаўчай канферэнцыі: да 75-годдзя Полацкага краязнаўчага музея, Полацк, 18—19 мая 2001 г. / уклад. В. Д. Краско.— Полацк: НППКМЗ, 2001.— С. 17—21.
2. Воднева, І. П. Перыядычны друк на Полаччыне ў першай палове XX ст. (1917—1936) / І. П. Воднева // Матэрыялы гісторыка-краязнаўчай канферэнцыі (да 80-годдзя Полацкага Краязнаўчага музея) / уклад. В. Д. Краско.— Полацк: НППКМЗ, 2008.— С. 33—42.
3. Газеты Беларусі 1776—1975: бібліяграфічны паказальнік / склад. Л. М. Няхайчык [і інш.].— Мінск: Нацыянальная кніжная палата Беларусі, 2003.— 322 с.
4. Гісторыя беларускай кнігі. У 2 т. Т. 2. Кніжнасць новай Беларусі (XIX—XXI стст.) / М. В. Нікалаеў [і інш.]; навук. рэд.: В. В. Антонаў, М. В. Нікалаеў.— Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011.— 436 с.
5. Д. Х. К конкурсу ственных газет / Д. Х. // Полоцкий пахарь.— 1925.— 18 марта.— С. 5.
6. Делегату 5-ой Красноармейской конференции 5-й Витебской стр. дивизии, 8.— 10 января 1924 г.— Полоцк: Типография Подива, 1924.— 48 с.
7. Дэйніс, І. П. Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс; уклад, прадм. і камент. М. Баўтовіча; пер. з рускай мовы М. Ермалаева.— Мінск: Медисонт, 2007.— 330 с.
8. Новыя кнігі // Чырвоная Полаччына.— 1930.— 16 снежн.— С. 4.
9. Об'явление // Чырвоная Полаччына.— 1926.— 15 крас.— С. 4.
10. Отчет Полоцкого Укома Р.К.П.(б) за период с VIII-ой до IX уездной партконференции и план дальнейшей работы.— Полоцк: Государственная типография, 1922.— 48 с.

11. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.].— Мінск: БелЭн, 2002.— 912 с.
12. Планы и сведения о деятельности промышленных артелей. Сведения и обзор о выполнении плана выпуска валовой продукции предприятиями местной промышленности округа за январь 1937 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 115.— Оп. 1.— Д. 38.
13. Полотчина.— Полоцк: Типография редакции газеты «Полоцкий Пахарь», 1925.— 117 с.
14. Полоцкий пахарь.— 1925.— 18 марта.
15. Полоцкий пахарь.— 1925.— 28 апр.
16. Постановления губисполкома, коллегии уездного земельного отдела, приказы уисполкома, протоколы заседаний мобилизационной комиссии по мобилизации на командные курсы, заседаний волисполкомов // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 51.— Оп. 1.— Д. 27.
17. Постановления губисполкома, уездного продовольственного комитета, переписка с губернскими и местными учреждениями и организациями по хозяйственным вопросам // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 51.— Оп. 1.— Д. 26.
18. Постановления, циркуляры НКВД РСФСР, губисполкома, протоколы 1 чрезвычайного съезда председателей волисполкомов, сельсоветов, заведующих волостными земельными отделами Полоцкого съезда, состоявшегося 23—25 января 1921 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке.— Фонд 51.— Оп. № 1.— Д. 24.
19. Приказы, циркуляры Витебского губернского исполнительного комитета, протоколы заседания уисполкома, упродкома, акты проверок отделов уисполкома, список сотрудников военкомата — Фонд 51.— Оп. 1.— Д. 9.
20. Ривин. Наша газета в цифрах / Ривин // Полоцкий пахарь.— 1925.— 9 мая.— С. 5.
21. Стенная газета и ее значение // Полоцкий пахарь.— 1925.— 21 марта.— С. 2.
22. Треплют лапти // Полоцкий пахарь.— 1925.— 14 марта.— С. 3.
23. Турнов, Н. Вызов № 32 / Н. Турнов. // Полоцкий пахарь.— 1925.— 18 марта.— С. 5.
24. Цены на товары полоцкого церабкопа // Полоцкий пахарь.— 1925.— 21 марта.— С. 4.
25. Чырвоная Полаччына.— 1926.— 6 крас.
26. Чырвоная Полаччына.— 1926.— 15 крас.
27. Чырвоная Полаччына.— 1928.— 4 студз.
28. Чырвоная Полаччына.— 1928.— 7 студз.
29. Чырвоная Полаччына.— 1928.— 15 снежн.

БОРЬБА С БРАКОНЬЕРСТВОМ НА ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Ключников Андрей Александрович

*старший научный сотрудник Природно-экологического музея —
филиала НПИКМЗ*

На сегодняшний день браконьерство считается одной из самых серьёзных угроз для природных экосистем. Несмотря на это, данная проблема недостаточно развита в современном природоохранном законодательстве Республики Беларусь. Спецификой браконьерства является то, что на протяжении разных исторических периодов суть данного явления если и менялась, то очень незначительно, и, таким образом, представленные в статье факты и методы борьбы с браконьерством можно проецировать даже на современность. Кроме того, изучаемый исторический период интересен тем, что именно в это время зарождается природоохранное законодательство на государственном уровне.

Ключевые слова: *Витебская губерния, Витебская область, экология, экосистемы, охота, браконьерство, природоохранное законодательство, природоохранные территории.*

Для цитирования: *Ключников, А. А. Борьба с браконьерством на территории Витебской губернии в первые годы советской власти / А. А. Ключников // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысон, 2020.— С. 131—137.*

Научно-технический прогресс даёт человеку мощные рычаги воздействия на природу, но, как правило, это воздействие носит негативный характер.

Таким отрицательным антропогенным фактором является браконьерство. Согласно законодательству, под браконьерством подразумевается деятельность, противоречащая закону об охране окружающей среды. На сегодняшний день это охота, рыболовство не по сезону и на запрещённых территориях, незаконная вырубка лесов и сбор растений. Например, под данное определение попадают незаконные действия, связанные с добычей животных и рыбы сверх установленной нормы, охота на редких, исчезающих или занесённых в Красную книгу видов животных, с применением оружия или пиротехнических средств, использование которых на охоте или рыбалке запрещено [10].

В результате браконьерства происходит дефаунизация — численность животных восстанавливается медленнее, чем идет уничтожение. Это ведет к серьезному нарушению экологического баланса отдельно взятого леса, водоема или же региона в целом.

Основными источниками по теме являются документы Государственного архива Витебской области и Витебский городского архив за 1917—1924 г. Выбор данного временного промежутка обусловлен тем, что в этот период зарождается общественное движение за охрану природы. Однако следует отметить, что ещё до Октябрьской революции, в 1909 г. была образована Природоохранительная комиссия при Русском географическом обществе. В 1916 г. по ее инициативе был принят первый в России Закон о заповедниках. Но все пропагандируемые научной общественностью идеи охраны природы по своему содержанию и сути сводились лишь к сохранению достопримечательностей природы, уникальных природных объектов, отдельных видов животных и растений и не являлись комплексными.

Единая система принципов природопользования начинается зарождаться только в первые годы советской власти. И в будущем, уже на её основе, развивается всё природоохранное законодательство. Показателен тот факт, что только за первые пять лет существования Советского государства было издано более 200 декретов и постановлений, касающихся охраны природы и общих проблем природопользования.

Одним из ценнейших природных ресурсов нашей страны является лес. В начале прошлого века леса на территории Беларуси были подвергнуты интенсивной рубке и уничтожению. В Витебской губернии площадь, покрытая лесами, к 1920 г. сократилась до 20%. Значительным объемам заготовок древесины способствовала относительно густая сеть рек, железных и наземных дорог, по которым можно было бы перевозить древесину. До революции 1917 года лесные ресурсы Витебской губернии разрабатывались более активно, чем в других богатых лесом районах Российской империи: ежегодные рубки леса значительно превосходили естественный прирост [1].

В 1917 г. на II Всероссийском съезде Советов был принят Декрет «О земле», согласно которому земля и леса были объявлены достоянием всего народа. Затем были приняты Декрет ВЦИК от 27 мая 1918 г. «О лесах», декреты СНК РСФСР от 20 марта 1919 г. «О лечебных местностях общегосударственного значения», от 14 мая 1919 г. «О недрах земли» и др. Эти документы, обеспечившие рациональное пользование отдельными природными ресурсами, были дополнены Декретом СНК РСФСР от 16 сентября 1921 г. «Об охране памятников природы, садов и парков».

Однако несмотря на развитие законодательной базы, на местах ситуация оставалась неудовлетворительной. Так, инспектор Городокского уезда, сообщая об убытках причиненных за период 1917—1921 гг. незаконной вырубкой, просит самым строжайшим образом наказать нарушителей, которые отказываются платить штраф. Местная милиция при данных фактах нарушения обычно отказывалась задерживать браконьеров и отправлять их в концлагеря на принудительные работы сроком в 6 месяцев. Существовавшие в то время народные суды, которые до издания обязательного постановления Витебского губисполкома № 161 от 1921 г. «О борьбе с лесонарушениями» разбирали дела о порубках, большей частью оправдывали рубщиков и браконьеров [7, л. 19].

Более того, браконьерством часто занимались не только местные жители, но и вооружённые формирования. В 1921 г. актуальной была проблема «польских банд», которые не только рубили лес, но и устраивали пожары и грабили лесничества [8, л. 41]. Красноармейцы же, несмотря на неоднократно ранее отдаваемые приказания и запреты Витебского гублесотдела самовольно вырубать лес, только этим и занимались. Вплоть до 1923 г. постоянно поступали заявления о том, что красноармейцы воинских частей, квартирующихся в г. Витебск, с подводами приезжают в лес и самовольно производят вырубку леса, как буреломного, так и даже растущего. При этом поступали угрозы в адрес лесной стражи, которая пыталась пресекать правонарушения [8, л. 24].

Исходя из данной обстановки, 8 мая 1923 г. были введены следующие, более строгие меры борьбы с лесонарушениями:

- воспрещалось без соответствующего на то письменного разрешения местного лесничества всякого рода рубка и вывоз леса, вырубка ельника для украшений зданий в дни празднеств;
- деревенский представитель власти обязан был наблюдать, чтобы в его деревне не было самовольно заготовленных лесных материалов, изделий из них и дров, для чего имел право требовать от жителей предъявление разрешения на их заготовку;
- за самовольную порубку леса взыскивалась сумма, в размере 4-х кратной стоимости срубленного леса [8, л. 44].

Учреждалась вооруженная лесная стража. Руководство охраной лесов было возложено на образованный при Центральном управлении лесами отдел охраны лесов республики, а в губерниях — на подотделы охраны лесов губернии. Охрана лесов в лесничествах возлагалась на лесничих, их помощников и на лесную стражу. Для непосредственного осуществления

охраны лесов предусматривалось разделение лесничеств на объезды, а объездов на обходы.

Ответственность за охрану дичи в лесах также возлагалась на Союз охотников Витебской губернии. Впервые охотничий союз был организован в 1919 г. и присоединился к Северному кружку охотников, а затем вошёл во Всероссийский союз охотников. В 1922 г. были организованы волостные отделения во всех уездах губернии, а также были утверждены должности районных наблюдателей, которые работали фактически на добровольных началах. Только в 1924 г. наблюдатели начали получать незначительную заработную плату, а заведующим заказников были выданы бесплатно охотничьи билеты [9, л. 125—126]. Всем участковым и районным наблюдателям выдавались мандаты на право задержания браконьеров с продаваемой пушниной, которую они добыли незаконно, а также частных скупщиков, которые были заподозрены в покупке пушнины от браконьеров. Наблюдатели, которые доставляли в союз охотников браконьеров с незаконно продаваемой ими пушниной, получали до 25% стоимости товара [12, л. 337]. При встрече на поле или в лесу с человеком, имеющим охотничье ружьё, каждый член союза охотников обязан был спросить у него разрешение на право охоты или членский билет, и, в свою очередь, предъявить ему свой билет. Если никаких документов у человека не оказывалось, то можно было поступать с ним, как с браконьером.

Самым простым и вместе с тем самым эффективным способом охраны животных было (и во многом остаётся) устройство заказников [3, л. 7]. В 1924 г. в Витебской губернии имелось 22 заказника, 8 из которых находилось в Витебском уезде. Заказники, как правило, были расположены при шоссе и железных дорогах, т.е. там, где животных осталось меньше всего. В 1924 г. был произведён учёт животных, хоть и не давший полной картины, тем не менее, позволивший установить места, где необходимо организовать новые заказники. Стоит отметить, что проблемы с учётом животных были и на самих охранных территориях. Уполномоченные, которые были обязаны составлять отчёты о количестве животных, находящихся в заказниках, часто этого не делали и никакую информацию в союз охотников не предоставляли [9, л. 126]. Для профилактики браконьерства для наблюдающих за заказниками была разработана следующая инструкция:

- наблюдающий обязан следить, чтобы в заказнике не проводилась охота и не находился никто с охотничьим оружием, собаками и вообще с инструментами лова;
- наблюдающий обязан следить, чтобы в заказнике не находились бродячие собаки и кошки и если таковые появлялись — немедленно уничтожать их;

- обо всех нарушениях установленных правил наблюдающий обязан либо сам составить протокол, либо сообщить ближайшему районному наблюдателю и сам в этом протоколе записаться как свидетель;
- если наблюдающий над заказником замечал, что в заказнике появились хищники, он обязан немедленно сообщить уполномоченному своего района для принятия соответствующих мер;
- без надлежащего удостоверения в заказнике не вправе никто находиться и наблюдающий за заказником должен за этим неустанно следить;
- каждый получивший удостоверение на право нахождения в заказнике обязан явиться и предъявить это удостоверение наблюдающему за заказником;
- обо всех замеченных изменениях в составе дичи наблюдающий за заказником обязан немедленно поставить в известность уполномоченного своего района [3, л. 34].

Однако, несмотря на все принятые меры, эффективность заказников на деле была неоднозначной. В организации таких охранных территорий отсутствовала всякая система и рациональность. Из докладов правления союза охотников не видно, почему нужны были указанные в докладе заказники, какие конкретно виды там сохранялись, какое они имели распространение и как организация этих заказников в целом могла сказаться на общей охране леса и животного мира. Не было никакой гарантии того, что установленные заказники являлись в принципе таковыми, т. к. сторожа заказников, наблюдающие, фактически не контролировались и не проверялись, и реальное состояние заказников не всегда могло быть известно.

В 1923 г. в заказниках Витебской губернии можно было встретить тёмно-дымчатых зайцев, благородных оленей, кабанов, три морфы лисиц: огнёвку, крестовку и белоушку. А вот куницы встречались редко, так как на пушном рынке в то время их мех оценивался очень дорого. Показательно то, что в документах 20-е гг. сравниваются с историческим периодом, когда король Сигизмунд I требовал дань от своих поданных куничьей шерстью. Тем самым, подчёркивается значимость пушнины и необходимость охраны куниц.

Ценился и бобровый мех. Бобр в 90-х годах XIX в. в Беларуси водилось очень много, но с уничтожением лесов по берегам крупных и малых рек они извелись и к началу XX в. их можно было встретить только в озере Погостское в Гомельской губернии.

В целом отмечается, что как в Витебской, так и в Минской губернии в начале XX в. сильно уменьшилось количество всего видового разнообразия животного мира, что объясняется неорганизованностью охотничьего дела [9, л. 125].

В целях охраны дичи в 1924 г. выработаны новые правила и сроки охоты, в основу которых были положены принципы, обеспечивающие зверям и птицам комфортные условия гнездования и выращивание потомства. Некоторые виды, такие как серая куропатка, ввиду её заметного уменьшения, взяты под полную охрану. Кроме того под полную охрану подпадали бобры, лоси, дикие козы, куницы, норки, выдры, белки. Запрещалось разорять гнёзда, вынимать из них птенцов и птиц всех видов, а также разорять норы зверей. Воспрещалось применение орудий и способов массового убийства животных, таких как: шатры, тенеты, венгеря, загородки, ночной лов с огнём, добывание стадных животных при переправах через реки. Воспрещалось применение общеопасных способов охоты, как, например, беспорядочная стрельба из ружей, рытьё ям и разбрасывание отравы. Согласно правилам охоты, нельзя было ловить и отстреливать полезных для сельского хозяйства птиц: синиц, кукушек, дятлов, скворцов, мелких соколов — кобчиков и пустельг, сов [9, л. 132].

Отдельно следует отметить культурно-просветительскую работу в 1920-е гг. Для уменьшения количества лесных правонарушений необходимо, прежде всего, проводить информационную работу с местным населением. Но в начале XX в. это практически не осуществлялось. В 1924 г. членами союза охотников было распространено лишь полсотни номеров журнала и открыт охотничий уголок в Витебске. Отчасти это было связано с тем, что члены союза были разбросаны по всей территории Витебской губернии и не могли нормально координировать свою работу [6].

Подытоживая, можно сделать вывод, что в 1917—1924 гг. идёт становление природоохранного законодательства. Согласно этим законам, для противодействия незаконной вырубке леса и охоте была создана лесная стража, организовывались заповедники. Дополнительные обязанности по охране дичи возлагались и на союз охотников. На практике подобные инициативы часто сталкивались с большим количеством трудностей и, в целом, не могли решить проблему браконьерства. Но, несмотря на это, все принятые меры заложили прочный фундамент для развития охраны природы в дальнейшем.

Список литературы и источников

1. Из истории природоохранной службы Беларуси // Дикая природа Беларуси [Электронный ресурс].— 2019.— Режим доступа: <https://www.wildlife.by/science/articles/iz-istorii-prirodookhrannoy-sluzhby-belarusi>.— Дата доступа: 12.09.2019.
2. Лесное хозяйство СССР за 50 лет (1917—1967 гг.) // Вологодская областная универсальная научная библиотека [Электронный ресурс].— 2019.— Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/za5/let/5.htm>.— Дата доступа: 26.05.2019.
3. Материалы первого съезда уполномоченных Витебского окружного Союза охотников // Государственный архив Витебской области.— Фонд 1328.— Оп. 1.— Д. 2.
4. Об охране дичи и борьбе с хищниками, планы заповедников и сведения о них // Государственный архив Витебской области.— Фонд 1328.— Оп. 1.— Д. 17.
5. Переписи с губернскими учреждениями об охране лесов, лесных пожарах и вооружении лесной стражи // Государственный архив Витебской области.— Фонд 1006.— Оп. 1.— Д. 32.— Л. 57.
6. По культурно-просветительской деятельности Губохотсоюза // Государственный архив Витебской области.— Фонд 1328.— Оп. 1.— Д. 20.— Л. 48.
7. Постановления и протоколы президиума Витгубисполкома о лесонарушениях и сведения об убытках // Государственный архив Витебской области.— Фонд 1006.— Оп. 1.— Д. 3.— Л. 13.
8. Приказы, циркуляры и постановления президиума Витгубисполкома и городского уисполкома по борьбе с лесными нарушениями // Государственный архив Витебской области.— Фонд 1006.— Оп. 1.— Д. 24.
9. Протоколы заседания правления Витгуботдела Белорусского кооперативно-промыслового Союза охотников // Государственный архив Витебской области.— Фонд 1328.— Оп. 1.— Д. 4.
10. Профилактика браконьерства // Берестовицкий районный исполнительный комитет [Электронный ресурс].— 2016.— Режим доступа: <http://berestovitsa.grodno-region.by/uploads/files/statjja-2-PROFILAKTIKA-BRAKONERSTVA.pdf>.— Дата доступа: 04.08.2019.
11. Циркуляр инспектора лесов Городокского уезда и переписка с лесничеством о незаконной продаже леса // Государственный архив Витебской области.— Фонд 1006.— Оп. 1.— Д. 27.
12. Циркуляры Витебского губернского коопертивно-промыслового союза охотников // Государственный архив Витебской области.— Фонд 1328.— Оп. 1.— Д. 1.

УДК 355.48[091][476.5-21Полоцк]"1943/1944"

БОИ 4-Й УДАРНОЙ АРМИИ ЗА СТАНЦИЮ ДРЕТУНЬ С НОЯБРЯ 1943 Г. ПО МАРТ 1944 Г.: К 75-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПОЛОТЧИНЫ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Копыл Сергей Петрович

заведующий Музеем боевой славы — филиалом НПИКМЗ

Рассматриваются ход боевых действий 4-й Ударной армии по освобождению Полотчины, стабилизации фронта на ближних подступах к важному транспортному узлу Полоцк и действия советского командования по прорыву немецкой обороны в сложной лесисто-болотистой местности.

Ключевые слова: ударная армия, стрелковый корпус, дивизия, станция Дретунь.

Для цитирования: Копыл, С. П. Бои 4-й Ударной армии за станцию Дретунь с ноября 1943 г. по март 1944 г.: к 75-летию освобождения Полотчины от немецко-фашистских захватчиков / С. П. Копыл // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (на выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысонт, 2020.— С. 138—149.

В 41 км от г. Полоцка в сторону г. Невель находится небольшая деревня Дретунь с одноимённой железнодорожной станцией. В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. она с прилегающей к ней местностью стала ареной ожесточённых боёв с немецко-фашистскими захватчиками. Сейчас — это грибная столица Витебщины. Её окружают живописные места с большим количеством рыбных озёр, рек и речушек, разбросанных в густых сосновых, берёзовых и смешанных лесах.

Тот же, кто воевал в этих местах, вспоминал, в каких сложных условиях приходилось это делать. В 1944 г. отделение оперативного отдела штаба 4-й Ударной армии (УА) по использованию опыта войны, подводя итог боёв в этих краях, отмечало: «<...> Местность р-на Дретунь резко лесисто-болотистая. Леса занимают 90% территории, заболочено до 70%. Рельеф местности пологий с редко расположенными небольшими холмами. Сухие участки занимают небольшую площадь в виде отдельных островов и узких полос на песчаном грунте, преимущественно покрытые лесом. С севера район прикрывается непроходимыми сплошными болотами, с востока р. Полота с прилегающей к ней на отдельных участках болотной местностью <...>» [1, л. 50].

После стремительного освобождения г. Невель в ходе фронтовой наступательной операции Калининского (с 20.10 1943 г. — Первого Прибалтийского) фронта перед его войсками встала задача по развитию ранее поставленной задачи наступления на Полоцк и Витебск (см. рисунок).

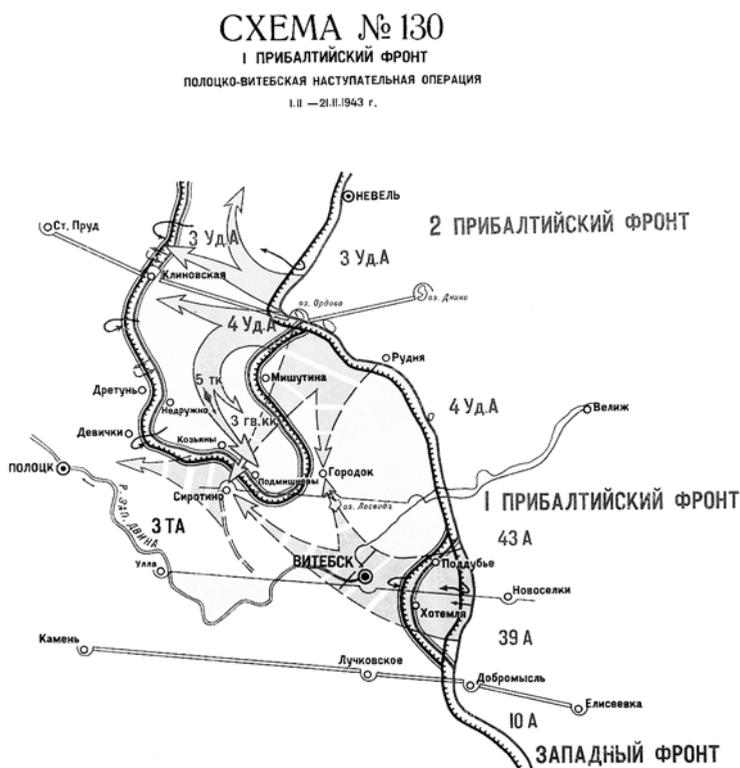

Рисунок. Схема проведения Полоцко-Витебской операции

29 октября командующий войсками фронта генерал армии А. И. Еременко доложил в Москву Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза И. В. Сталину своё решение на дальнейшие действия. В докладной записке было сказано: «<...> Во исполнение Вашего приказа и исходя из общей обстановки решил: силами 4-й Ударной <...>, 43 и 39 армий <...> разгромить Городокско-Витебскую группировку немцев и овладеть гг. Витебск, Городок и <...> Полоцк. <...> Всю операцию провести в течение 10—12 дней <...>» [2, лл. 3, 4]. Начало наступление намечалось начать 1.11 1943 г. Для наступления на Полоцком направлении из состава

4-й УА выделялся правофланговый 60-й стрелковый корпус в составе 3-х стрелковых дивизий (119, 357 и 156), усиленный частями 27-й пушечной, 17-й истребительно противотанковой бригад и 556-м миномётным полком. Корпусом командовал опытный пехотный командир — генерал-майор А. Н. Ермаков. Наступление его частей и соединений имело свою особенность: их сосредоточение происходило в условиях активного преследования отступающего противника. К исходу 4 ноября 60-й ск вышел на рубеж Перевоз (35 км юго-западнее Невель), Малые Кулиги, Большие Кулиги, Залужье, Шведы, Стайки, Чухилина, Харина. В этот день его части вступили на территорию Белорусской Советской Социалистической Республики. На правом фланге наступления продвигался 3-й стрелковый батальон 365-го стрелкового полка 119-й стрелковой дивизии. Его подразделения установили связь с партизанской бригадой им. И. В. Сталина под командованием подполковника Р. А. Охотина. Успехи были достигнуты благодаря умелому использованию тактики просачивания сквозь прорехи в немецкой обороне. Это приводило к окружению вражеских опорных пунктов с последующим их уничтожением или вынуждало противника отходить на запад. Однако было бы несправедливым говорить, что немцы бежали, бросая обозы, раненых и технику. Совсем нет. Они отходили по единому плану, короткими контратаками вынуждая советские войска разворачиваться из походного или предбоевого порядка в боевой порядок. Тем самым выигрывалось время, столь необходимое для выдвижения резервов от г. Полоцка. Ближайшими резервами оказались части боевой группы СС и полиции Курта фон Готтберга (Gottberg Curt, von), снятые с карательной экспедиции против партизан. Пока немцы спешно перебрасывали к Дретуни свои силы к ней выходили части 119-й и 357-й стрелковых дивизий. При этом 119-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора И. И. Хорун, продвигаясь правее ж. д. Невель—Дретунь решала сразу две задачи: двумя полками (421 и 365-м сп) успешно наступала по дороге Уклеенка—Межно и 634-м стрелковым полком выбивала немецкий гарнизон из железнодорожной станции Клястицы. 357-я стрелковая дивизия (командир — генерал-майор А. Г. Кудрявцев) тремя колоннами двигалась левее железной дороги. В 7.50 5 ноября шифротелеграммой № 284 до командира 119-й сд было доведено решение командира корпуса. Генерал-майор А. Н. Ермаков приказал к исходу дня выйти на рубеж Рудня, Большая Пуща, Дретунь, имея к этому времени передовые отряды в районе Конный Бор, Залядь. Примерно в это же время командир 357-й сд получил приказ корпуса к исходу дня овладеть рубежом Недружно, Большое Ситно и иметь к этому времени сильные передовые отряды на

рубеже Труды, Арлея. Таким образом, по замыслу штаба 60-го стрелкового корпуса дивизии должны были охватить станцию Дретунь с двух сторон и освободить её. Однако штаб не учёл готовности противника именно на этом участке стабилизировать фронт. Советским командованием станция рассматривалась, как один из опорных пунктов, который будет успешно взят. Но к этому времени обстановка уже изменилась. И вызвано это было, прежде всего, тем, что по исправно действующей железной дороге от Полоцка немцы стали перебрасывать живую силу, танки и артиллерию. Оставляя за собой станцию и шоссе Дретунь—Межно, проходящее по песчаной гряде, они получали тактическое преимущество сражаться в сухих траншеях, окопах и обогреваться в сухих землянках. Советские же части вынуждены были бы окапываться на болотах, где места для обогрева ещё нужно было бы найти. Ничего этого советские командиры не знали, и в 16.10 шифротелеграммой № 292 командир корпуса уточнил задачу дня 119-й стрелковой дивизии: *«Под вашу личную ответственность овладеть к исходу дня 5.11.43 ст. Дретунь и взорвать ж. д. полотно сев. вост. и ю. з. ст. Дретунь»* [3, лл. 20, 21, 25].

Однако возросшее сопротивление противника сбивало темп наступления. Только к 20.00 421-й стрелковый полк 119-й стрелковой дивизии достиг д. Рудня (4 км западнее д. Краснополье). При этом 634-й стрелковый полк двумя батальонами по-прежнему вёл бой за железнодорожную станцию Клястицы и одним батальоном за д. Жулева. У командира дивизии оставался только один 365-й стрелковый полк, который он после боёв южнее д. Краснополье и взятия дд. Слобода, Заречье и направил утром следующего дня по дороге в южном направлении на Дретунь. Несколько лучше обстояли дела в 357-й стрелковой дивизии. Её 1192-й стрелковый полк к 22.00 одной ротой овладел переправой через р. Полота в 1,5 км восточнее ст. Дретунь и двумя ротами вышел к высоте 157,5. К этому же сроку его второй батальон совершал марш из района д. Булыги в том же направлении — к станции. Действовавший левее его 1190-й стрелковый полк одним батальоном достиг д. Недружное, а основными силами вёл бой за д. Труды. Примерно в это же время 1188-й стрелковый полк овладел д. Большое Ситно и продолжил движение в сторону д. Недружное, закрепившись вторым батальоном в д. Арлея.

Одним из первых с усилением сопротивления противника столкнулся 365-й стрелковый полк. Двигаясь в походном порядке двумя батальонами, в 13.00 6 ноября он попал под неожиданную контратаку немцев, которые от озёр Ведето и Лубочино бросили в бой до батальона пехоты при поддержке танков и самоходных орудий. Отбиваясь, полк стал отходить назад.

Противник усилил нажим, введя дополнительные силы. Всего с его стороны наступало до 1,5 батальонов пехоты под прикрытием 5 танков и неустановленного количества бронемашин. Положение спас командир 3-го артиллерийского дивизиона 349-го артполка капитан Н. Г. Минаев, выдвинувший три орудия на прямую наводку. Фактически героические действия артиллеристов спасли советских стрелков от разгрома. Среди отличившихся в бою назван расчёт 3-го орудия 7-й батареи старшего сержанта Б. Я. Толмачёва. В 14.00 он уничтожил танк, бронемашину и свыше 60 гитлеровцев. Еще один танк подбил расчёт 2-й батареи старшего сержанта В. И. Отрепова. Командир штабной батареи лейтенант П. А. Вершинин лично убил 5 вражеских солдат, красноармеец топослужбы полка рядовой С. К. Зайдулин — 2, начальник связи дивизиона младший воентехник В. Д. Акулов — 9 гитлеровцев. Из-за отсутствия тягачей и больших потерь среди артиллеристов 3 орудия не сумели вывезти, и они остались на огневых позициях. К вечеру ситуация была стабилизирована и немцы отошли на исходный рубеж, а затем и к Дретуни. Свою задачу они выполнили: сбили темп советского наступления по дороге со станции до Слободы и отошли на заранее подготовленные позиции. В качестве трофея им досталось орудие 349-го артиллерийского полка [4, лл. 29, 30], [5, лл. 270].

На подступах к Дретуни удачнее продолжала действовать 357-я стрелковая дивизия. Выполняя приказ командира о взятии юго-восточной части станции вплоть до железнодорожной линии, два её стрелковых батальона наступали на станцию и деревню, обходя их с северо-востока и юга. При этом командир дивизии прикрыл двумя ротами 1190-го стрелкового полка правый фланг дивизии в районе разъезда Алёща, куда вскоре подошёл передовой отряд 634-го стрелкового полка 119-й стрелковой дивизии.

Таким образом, к исходу 6.11 1943 г. советские части двух стрелковых дивизий вышли к Дретуни и попытались взять её с хода. Вдоль ж. д. Алёща — Дретунь атаковал 634-й стрелковый полк, с востока и юга 1190 и 1192-й стрелковые полки 357-й стрелковой дивизии. Противник встретил наступающих бойцов организованным огнём из опорных пунктов, расположенных на восточной окраине станции, на дороге западнее моста через р. Полота и в районе авиагородка, что юго-западнее оз. Дретунь. И атака захлебнулась. Особенно мешал огонь немецкого станкового пулемёта на станционной водонапорной башне. Не имея продвижения вперёд, советские подразделения стали окапываться. За ночь была проведена перегруппировка сил, подвезены боеприпасы, и подтянута полковая и часть дивизионной артиллерии. День 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции прошёл в попытках частей двух советских дивизий взять Дретунь.

К 14.30 командир 119-й сд генерал-майор И. И. Хорун и вновь назначенный начальник штаба дивизии полковник А. С. Пыпырев прибыли для личного руководства боем с командного пункта 634-го стрелкового полка. В это же время 365-й стрелковый полк предпринял обход немецких позиций с запада через лес восточнее д. Большая Пуща. В ходе атаки 1192-й стрелковый полк 357-й стрелковой дивизии одним батальоном овладел восточной частью станции, непрерывно отражая атаки противника, которые тот предпринял пехотой при поддержке 5 танков. По документам убитых немцев выяснилось, что перед дивизиями сражается 13-й полицейский полк СС численностью до 500 человек. Это примерно соответствовало численности советских частей, пытавшихся выполнить поставленную боевую задачу. При этом противник получал преимущество в подвозе всего необходимого по железной дороге из Полоцка. В то время как 60-й стрелковый корпус был вынужден доставлять грузы из Невеля по просёлочным дорогам при сильном дефиците ГСМ. Сломить немецкую оборону можно было бы за счёт массирования артиллерии, но приданные 27-я пушечная и 17-я противотанковая артиллерийские бригады были переброшены на другое направление [6, л. 10]. В результате вся тяжесть боёв легла на пехоту, которая и несла основные потери. Только 8 ноября 119-я стрелковая дивизия потеряла 77 человек убитыми и 354 человек ранеными, а 9 ноября в 1192-м стрелковом полку 357-й сд в боях за Дретунь было убито 4 офицеров, 16 сержантов и солдат, ранено 15 офицеров, 209 солдат и сержантов [7, лл. 34—48]. К исходу 9 ноября 421-й сп занимал Булынино, Межно, Прудок и Рюм, 365-й сп вёл бой за д. Большая Пуща, а 634-й сп во взаимодействии с двумя батальонами 357-й сд — за ст. Дретунь. При этом в качестве трофеев были захвачены зенитная пушка, 14 станковых пулемётов, большое количество винтовок и автоматов. По оценкам советского командования противник за день потерял до 500 человек убитыми и ранеными. Однако сил взять опорный узел Дретунь явно не хватало. С целью усиления 119-й сд в её состав на дретуньское направление командующий армией приказал вернуть 421-й сп, заменив его частями 101-й стрелковой бригады. В свою очередь немецкое командование стремилось сбить наступательный порыв советских войск. С этой целью оно подтянуло в район Дретуни дополнительные резервы. Уже 10 ноября перед 119-й сд действовали части 501-го пехотного полка 290-й пехотной дивизии и 13-го полицейского полка СС, а против 357-й сд — 601-й пехотный полк 201-й охранной дивизии, батальон 719-го учебного полка 391-й резервной дивизии и подразделения всё того же 13-го полицейского полка СС. Их активно поддерживала с воздуха бомбардировочная авиация. Против вражеских самолётов наши стрелки активно использовали

штатное оружие. Так, 10 ноября расчет противотанкового ружья в составе сержанта Д. И. Мезенцева и второго номера расчёта сержанта Н. В. Кулагина сбил бомбардировщик Юнкерс-88 (бортовой номер № 30245), который упал и сгорел вместе с 4 членами экипажа. На следующий день огнём станкового пулемёта в районе д. Козлово был сбит ближний разведчик Хеншель-126.

Не имея перевеса в живой силе и огневых средствах для атаки в лоб, командир 60-го ск решил окружить немцев и в дальнейшем уничтожить их, или вынудить оставить Дретунь под угрозой окружения. Однако генерал-майор А. Н. Ермаков прекрасно осознавал, насколько это трудно будет выполнить из-за значительных потерь в личном составе и нехватки боеприпасов. 11 ноября он доложил в армию: *«В течение двенадцатидневных боев боевые части корпуса понесли значительные потери, так в 119 с. д. осталось в ротах всего 540 чел. в 357 с. д. — 705 чел., а 1192 сп имеет всего 92 чел.»*. На этом донесении командующий армией наложил резолюцию: *«В 119 с. д. полки сделать двухбатальонного состава, в 357 с.д. — 6-ны сделать двухротного состава»* [8, л. 32]. Но приказа на остановку наступления не последовало. И 12.11 1943 г. атаки 119-й и одного полка 357-й стрелковых дивизий на Дретунь продолжились. В этот день 1-й стрелковый батальон 634-го стрелкового полка занимал рубеж в 300 м севернее станции Дретунь, его 2-й стрелковый батальон находился в 400 м восточнее станции и 3-й стрелковый батальон оседлал развилку дорог в 400 м юго-восточнее станции. Рота автоматчиков попыталась выйти в тыл противника северо-западнее станции, но залегла под сильным ружейно-пулемётным огнём. Пока шла атака станцию, 365-й стрелковый полк продолжил совершать обходной манёвр. Но, не дойдя до ж. д. линии 200 м, был остановлен сильным огнём немецкой пехоты. В 16.00 противник силой до батальона пехоты при поддержке 5 танков и огня бронепоезда атаковал боевые порядки полка. Но был отбит. В это время 421-й стрелковый полк прикрывал коммуникации 365-й сп, выдвинув в его направлении два стрелковых батальона. Атаку на станцию ночью продолжил 1192-й сп (92 чел.) 357-й сд. В 24.00 после артподготовки он достиг проволочного заграждения, но был остановлен пулемётным огнём с флангов. На следующий день командир полка усиленным отрядом в 33 человека попытался обойти Дретунь с юга. И это ему удалось. Отряд вышел в район 500 м юго-восточнее оз. Дретунь, имея перед собой задачу фланговым ударом совместно с 634-м полком уничтожить дретуньскую группировку. Однако атака не удалась, и отряд, потеряв 6 человек убитыми и 12 ранеными, отошёл в исходное положение. На этом активные действия по взятию станции и посёлка прекратились. Противник свои основные действия перенёс против 365 и 421-го полков 119-й стрелковой дивизии. Применяя танки,

артиллерию, авиацию и многочисленную пехоту, противник вынудил 365-й сп в условиях полуокружения оставить д.д. Октябрь, Ягодный Бор и Конный Бор. При этом в качестве трофеев противнику достались 45-мм пушек — 10, 76-мм орудий полковой артиллерии — 3, противотанковых ружей — 5 и станковых пулемётов — 2 [7, л. 68]. 17.11 1943 г. противник усилил натиск на 421-й стрелковый полк со стороны д. Большая Пуща. В течение дня полк отбил 14 атак вражеской пехоты, действия которой поддерживали танки и бронепоезд. В этом бою противник впервые применил шестиствольные реактивные миномёты. О сложной обстановке говорит тот факт, что схватка шла на командном пункте полка. Именно этот факт послужил основанием для награждения его командира майора И. Ф. Мараховского орденом Красного Знамени. К исходу дня противник окончательно закрепил за собой д. Большая Пуща. С целью удержания участка шоссе Дрисса—ст. Дретунь и укрепления обороны района 421-го сп командир дивизии решил 365-й сп вывести в район д. Малая Пуща, где занять оборону фронтом на юг. С 10 по 19 ноября 119-я стрелковая дивизия потеряла убитыми: офицеров — 21, сержантов — 33, рядовых — 123; ранеными: офицеров — 37, сержантов — 93, рядовых — 36. А всего с 29 октября по 19 ноября потери составили убитыми: офицеров — 46, сержантов — 129, рядовых — 457; ранеными: офицеров — 144, сержантов — 372, рядовых — 1 506. За этот же период перед 119-й сд противник потерял убитыми и ранеными 1 670 солдат и офицеров, 3 бронемашину, 1 танк и 1 самолёт [7, л. 76].

На этом первый этап боёв за Дретунь закончился. 60-й стрелковый корпус поставленную перед ним задачу не выполнил. Маневренные бои прекратились, и противники перешли к позиционной борьбе. В этот период с обеих сторон совершенствовалось инженерное оборудование позиций, организовывалась и проводилась боевая подготовка, вынашивались планы по улучшению тактического положения. Особое внимание уделялось проведению всех видов разведки. Так, 19 февраля немецкое командование провело две силовые разведки против 357 и 119-й стрелковых дивизий. Во внеочередном донесении № 6/435 от 20.12.43 г. командир 357-й сд доложил, что в 8.00 личный состав продолжил работы по отрывке траншей, окопов и землянок. В 8.55 противник открыл сильный артиллерийский и миномётный огонь по 2-му батальону 1190-го стрелкового полка и по 2-му стрелковому батальону 1192-го стрелкового полка. В 9.40 вражеская пехота атаковала наши части. На момент атаки во 2-м сб 1190-го сп в составе двух стрелковых рот, пулемётной роты и взвода противотанковых ружей насчитывалось 143 человека. Их поддерживали 9 пушек, 3 гаубицы и 4 миномёта. В атаке на советских бойцов участвовало до батальона пехоты, 2 танка, 3 бронемашин-

ны, 5 артбатарей, 1 минбатарей, метательный реактивный аппарат и 20-мм автоматическая пушка. 2-й сб 1192-го имел примерно такой же состав: две стрелковых роты, взвод ПТР и пульрота. Всего 156 человек при поддержке 4-х миномётов, 12 пушек и 4-х гаубиц. На этот батальон противник бросил 5 рот пехоты, 2 танка, бронемашину, 4 артбатареи, миномётную батарею и метательный реактивный аппарат. В ходе боя с 9.00 до 17.00 советская артиллерия выпустила 430 снарядов и мин. За это же время немцы израсходовали до 2500 снарядов и мин. В ходе боя в 9.50 противник сделал попытку окружить батальоны. В то же время его автоматчики устремились по большаку при поддержке 2-х самоходных орудий и 3-х бронемашин. Командиры 1190 и 1192-го стрелковых полков для стабилизации положения ввели в бой свои частные резервы. Командир 1190-го сп — штрафную роту и разведвзвод, а командир 1192-го сп — стрелковую роту. Однако оба командира поставленных целей не достигли. Зато в 16.30 немцы ротой пехоты с двумя самоходками и тремя броневиками заняли ключевую высоту, окружив оба батальона. Потеряв управление, т.к. комбаты были ранены, а командиры рот убиты или ранены, отдельные группы бойцов стали самостоятельно выходить из окружения. Дальнейшее продвижение немцев остановил резерв командира дивизии. В 17.30 бой затих. На фронте соседней 119-й сд в 15.00 после сильного огневого налёта, противник силой до роты в количестве 80 человек при поддержке артиллерии и миномётов, со стороны д. Ягодный Бор атаковал боевое охранение 365-го стрелкового полка. Однако в данном случае противнику не повезло. Атака была отбита с большими для него потерями. В ходе боя был захвачен раненый командир немецкой роты — лейтенант, который показал, что 13 и 24-й полицейские полки СС по-прежнему стоят перед нашим фронтом, а 2-й полицейский полк СС выведен в д. Бобовики, где составил армейский резерв. Полком командует майор Диптц. Кроме того, он дополнил свою информацию рассказом о дислокации в районе Конный Бор, Ягодный Бор и Октябрь трёх батальонов СС [7, лл. 178, 185].

К концу 1943 г. линия фронта окончательно приобрела черты, описанные тем же отделением оперативного отдела штаба 4-й Ударной армии (УА) по использованию опыта войны: «<...> Участок обороны противника на данном участке составляли три опорных пункта (Большая Пуца, Дретунь, Измоки), связанные двумя линиями сплошных траншей, за которыми была расположена большая часть артиллерии, обеспечивающая заранее подготовленным массированным огнем подступы к оборонительной позиции. <...> Минометные батареи батальонного типа размещались в боевых порядках пехоты, полковые между первой и второй линией траншей. <...> Центральная часть траншеи, окаймляющая ст. Дретунь и прилегающий городок, <...> имеет

более плотные боевые порядки и наибольшее огневое насыщение. В траншее оборудовано большое количество открытых площадок для пулеметов на расстоянии 150—200 мтр. одна от другой, снайперов, автоматчиков, ракетчиков и НП с легким перекрытием для унтер-офицерского состава. На отдельных участках (преимущественно на лесных) построены ДЗОТы <...> [1, л. 50].

В условиях активного позиционного противостояния и советское, и немецкое командования рассматривали возможность нанесения противной стороне поражения, способного изменить тактическую обстановку. К 26 февраля 1944 г. штаб корпуса разработал «План проведения частной корпусной операции по разгрому и уничтожению дретуньской группировки противника». В основу была положена идея прорыва оборонительной полосы противника на двух участках: а) отм. 151,5, Большая Пуща и б) Волеватка, Судино. Затем концентрическими ударами в южном и северо-западном направлениях предполагалось окружить и уничтожить немцев с последующим выходом на рубеж озера Страдань, деревень Панурицы, Жадунок, Почта. Удары на обоих участках рассматривались основными ударами, и для их исполнения намечалось привлечь по два стрелковых полка на каждом. В это же время один стрелковый полк наносил бы вспомогательный удар на фронте станция Дретунь, Измоки. «Ближайшая задача — выход группировок главного удара в район ПАНУРИЦЫ, КАЗИМИРОВО, БОБОВИКИ. В дальнейшем, прикрывшись силами одного сп на участке УЗНИЦА, ПОЧТА, БОРОВАТКА, основными силами /четыре сп/ уничтожить Дретуньскую группировку в районе БОЛ. ПУЩА, ДРЕТУНЬ, ИЗМОКИ, КАЛИНКИ. Продолжительность операции 2—3 дня» [9, лл. 23, 24]. Для реализации плана генерал-лейтенант А. Н. Ермаков собирался привлечь 357-ю и 332-ю стрелковые дивизии. Последняя из перечисленных дивизий под командованием генерал-майора Т. Ф. Егошина к этому времени приняла оборонительные порядки 119-й стрелковой дивизии. Таким образом, советское командование собиралось перейти от позиционной борьбы к прорыву на ограниченном участке фронта. На этом закончился второй этап борьбы за Дретунь и начался третий этап.

Предшествовала ли его началу утечка информации о советских планах или немецкое командование, исходя из общей обстановки перед группой армии Север, было вынуждено корректировать свою оборону, но начало марта связано с организованным отходом немецких частей к д. Казимирово на линию Калиновка, Жадунок, Мачулище, Бороватка, Девички. О противоречивых данных разведки фронта в целом и 4-й ударной армии в частности говорит тот факт, что 1-го марта в 15.18 корпус получил шифровку № 814 о том, что «<...> в ближайшие дни части пр-ка должны начать отход западном и юго-западном направлении. Не исключена возможность, что пр-к уже начал

отвод тыловых и основных сил» [10, л. 260]. На основании этой информации корпусу ставилась задача усилить разведку противника и вскрыть факт его отхода. Однако 3 марта в 1.35 корпус принял шифровку № 836 несколько другого плана: «<...> В течение 25, 26 и 27.2.44 г. в Полоцк пр-к подвёз до 900 вагонов и платформ. В связи с этим не исключена возможность, что пр-к в ближайшие дни может перейти в наступление на фронте 60 ск <...>» [10, л. 451]. Уже в связи с этой информацией корпус, усилив войсковую разведку, должен был подготовиться к отражению немецкого наступления.

На самом деле немецкое командование начало плановый отход на отсечный рубеж обороны в районе д. Казимирово. Этим самым оно преследовало две основные цели: первая — оставить оборонительный рубеж, не представлявший на тот момент никакого оперативного и тактического интереса. И сделать это до наступления весенней распутицы. И вторая — заменить отходящие части 32-й пехотной дивизии из района Дретуни на прибывшую в г. Полоцк 87-ю пехотную дивизию. Была ещё и третья цель, направленная на снижение активности советских войск. Она заключалась в том, чтобы вынудить части Красной армии начать строить новую линию обороны среди болот, что исключило бы наступление 60-го ск. Для успешного выполнения задуманного отходящим частям немцев необходимо было не дать опрокинуть их с отсечного рубежа. Оценивая советские войска в этом районе, командир немецкой 87-й пехотной дивизии генерал-майор барон М. Штрахвиц (Strachwitz Mauritz, freiherr von) подписал приказ № 403/44 от 3.03.1944 г. В нём говорилось: *«Действия пр-ка и результаты разведки <...>, а также смена боеспособной 119 стрелковой дивизии перед выступом в Дретуни сильно потрепанной 332 пех. дивизией свидетельствуют о переходе пр-ка к обороне <...>. В результате снятия 32 пех. дивизии и ликвидации, таким образом, выступа Дретунь передний край оборонительной полосы будет проходить по отсечному рубежу Казимиров» [11, л. 261].*

Исходя из этого приказа, ночью и ранним утром 3 марта 87-я дивизия начала занимать свой район обороны, пропуская через себя отходящие части 32-й пехотной дивизии и полицейские части СС. Значительное оживление в обороне противника, передвижение значительных групп его пехоты, взрывы построек на станции Дретунь, поджог авиагородка и взрыв в его районе водонапорной башни не остались незамеченными наблюдателями 332 и 357-й дивизий. Высланные в 12.00 от 332-й сд разведгруппы в 13.00 достигли станции и футбольного поля юго-западнее Дретуни. После получения от них докладов командир дивизии выдвинул вперёд стрелковые части. К 17.00 её 4 и 7-я стрелковые роты заняли станцию. Противника нигде не было видно. Дретунь вновь стала советской.

Таким образом, борьба за станцию и деревню Дретунь в 1943–1944 гг. носила многоплановый характер, со стремительным наступлением советских войск, переходом к длительной позиционной борьбе в сложной болотисто-лесистой местности, попытками обеих сторон улучшить свое тактическое положение и внимательное отслеживание действий противной стороны. К этому следует добавить, что первыми 4 ноября 1943 г. на территорию Полоцкого района вступили части 357-й стрелковой дивизии.

Список литературы и источников

1. Центральный Архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО).— Ф. 949, оп. 1, д. 49.
2. ЦАМО.— Ф. 235, оп. 2074, д. 23.
3. ЦАМО.— Ф. 949, оп. 1, д. 466.
4. ЦАМО.— Ф. 1327, оп. 1, д. 8.
5. ЦАМО.— Ф. 11313, оп. 1, д. 8.
6. ЦАМО.— Ф. 949, оп. 1, д. 500.
7. ЦАМО.— Ф. 949, оп. 1, д. 47.
8. ЦАМО.— Ф. 325, оп. 4570, д. 137.
9. ЦАМО.— Ф. 949, оп. 1, д. 64.
10. ЦАМО.— Ф. 949, оп. 1, д. 469.
11. ЦАМО.— Ф. 500, оп. 12480, д. 67

УДК 902/904"20"(476)=161.3

УНІКАЛЬНАЯ ЛІЦЕЙНАЯ ФОРМА XVII СТ. СА ЗБОРАЎ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ПОЛАЦКАГА ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА

Магалінскі Ігар Уладзіміравіч

кандыдат гістарычных навук, дацэнт,

старшы навуковы супрацоўнік навукова-рэстаўрацыйнага аддзела НППКМЗ

Прадстаўлены вынікі даследавання ўнікальнай ліцейнай формы XVII ст. з музейнага збору Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка. Аўтар прыходзіць да высновы, што знаходка з'яўляецца ўказаннем на выкарыстанне мясцовымі рамеснікамі дастаткова складанай тэхналогіі ліцця па выплаўляемых формах, што з'яўляецца сведчаннем пераемнасці тэхналагічных традыцый з каляровай металаапрацоўкай папярэдніх перыядаў, а таксама пацвярджае агульны высокі ўзровень полацкага ювелірнага рамяства XVII ст.

Ключавыя словы: археалогія Беларусі, ювелірнае рамяство, тэхналогіі старажытных рамястваў.

Для цытавання: Магалінскі, І. У. Унікальная ліцейная форма XVII ст. са збораў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка / І. У. Магалінскі // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысон, 2020.— С. 150—155.

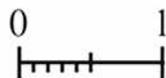
Ліцейныя формы і тыглі з'яўляюцца важнейшым індыкатарам існавання на пэўнай тэрыторыі вытворчай дзейнасці па апрацоўцы каляровых металаў у старажытнасці. У Полацку гэтыя маркеры ювелірнай вытворчасці сустракаюцца падчас археалагічных прац у розных частках гораду. Як правіла, большасць артэфактаў не звязаныя з канкрэтным комплексам пабудоў, якія магчыма вызначыць у якасці вытворчых ювелірных комплексаў. Між тым, падобныя знаходкі з'яўляюцца непасрэдным указаннем на шырокае развіццё на тэрыторыі горада апрацоўкі каляровых металаў [1, с. 116].

У Полацку за час яго археалагічнага вывучэння знойдзена не менш 30 ліцейных форм, зробленых з каменю, гліны, рога і металу [2, с. 184]. Вытворчасць падобнага кшталту прыстасаванняў вымагала ад рамесніка ведання не толькі матэрыялу, з якога форма выраблялася, аднак і фізічных ўласцівасцяў металічнай сыравіны і яе паводзін пад уздзеяннем высокіх тэмператур [3, с. 67]. Менавіта гэтая акалічнасць дазваляе разглядаць лі-

цейныя формы ў якасці важнейшай крыніцы, якая адлюстроўвае ўзровень развіцця ювелірнай вытворчасці на пэўнай тэрыторыі ў старажытнасці.

У 2019 годзе, падчас разбору археалагічных матэрыялаў навукова-дапаможнага фонду НППКМЗ была выяўлена ліцейная форма, якая не мае аналагаў сярод полацкіх старажытнасцей.

Выраб фрагментаваны, мае памеры 4,3×4,2×0,5 см, зроблены з добравымучанай белай гліны (мал. 1). Прадмет утрымлівае выяву адваротнага боку крыжа-цельніка з часткай малітвы «Да воскреснет Бог ...», якая можа чытацца наступным чынам — 1[Да] 2вос3крé/с/нет Бог 4і ра(сточáтс я вра)5зі (Его) ці 1[Да] 2вос3крé/с/нет Бог 4(в)ра5зі (Его)* (мал. 2); а таксама фрагмент яшчэ адной адліўкі, магчыма спражкі. Акрамя таго, на вырабе фіксуюцца фрагменты двух штыфтоў для мацавання верхняй створкі. Такім чынам, форму магчыма аднесці да тыпу раздымных, дзвюхстворкавых, закрытых, з рабочай паверхняй у дзвюх створках, літнік не захваўся.

Мал. 1. Ліцейная форма XVII ст.

* Аўтар выказвае шчырую падзяку І. Л. Калечыц за дапамогу ў расшыфроўцы надпісу.

→ ↑
БОС
КРЕ'НЕТ БОГ
ІРА
311

Мал. 2. Прамалёўка надпісу на форме
(выканана І. Л. Калечыц)

Прадмет дэпашпартызаваны, што ўскладняе дакладную прывязку яго да канкрэтнага раскопу. Аднак, падчас вывучэння археалагічнага справаздачнага матэрыялу было ўстаноўлена, што артэфакт паходзіць з калекцыі археалагічных знаходак, выяўленых падчас даследаванняў 1987 г. на тэрыторыі Вялікага пасада (раскопкі С. В. Тарасава). Прадмет знойдзены ў межах 7 пласта кв. 64 на глыбіні 1,3 м. Квадрат 64 размяшчаўся ў паўднёва-ўсходнім вуглу раскопа, недалёка ад катлавана дома, які разбурыў частку культурнага пласта на месцы раскопу [4, с. 39]. Да гэтай

яго часткі блізка размяшчаўся раскоп 2005 г., які даследаваў Д. У. Дук [5]. Менавіта падчас гэтых работ быў выяўлены вытворчы ювелірны комплекс пачатку XVII ст. да якога, на нашу думку, і трэба адносіць знаходку.

Полацкая форма прызначалася для адліўкі прамалінейнага, са злёжку пашыранымі канцамі крыжа, з дугамі ў сяродкрыжжы. На тэрыторыі Полацка вядомыя дзве знаходкі крыжоў дадзенага варыянту датаваныя XVII ст. [6, с. 263]. На карысць гэтай даціроўкі гавораць і палеаграфічныя адметнасці надпісу на форме, якія найбольш характэрныя для XVII ст. [7; 8].

Найбольш верагодна, што дадзенае прыстасаванне ювеліра не выкарыстоўвалася для заліўкі металу і атрымання гатовых вырабаў, а прызначалася для адліўкі васковай мадэлі крыжа. Акрамя таго, характар выявы дазваляе казаць, што яна была сфармаваная не ў выніку адбітка, а разцом, сляды якога выразна вылучаюцца.

Полацкая форма прызначалася для адліўкі крыжа «галгофскага» тыпу, які аб'ядноўвае крыжы з галгофскай тэматыкай — вырабы з невялікім рэльефам і выявай на правым баку тыповага сямі-васьмі канечнага крыжа на падножжы (Галгофа). У іканаграфіі такіх крыжоў могуць прысутнічаць такія элементы як чэрап Адама ўнутры гары, прылады пакут па баках ад крыжа і тыповы набор надпісаў. Арнаментация адваротнага боку можа адсутнічаць, а можа ўтрымліваць малітву [9, с. 37].

Крыжы «галгофскага» тыпу з'яўляюцца на мяжы XIV—XV стст., аднак найбольшую папулярнасць атрымліваюць у XVI—XVII стст. [9, с. 37; 10, с. 326].

Менавіта XVI ст. даследчыкі лічаць пераломным этапам у гісторыі металапластыкі, часам узнікнення новых форм і мастацкіх матываў [10, с. 327].

Трэба адзначыць, што на тэрыторыі Беларусі нам не вядомыя знаходкі ліцейных форм не толькі для адліўкі прадметаў хрысціянскага культу, аднак і ўвогуле ювелірных вырабаў, датаваныя XVII ст. Акрамя таго, падобныя прыстасаванні ліцейшчыкаў надзвычай рэдкія і на сумежных тэрыторыях.

Так, каменная ліцейная форма для адліўкі крыжоў XVII ст. сустрэта падчас даследаванняў на тэрыторыі Новага Торга ў Пскове [11, с. 28, рис. 4: 2; 12, с. 139]. Падчас вывучэння «квартала ювеліраў» на былым Зацьмацкім пасадзе Цвяры таксама знойдзены шматлікія сведчанні выкарыстання ліцейнай тэхнікі для вытворчасці прадметаў хрысціянскага культу другой паловы XVI — першай паловы XVII ст. Сярод знаходак адсутнічаюць ліцейныя формы, аднак зафіксавана сыравіна для іх вытворчасці, а таксама шматлікія знаходкі крыжоў-цельнікаў «галгофскага» тыпу (звыш 180 экз.), бракаваныя вырабы і інш. [13, с. 156; 14, с. 275].

Такім чынам, полацкая ліцейная форма з’яўляецца ўнікальнай знаходкай, якая дазваляе па-іншаму зірнуць на гісторыю ювелірнай вытворчасці Полацка XVII ст. Да гэтага часу лічылася, што ювелірная майстэрня, адкрытая ў 2005 г. на тэрыторыі Вялікага пасада, адлюстроўвала эвалюцыю масавай ювелірнай вытворчасці, якая ішла па шляху глыбокай спецыялізацыі і спрашчэння тэхналогіі, абмежаванай шэрагам найбольш простых аперацый (коўка, валачэнне і інш.) [1, с. 120]. У той жа час, знаходка формы з’яўляецца ўказаннем на выкарыстанне мясцовымі рамеснікамі дастаткова складанай тэхналогіі ліцця па выплаўляемых формах, што ўказвае на наяўнасць пераемнасці ў тэхналагічных традыцыях з полацкай ювелірнай вытворчасцю папярэдніх часоў, а таксама з’яўляецца, пакуль ускосным, пацвярджэннем таго, што тэхналагічны арсенал рамеснікаў XVII ст. у цэлым адпавядаў набору рамесных прыёмаў сярэднявечных майстроў.

Знаходка мае вялікае значэнне і ў сувязі з тым, што звычайна падчас даследаванняў ювелірных майстэрняў і вытворчых ювелірных комплексаў даследчыкам не атрымліваецца зафіксаваць сляды разбураемых ліцейных форм, што, як правіла, прыводзіла да высноў адносна абмежаванага выкарыстання рамеснікамі гэтай ліцейнай тэхналогіі.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Магалінскі, І. У. Вытворчыя ювелірныя комплексы старажытнага Полацка (X—XVII стст.) / І. У. Магалінскі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі.— Мінск, 2011.— Вып. 21: Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка).— С. 115—121.

2. Магалінскі, І. У. Ліцейныя формы і тыглі для плаўкі каляровых металаў з тэрыторыі Полацка X—XVII стст. / І. У. Магалінскі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі.— Мінск, 2011.— Вып. 21: Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка).— С. 184—193.
3. Еніосова, Н. В. Литейные формы Гнёздова / Н. В. Еніосова // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина).— М., 1998.— С. 67—81.
4. Тарасов, С. В. Отчёт о раскопках в Полоцке и Полоцкой округе в 1987 г. / С. В. Тарасов // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі» НАН Беларусі.— № 1014.
5. Дук, Д. У. Выратавальныя археалагічныя раскопкі на тэрыторыі Вялікага пасада Полацка ў 2005 годзе / Д. У. Дук // Веснік «ПДУ». Серыя А. Гуманітарныя навукі.— 2007.— № 1.— С. 5—23.
6. Магалінскі, І. У. Металічныя крыжы-цельнікі канца X—XVIII ст. з тэрыторыі Полацка (класіфікацыя, храналогія і тэхналогія вытворчасці) / І. У. Магалінскі // Полацкі музейны штогоднік: (зборнік навуковых артыкулаў за 2011 г.) / Уклад. Т. А. Джумантаева, А. У. Шумовіч.— Полацк, 2012.— С. 252—265.
7. Иванова, О. А. Палеографическое датирование псковских нательных крестов с изображением Голгофы / О. А. Иванова, Ю. В. Колпакова // Вестник Псковского государственного университета.— 2017.— № 5.— С. 23—29.
8. Костючук, Л. Я. Надписи на Псковских нательных крестах (итоги работ по расшифровке) / Л. Я. Костючук, Ю. В. Колпакова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 57-го заседания. Вып. 31.— М, Псков: ИА РАН, 2011.— С. 48—61.
9. Колпакова, Ю. В. Хронология псковских нательных крестов с изображением Голгофы / Ю. В. Колпакова, Л. Я. Костючук // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 62-го заседания. Вып. 32.— М.; Псков: ИА РАН, 2017.— С. 36—56.
10. Винокурова, Э. П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. / Э. П. Винокурова // Культура средневековой Москвы: XVII в.— М: ИА РАН, 1999.— С. 326—360.
11. Подгорная, Р. Г. Исследования Нового Торга в Пскове в 2011 году / Р. Г. Подгорная, Е. В. Салмина // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 58-го заседания.— М, Псков: ИА РАН, 2013.— С. 23—38.
12. Колпакова, Ю. В. Ставрографические материалы с территории Нового Торга в Пскове / Ю. В. Колпакова, Л. Я. Костючук // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 61-го заседания. Вып. 31.— М: ИА РАН, 2016.— С. 135—143.
13. Персов, Н. Е. Археологические свидетельства обработки цветных и драгоценных металлов на тверском Затьмачье в эпоху средневековья /

- Н. Е. Персов, Т. Г. Сарачева, В. В. Солдатенкова // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара.— М: ИА РАН, 2011.— Вып. 7.— С. 155—167.
14. Персов, Н. Е. Средневековые ювелирные комплексы бывшего Затьмацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 2001—2006 гг.) / Н. Е. Персов, Т. Г. Сарачева, В. В. Солдатенкова // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара.— М: ИА РАН, 2009.— Вып. 5.— С. 268—280.

УДК 341.321.54(091)(476.5-21)"1941/1966"

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДПОЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «АСЯ» В ГОДЫ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ В Г. ПОЛОЦКЕ

Нарейко Константин Александрович

ведущий научный сотрудник Музея боевой славы — филиала НПИКМЗ

В статье рассматривается деятельность партийно-комсомольского и патриотического подполья в г. Полоцке в 1941—1943 гг., в частности знаменитой подпольно-патриотической группы «АСЯ». На основании архивных документов и воспоминаний участников группы даётся анализ боевой и диверсионной работы группы, а также приводится ряд выводов и уточнений, связанных с организацией и деятельностью группы в г. Полоцке в годы нацистской оккупации.

Автором анализируется версия некоторых представителей партизанского движения Полотчины, а также участников полоцкого подполья о фальсификации информации деятельности группы «АСЯ».

Ключевые слова: *подпольно-патриотическая группа, нацистская оккупация, полоцкое подполье, группа «АСЯ», 3-я Белорусская партизанская бригада.*

Для цитирования: *Нарейко, К. А. Деятельность подпольно-патриотической группы «АСЯ» в годы нацистской оккупации в г. Полоцке / К. А. Нарейко // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысонт, 2020.— С. 155—167.*

Значительное место в постоянной экспозиции Музея боевой славы занимают материалы, связанные с деятельностью организованного партийно-комсомольского и патриотического подполья в г. Полоцке в суровые годы нацистской оккупации. Экспозиция, созданная в 1981—1985 гг. даёт

представление о деятельности подпольно-патриотической группы под руководством политрука П. Ф. Самородкова, группы капитана пограничных войск С. В. Сухавея, деятельности Л. П. Костецкой, Т. С. Мариненко и других.

К сожалению, или по объективным причинам, полностью отсутствует экспозиция, которая рассказывает о деятельности полоцкого подполья в конце 1942—1943 гг., в частности знаменитой подпольно-патриотической группы «АСЯ».

Долгое время тема полоцкого подполья оставалась закрытой для исследователей. Да и сейчас по данной проблематике существует огромное количество «белых» пятен. Крайне мало мы знаем и о деятельности подпольно-патриотической группы «АСЯ». Более того, в послевоенное время, какая-либо деятельность участников группы была поставлена под сомнение видными представителями партизанского движения Полотчины.

В настоящее время, появилась возможность более детально изучить данную проблему с помощью архивных документов. Национальный архив Республики Беларусь располагает достаточным количеством документов о деятельности этой группы.

Началом всестороннего исследования полоцкого подполья были 60-е годы минувшего столетия. Так, на основании многочисленных документов, воспоминаний бывших партизан и подпольщиков, в том числе и бывших участников подпольной группы «АСЯ», постановлением Полоцкого горкома от 17 мая 1962 г. ее деятельность была признана и устанавливалось, что подпольно-патриотическая группа действительно действовала в оккупированном нацистами городе с октября 1941 г. по июнь 1943 г. Свою работу группа проводила под управлением Полоцкого подпольного райкома партии и 3-й Белорусской партизанской бригады. Руководителем группы являлся заведующий городской столовой Сергей Яковлевич Артемьев. В группу входило 37 человек [1, с.12].

Согласно официальной биографии С. Я. Артемьева, родился он в г. Полоцке в 1907 г. Выходец из семьи рабочего-каменщика. Трудовую деятельность начал с 1922 года, по специальности механик двигателей внутреннего сгорания. До войны работал механиком склада НКО Западного округа № 204. В начале Великой Отечественной войны находился в составе Красной армии, попал в окружение, пробиться через линию фронта ему не удалось. С 13 июля по 22 сентября 1941 г. жил в деревне. Затем перебрался в Полоцк, где устроился водовозом, а затем заведующим городской столовой. Участник полоцкого подполья с ноября 1941 г. [1, с.18].

Как следует из служебной характеристики от 23.11 1944 г. на С. Я. Артемьева, подписанной бывшим командным составом 3-й

Белорусской партизанской бригады — В. В. Жигановым, Н. А. Новиковым, Т. К. Раевским: *«Тов. Артемьев много работал по распространению советской литературы и созданию нелегального партизанского отряда, какой был создан и утвержден бригадой Марченко. С июня по октябрь 1942 г. Артемьев работал командиром нелегального партизанского отряда. В виду преследования и арестов Артемьев 21 октября бежал в бригаду, где работал по 10 января 1943 г. зав. продбазой бригады»* [1, с.19].

Согласно воспоминаниям самого М. Я. Артемьева, других активных членов полоцкого подполья, к осени 1941 г. в оккупированном нацистами городе действовало несколько связанных между собой подпольных патриотических групп, под руководством П. Ф. Самородкова, Я. Х. Сташкевича, С. В. Суховея. В это время С. Я. Артемьев познакомился с членами группы, возглавляемой бывшим командиром Красной армии Я. Х. Сташкевичем. Работая в качестве заведующего городской столовой, которую посещали немецкие офицеры и солдаты, Сергей Яковлевич очень быстро стал одним из главных информаторов группы Я. Х. Сташкевича.

Согласно постановлению бюро Полоцкого ГК КПБ (б) от 7 июня 1967 г. о признании деятельности в г. Полоцке в период Великой Отечественной войны подпольных патриотических групп: *«Бюро гаркома КПБ на основании представленных комиссии материалов отмечает, что в городе активно действовали группы подпольщиков, которые возглавляли Сташкевич, бывший работник КГБ Самородков, бывший заведующий рано Суховой. С октября 1941 г. по апрель—май 1942 г. эти подпольные группы подбирали кадры, вооружали их для последующего выхода в леса Полоцкого, Рассонского и других районов»*[1, с. 2].

При этом группа бывшего политрука Красной армии П. Ф. Самородкова совершала свои многочисленные диверсии на железнодорожной станции Громы. Основной задачей группы, руководимой Я. Х. Сташкевичем, было создание городского партизанского отряда, сбор оружия и подготовка к выходу городских рабочих-патриотов в леса для развертывания партизанского движения.

Однако, после провала полоцкого патриотического подполья в апреле 1942 г. (группы П. Ф. Самородкова и Я. Х. Сташкевича были раскрыты гитлеровцами, арестовавшими более 30 человек, а Я. Х. Сташкевич, Е. Г. Рыжик, И. С. Гуков чудом избежали ареста), в г. Полоцке не осталось организованной группы и руководителя полоцким подпольем.

В постановлении бюро Полоцкого ГК КПБ от 7 июня 1967 г. о признании деятельности в г. Полоцке в период нацистской оккупации подпольных патриотических групп говорится: *«В июне 1942 г. группу оставшихся в г. Полоцке работников возглавляет Артемьев С. Я., что подтверждается служебной ха-*

рактеристикой, выданной ему в 1944 году и подписанной бывшим секретарем Полоцкого подпольного райкома КПБ(б) тов. Новиковым, бывшим заместителем комбрига 3-й Белорусской партизанской бригады товарищем Жигановым и начальником штаба Раевским. Роль Артемьева, как командира, подчеркивается в воспоминаниях бывшего командира разведки партизанской бригады Рыжика Е. Г. который был непосредственно связан с тов. Артемьевым, бывшего секретаря полоцкого подпольного райкома Г. С. Петрова и в воспоминаниях связанной этой бригады М. И. Метлюк. Это подтверждается также бывшим начальником штаба 3-й Белорусской партизанской бригады товарищем Жигановым в характеристике данной товарищу Артемьеву в 1961 г. и материалами личного дела бывшего подпольщика Маниса. Из 19 бывших подпольщиков — 15 человек подтвердили, что с июня 1942 по октябрь 1942 г. тов. Артемьев по заданию полоцкого подпольного райкома КПБ(б) возглавлял подпольную группу в г. Полоцке. На основании документов, имеющихся в полоцком горкоме КПБ(б), в мае 1962 г. бюро горкома утвердило список подпольщиков группы „АСЯ“ [2, с. 53].

Таким образом, у истоков группы стоит бывший заведующий городской столовой С. Я. Артемьев, который постепенно втягивает в борьбу против оккупантов своих подчиненных из городской столовой, а также родственников.

Как вспоминает Е. С. Свирко — бывшая подпольщица группы С. Я. Артемьева: «Я работала в столовой в качестве официантки, выполняла работы в тюрьме по распространению листовок и других поручений Артемьева, за что имею правительственные награды» [1, с. 89].

Нужно отметить, что С. Я. Артемьев работал в подполье с осени 1941 г. К этому времени у него появляется огромное количество налаженных связей с подпольщиками групп С. В. Суховея, Я. Х. Сташкевича, П. Ф. Самородкова. Позже была налажена связь между партизанским отрядом Я.Х. Сташкевича, действовавшим в районе совхоза Полота, а впоследствии с 3-й Белорусской партизанской бригадой. Сергей Яковлевич вспоминал: «Связь между отрядом и мной поддерживалась регулярно. В мае 1942 года мне удалось узнать, что для ликвидации отряда в район совхоза Полота отправляется 18 автомашин. В этот день сведения об этом были направлены в отряд Сташкевича. Машины были встречены и разбиты, много карателей было уничтожено» [1, с. 19].

Осуществлялась эта связь через сеть связных, одной из связных была М. И. Метлюк, воспоминания которой имеются в фондах НА РБ: «В партизанскую бригаду я пришла 27 июня 1942 г. и принята связной, связалась с поликлиникой Полоцка с врачом Поликарповым. От Поликарпова я приносила перевязочный материал, хирургические инструменты и медикаменты. Позднее был дан пароль для связи с Артемьевым, который был заведующий

Рис. 1. Е. Г. Рыжик — активный член полоцкого подполья, впоследствии заместитель командира 3-й Белорусской партизанской бригады по разведке

столовой по ул. Боровая. Ходила я в столовую часто. Из бригады приносила Артемьеву сводки информбюро, газеты, а от Артемьева сведения. Ходила до ноября 1943 г., иногда брала на руки двухлетнего сына, якобы к врачу, пока Артемьев не пришел в бригаду» [1, с. 56].

В июне 1942 года С. Я. Артемьев приказом Полоцкого райкома партии назначается командиром подпольного партизанского отряда. Приказ был подписан секретарем РК КП Б(б) Г. С. Петровым и Е. Г. Рыжиком — заместителем командира 3-й Белорусской партизанской бригады по разведке. После войны Г. С. Петров вспоминал: *«Из разговора со Сташкевичем, Жигановым, Рыжиком, я узнал, что в Полоцке работает подпольно-патриотическая группа, которая была создана ими, и что группу возглавля-*

ет Артемьев Сергей Яковлевич, брат которого, Петр Яковлевич работал в райкоме. Узнав, что Артемьев ведет себя, как советский человек, я написал ему записку, что он подпольным райкомом партии назначается командиром отряда. Этой запиской, переданной через Рыжика, я хотел показать, что подпольщики не одиноки, что вместе с ними подпольная партийная организация, вместе с ними партизаны Полотчины. После прихода из-за линии фронта первого секретаря полоцкого райкома партии тов. Новикова связь с подпольщиками держал он. Я знаю, что он писал Суховею, Петровскому, Артемьеву» [1, с. 45—46].

Е. Г. Рыжик (рис. 1) вспоминал следующее: *«Уходя из Полоцка, мы оставили Артемьева как командира партизанского отряда и как резидента-разведчика. До осени 1942 г. Артемьев выполнял наши задания. Через него отправлялась взрывчатка в город и на ж.д. узел, организовывались диверсии, распространялись листовки и газеты. Через Артемьева осуществлялась связь с нашими разведчиками. Связными между бригадой Марченко и Артемьевым была партизанка Метлюк М. И., Лямина В. Кличка „АСЯ“ дана Артемьеву ко-*

мандованием бригады для переписки с ним, свои донесения и отчеты он подписывал этой кличкой. При воссоединении с частями Красной армии в деревне Труды много документов я передал товарищу, который возглавлял органы КГБ в то время» [1, с. 50].

С возобновлением на Полотчине работы Полоцкого райкома партии, Артемьев получил возможность не только с пользой использовать имеющуюся у него информацию о немецких планах, но и получать инструкции из Центра.

С. Я. Артемьев, как командир подпольной группы, начал действовать под кличкой «АСЯ» (имя было составлено из действительных инициалов). Позже деятельность всей группы начала отождествляться с «АСЕЙ».

Подпольщиками отряда были выделены диверсионная группа, группа ракетчиков, группа по выводу из лагеря военнопленных. У каждой группы был руководитель. Координировал их действия непосредственно С. Я. Артемьев.

Диверсионная группа работала на железной дороге под руководством Осташева. Она давала сведения о движении поездов на перегонах и о расписании движения по полоцкой станции. Подпольщики пересылали в Полоцкий подпольный райком партии планы и карты дислокации противника, сведения о его замыслах.

Другая такая группа работала в Горянах, возглавлял ее А. Г. Вишневецкий. Эта группа также давала сведения о движении поездов. В июле 1942 года группа была раскрыта, но подпольщикам удалось откупиться.

Группа А. З. Еремеева собирала для партизан пишущие машинки, занималась диверсиями на железной дороге. Для этого из Орши доставляли взрывчатку, и подпольщики закапывали её в уголь для паровозов. Летом 1942 г. в тюрьму было посажено 8 партизан (один из них был тяжело ранен). Подпольщики передали им веревку и ножовку по металлу. Группа Еремеева ночью «сняла» часовых и 7 партизан, что были здоровы, сбежали к партизанам [1, с. 26].

Согласно воспоминаниям самого Александра Захаровича Еремеева: *«В период Великой Отечественной войны я находился в оккупированном городе и открыл слесарную мастерскую по мелкому бытовому ремонту по ул. Ленинградской, 27. Мастерская была открыта по распоряжению Артемьева, на право содержания мастерской мной был взят патент и при мне работали учениками Бувевич Николай Владирович, Гавриленко Петр, которые у меня были в качестве связных. Бувевич одновременно работал слесарем паровозного депо, куда его привлек бывший машинист Метлюк. По моему заданию Бувевич и его группа слесарей Дривульский, Игнатъев, Бобров производили некачественный ремонт паровозов, что приводило к сдаче поездов на перегонах, из-за чего были задержки в движении поездов. Этой группой при участии электросварщика Саханова был сожжен электросварочный агрегат. На железной дороге в*

Рис. 2. Н. Ф. Мумёнок — активный член полоцкого подполья, связная 3-й Белорусской партизанской бригады

качестве рабочего склада топлива работал Кругликов Ануфрий Захарович, который добывал взрывчатку и с помощью, которой мы выводили из строя немецкие паровозы. В 1943 г. нами был взорван нефтесклад. В моей группе работал рабочий Богатырёв Ефим Фролович, который портил путевое хозяйство» [1, с. 36].

Была создана группа ракетчиков. Она состояла из нескольких человек: Иванова, Алексеева, Никитиной и самого Артемьева. Возглавлял группу Н. Иванов, прибывший из лагеря для военнопленных. Во время скопления на станциях и в городе фашистских войск в июле 1942 г. по просьбе подпольщиков была вызвана авиация. И советские бомбардировщики по сигналам ракетчиков разбомбили несколько воинских эшелонов.

Было уничтожено большое количество живой силы врага. В июле 1942 г., подававшие сигналы днем Никитина и Алексеев, были замечены немцами и расстреляны на месте.

Для получения сведений о движении немецко-фашистских частей, Артемьев завёл в городской столовой книгу отзывов. Немцы оставляли отзывы о качестве пищи и сообщали номер своих частей. Подпольщики узнавали направления их движения и переправляли партизанам.

Была создана и группа по работе с военнопленными. Возглавлял ее Г. Д. Менделев. Активную помощь ему оказывала медсестра Л. Волкова. Она обычно сопровождала военнопленного до явочной квартиры до д. Авдошковици Юровичского сельсовета. Хозяйкой явочной квартиры и главной в группе по переправке военнопленных в отряды 3-й Белорусской партизанской бригады была Н. Ф. Мумёнок (рис. 2). Всего группой было переправлено приблизительно 40—60 человек. Среди них было 4 врача, в том числе Зязин и Ковалёв [1, с. 26]. В 60-х гг. минувшего столетия, Надежда Федоровна Мумёнок вспоминала: «Я, Мумёнок Н.Ф., проживала в Юровичском с. с. дер Авдошковици. Из города ко мне приходили связные от

группы „АСЯ“ і прыводзілі ко мне людзей, які былі ў мяня 2—4 дні, пака іх не забіралі партызаны-разведчыкі. Праз мае рукі прайшло многа людзей — военнапленных і грамадзянскіх у партызаны. Я работала з октября 1941 г. да ўхода ў партызаны» [1, с. 86].

Ещё одна група — група Пашкевича, работала ў адзеле снабжэння гарадской управы. Ёё бойцы прынімалі сводкі Совінформбюро і размножалі іх на пішущай машынке.

В качестве связных С. Я. Артемьев привлекал и свою мать, которая была расстреляна немцами 5.12.1942 г.

Согласно архивным документам, члены подпольной группы осуществляли диверсии и в городе. В мае 1942 г. было выведено из строя 18 немецких автомашин путем добавления азотно-серной кислоты в моторное масло. Эти диверсии осуществил В. И. Петухов, он был командиром одной из групп. Позже Викентий Иосифович Петухов вспоминал: «Я состоял в нелегальном партизанском отряде имени Марченко под командованием Артемьева. В этот период подготовлено 5 человек военнопленных и отправлены в д. Банюнь. Во время наступления Красной армии мы угнали с Кищенком автомашину ЗИС, которую сдали на передовую» [1, с. 40].

Летом 1942 г. «АСЯ» наладила связь с военнопленными, которые несли охрану нефтебазы, станции Громы и ж. д. моста через Западную Двину. Начальником охранников военнопленных был Иванов. Эту группу удалось привлечь на советскую сторону. Но прежде чем их отправить в лагерь бригады, им для искупления своей вины и для возможности полной реабилитации в глазах партизан дали задание произвести диверсию на нефтебазе и на ж.д. мосту. Летом диверсия на нефтебазе была произведена.

5 октября 1942 г. была произведена диверсия в депо ст. Громы и группа военнопленных пришла в расположение 3-й Белорусской партизанской бригады с оружием уже после того, как Артемьев оставил Полоцк и находился в бригаде [2, с. 23].

Таковы краткие итоги боевой и диверсионной деятельности подпольно-патриотической группы «АСЯ».

Однако до сих пор, в воспоминаниях бывших партизан и подпольщиков, сохраняется путаница, а иногда даже подмена понятий, связанных с организованным полоцким подпольем в годы нацистской оккупации. Например, долгое время считалось, что:

- 1) С.Я. Артемьев являлся чуть ли не руководителем всего полоцкого подполья с 1941 по 1943 гг. Полоцкий райком партии, который признал деятельность группы в 1962 г., указывал, что деятельность группы под руководством Артемьева начинается в 1941 г. И действительно

С. Я. Артемьев был участником полоцкой подпольной организации с октября 1941 г. до мая 1942 г. Он входил в состав подпольной организации Я. Х. Сташкевича, а с июня 1942 г. возглавлял подпольную группу до своего ухода в партизанский отряд в октябре 1942 г.

- 2) Я. Х. Сташкевич, в ряде документов и воспоминаний фигурирует, как рядовой член группы, а не командир подпольного отряда с октября 1941 по май 1942 гг.
- 3) Имя П. Ф. Самородкова долгое время и вовсе замалчивалось.
- 4) В список полоцкого подпольного партизанского отряда неправомерно включены рядовыми подпольщиками В. В. Жиганов, Е. Г. Рыжик, С. В. Суховой, Н. А. Манис, хотя они являлись организаторами подпольно-патриотических групп.

В 1963 г. в Москве была издана книга «АСЯ» белорусского журналиста Владимира Яковлевича Хазанского, рассказывающая о деятельности полоцкого патриотического подполья с сентября 1941 по ноябрь 1942 г. Это художественное произведение, не претендовавшее на документальное расследование. Оно не лишено домыслов и породило множество криво толков, споров и горячих дебатов. Многие бывшие участники полоцкого подполья, партизаны, высказали своё критическое отношение к изложенным фактам в книге В. Я. Хазанского. И даже бывшие подпольщики и партизаны, чьи действия положительно оценены в книге, отметили ряд серьезных неточностей в ней.

В 1966 г. с письмами в различные инстанции, в том числе к первому секретарю компартии БССР П. М. Машерову, обратились бывшие партизаны 3-й Белорусской партизанской бригады под руководством А. Я. Марченко (рис. 3). Но прежде они составили коллективное письмо секретарю полоцкого горкома партии. В нём они сообщали: *«Мы возмущены выпуском в печать и изданием книги под именем „Ася“. Я утверждаю перед партией о ложном показе героев, настоящих героев там нет. Часть погибла, а часть трудится на Полотчине. Я прошу поручить органам КГБ завести дела на указанных героев»* [2, с. 54]. Под письмом подписались Марченко (автор), Гуков, Рудаков, Юзефович, Редин, Овсяников, Антонов и Матюшенко.

Группа бывших партизан 3-й Белорусской партизанской бригады во главе А. Я. Марченко на этом не остановилась, а продолжила работу по установлению «истинной» картины подпольного движения в Полоцке в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Например, в письме П. М. Машерову от 20 июля 1966 г. А. Я. Марченко сообщал: *«Мы просим создать авторитетную комиссию для установле-*

Рис. 3. А. Я. Марченко — один из организаторов партизанского движения на Полотчине в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., бывший командир 3-й Белорусской партизанской бригады

ния правды полоцкого подполья. Мы писали, что полоцкий горком не в силах этого сделать, так как в искажении истории замечен лично Лобанок, он дал команду наградить орденом Красного знамени немецкого слугу Артемьева, Маниса до сих пор прикрывает и продвигает по службе, даже Маниса избрали депутатом горсовета Полоцка. Манис и Артемьев никогда патриотами Родины не были и не будут, никогда не руководили подпольными отрядами» [2, с. 53]. Под этим письмом поставили свои подписи Марченко, Шенделев, Шедов, Бардов, Гуков, Жиганов, Морозов, Рудаков и другие бывшие партизаны 3-й Белорусской партизанской бригады.

Основными доводами бывших партизан 3-й Белорусской партизанской бригады против самого существования и деятельности подпольной группы Артемьева являлось:

- 1) Группа «АСЯ» ошибочно отождествляется со всем полоцким подпольем, то есть действия существовавших групп предписывается одной «АСЕ».
- 2) Допускается искажение исторических фактов. Например, в книге «АСЯ» описана встреча Артемьева с Новиковым. «Однако Новикова мы никуда не отпускали и оберегали, ходить в Полоцк было незачем, да и наша разведка работала хорошо. Он не был знаком с Артемьевым» — утверждал А. Я. Марченко.
- 3) Руководитель группы Артемьев не мог быть знаком также и с Г. С. Петровым, так как тот «В Полоцк он не ходил, прибыл к нам только в июне 1942 г.» — вспоминал Аркадий Яковлевич.
- 4) Не было официального назначения Артемьева командиром городского подпольного отряда, как и не было официальных документов

подтверждающих это. «До организации подпольного райкома Петров, знакомясь с людьми и общим положением, вздумал установить связь с городом, зная, что она у нас давно действует, и спросил у начальника разведки Рыжика с кем там можно связаться. Не зная лично Артемьева, написал записку: „Товарищ Артемьев, вы назначаетесь командиром полоцкого подпольного партизанского отряда“. Единично эту бумажку подписал, и через связных товарища Рыжика она была передана в Полоцк Артемьеву. Чем объяснить такое поведение Петрова неясно, лучше спросить его самого. Никаких решений Полоцкого подпольного райкома о назначении Артемьева командиром полоцкого подполья не было, и не могло быть, так как в Полоцке никакого партизанского отряда не было. В июне 1942 г. почти все подпольщики ушли в лес», — вспоминал А. Я. Марченко [2, с. 68].

- 5) Неверно интерпретирована роль самого Артемьева, как руководителя группы. «Командир группы был назначен, но он оказался я в роли передающего: передавал решения Полоцкого райкома партии, а от них в штаб или райком. Передачи были, мы не отрицаем, но никакой группы „АСЯ“ не было» — утверждали бывшие партизаны [2, с. 68].
- 6) Группа в реальности не существовала, так как не велось никакой боевой и диверсионной работы. «Командование Артемьева продолжалось три месяца с июля по сентябрь 1942 года, за это время никаких диверсий подпольщики не совершали, никакой организации подполья не было. За неимением штата подчиненных подпольщиков Артемьев прибегал к услугам своей родни и работников столовой, и не систематически, а эпизодически. Организованной подпольной группы никогда не было. Категорически заявляет об этом Гуков, активный участник полоцкого подполья, работающий там с августа 1941 г по июнь 1942 г. когда присоединился к отряду Прудникова, и был там начальником штаба разведки» — утверждал Марченко. «Существование подпольной группы „АСЯ“ является вымыслом. Деятельность ее ничем не подтверждается. До октября 1943 г. я знал все, что делалось в Полоцке, я держал там 30 разведчиков» — впоследствии вспоминал И. С. Гуков [2, с. 69].
- 7) Героем славного подполья сделан человек с сомнительной репутацией. «Артемьев не мог возглавлять подпольную организацию, так он был осужден, до войны на 5 лет и после на 12 лет. Полоцкое подполье — это Сташкевич, Самородков, Гуков» — утверждал А. Я. Марченко.

В это время «расследованием» деятельности полоцкого патриотического подполья в г. Полоцке занялся институт истории партии ЦК. В

письме сотрудники института отмечают: *«Нельзя согласиться с авторами письма, что всё показано ложно. Подпольная организация существовала и ей действительно руководил Артемьев до 20 октября 1942 г. Это подтверждают Г. С. Петров, В.В. Жиганов, партизанка — связанная Полоцкого подпольного РК КПБ М. И. Метлюк, а также постановление полоцкого горкома от 17 мая 1962 г. Деятельность этой организации описана в книге Лобанка «В боях за родину». Авторы письма приводят ряд необоснованных обвинений в адрес Петрова, Артемьева»* [3, с. 4–5].

Сотрудники института истории партии при ЦК внимательно изучили все факты, связанные с полоцким подпольем. В результате было собрано 22 воспоминания и 6 документов: характеристика на С. Я. Артемьева, подписанная Н. А. Новиковым и Т. К. Раевским 23 ноября 1944 г., датированная этим же числом справка Е. К. Макаровой, подписанная В. В. Жигановым, Е. Г. Рыжиком и С. Я. Артемьевым, подтверждающими, что она состояла в подпольной группе Я. Х. Сташкевича, а позже в группе Артемьева, копия приговора А. С. Артемьеву, по которой он осужден был в 1947 г. на 12 лет за хищение социалистической собственности. Воспоминания получены от Н. А. Маниса, В. В. Жиганова, Е. Г. Рыжика, Г. С. Петрова, Е. К. Макаровой, Е. С. Свирко, Е. А. Бронинной, Н. П. Крупиной, Д. Г. Герасимовой, В. И. Петухова, Н. Ф. Мумёнок, Н. А. Доморацкого, Н. А. Вишневого, А. Г. Шенделева, В. К. Морозова, Ф. И. Гаврилова, Г. И. Тимонина, А. М. Картавенко, И. С. Гукова.

Кроме этого, комиссия оперировала воспоминаниями многолетней давности самого С. Я. Артемьева, повторить которые он отказался, так же, как и жена М. Г. Артемьева. Члены комиссии отметили: *«Кроме этого комиссию на протяжении длительного времени проверки лихорадило непонятное поведение Артемьева, который передавал ей свою записку, затем потребовал ее обратно и сам, лично проверял все сведения, поступивших от бывших подпольщиков — Макаровой, Свирко, Муменок, Герасимова, Вишневого, не разрешая передавать их в горком, пока он не проверит. В результате вместо воспоминаний поступили только записки, удостоверяемые подписями, что они действовали в группе „АСЯ“. На заседании комиссии товарищ Артемьев вел себя нетактично, приписывал многое из сделанного себе, в ущерб памяти погибших Сташкевича, Самородкова, Сухова и был изобличен в наговорах на память Клепикова»* [3, с. 4].

Итак, проанализировав многие документы и воспоминания бывших участников полоцкого подполья в годы нацистской оккупации, можно сделать некоторые выводы:

- 1) Согласно документам и воспоминаниям в г. Полоцке в 1941–1942 г. по инициативе советских патриотов начали действовать несколько

групп: Я. Х. Сташкевича, П. Ф. Самородкова, С. В. Сухова, а позже и группа, руководимая А. С. Артемьевым.

- 2) Группа А. С. Артемьева действительно действовала в г. Полоцке в условиях нацистской оккупации с июня 1942 г. по октябрь 1942 г. Является вымыслом тот факт, что С. Я. Артемьев являлся руководителем всего полоцкого подполья с 1941 г.
- 3) Подпольная группа Артемьева оформилась к июню 1942 г. после ухода из города многих подпольщиков, руководимых Я. Х. Сташкевичем, и развернула свою деятельность под руководством полоцкого подпольного райкома КПБ(б). В составе группы находилось более 30 патриотов, деятельность которых подтверждается документами и воспоминаниями.
- 4) Несмотря на фашистский террор и сложность подпольной борьбы в условиях оккупации, члены группы проводили различные акции и диверсии против врага.

В настоящее время, несмотря на информационную открытость, доступ ко многим архивным документам, тема полоцкого подполья, как и всего периода нацистской оккупации г. Полоцка, до сих пор остаётся малоизученной. Нет ответов на ряд вопросов, что требует дальнейшего изучения с привлечением широкого круга исследователей и закрытых пока архивных дел.

Список литературы и источников

1. Постановление бюро Полоцкого ГК КПБ от 7 июня 1967 о признании деятельности в г. Полоцке в период Великой Отечественной войны подпольных патриотических групп и документы к нему // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).— Фонд 1391.— Оп. 1.— Д. 113.— Л. 141.
2. Документы о признании деятельности партийно-комсомольского подполья Полоцкого района // НАРБ.— Фонд 1391.— Оп. 1.— Д. 117.— Л. 107.
3. Переписка с УКГБ при Совете министров БССР по Витебской области о результатах проверки списка участников партийно-комсомольского подполья. 6 л. // НАРБ.— Фонд 1391.— Оп. 1.— Д. 121.— Л. 6.

УДК 355.48(09)(476.5-21Полоцк)"1941/1945"

ОРГАНИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО
СНАБЖЕНИЯ ПАРТИЗАНСКИХ БРИГАД
ПОЛОЦКО-ЛЕПЕЛЬСКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ ЗОНЫ
В 1943—1944 ГГ.

Рудаков Павел Сергеевич

ведущий научный сотрудник Музея боевой славы — филиала НПИКМЗ

Партизанское движение в тылу врага не могло развиваться без должного обеспечения оружием, боеприпасами, подрывной техникой, продовольствием, медикаментами, одеждой и другими материальными средствами. Материальное снабжение партизан представляло в силу ряда причин сложную проблему. Огромная, постоянно пополнявшаяся армия народных мстителей не могла полностью удовлетворять свои потребности за счёт помощи местного населения и добытых у врага трофеев. Требовалась постоянная поддержка тыла страны — «Большой земли». Фактически, поставки из-за линии фронта стали основным источником материально-технического обеспечения (МТО) партизанских бригад и отрядов, в том числе и Полоцко-Лепельской партизанской зоны.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, партизанское движение, Полоцк, Полоцко-Лепельская партизанская зона, материально-техническое снабжение, Центральный штаб партизанского движения, Белорусский штаб партизанского движения, I Прибалтийский фронт, партизанские аэродромы.*

Для цитирования: *Рудаков, П. С. Организация материально-технического снабжения партизанских бригад Полоцко-Лепельской партизанской зоны в 1943—1944 гг. / П. С. Рудаков // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (на выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысонт, 2020.— С. 168—177.*

Важнейшим условием жизнестойкости, роста боевой активности партизан в тылу врага является обеспечение их оружием, боеприпасами, подрывной техникой, продовольствием, медикаментами, одеждой и другими материальными средствами. Материальное снабжение партизан представляло в силу ряда причин сложную проблему. Огромная, постоянно пополнявшаяся армия народных мстителей не могла полностью удовлетворять свои потребности за счёт помощи местного населения и добытых у врага трофеев. Требовалась постоянная поддержка тыла страны — «Большой земли». Фактически, поставки из-за линии фронта стали основным источни-

ком материально-технического обеспечения (МТО) партизанских бригад и отрядов в том числе и в Полоцко-Лепельскую партизанскую зону.

СОЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО И БЕЛОРУССКОГО ШТАБОВ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Материально-техническое обеспечение народных мстителей осуществлялось по трем основным направлениям — использование местных ресурсов (это в основном продукты питания и одежда), использование захваченных у противника трофеев и централизованное снабжение партизан и подпольщиков из советского тыла. Возможность централизованного материально-технического обеспечения партизанских отрядов появилась лишь во второй половине 1942 г.

30 мая 1942 г. Государственным Комитетом Обороны (ГКО) было принято постановление о создании Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) при Ставке Верховного Главнокомандования. Начальником ЦШПД был назначен первый секретарь ЦК КП(б)Б Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. В сентябре 1942 г. штаб состоял из 4-х управлений: оперативного, разведывательно-информационного, политического, обеспечения [3].

В годы войны ЦШПД сыграл большую роль в развитии партизанского движения, в улучшении снабжения партизан вооружением, минно-подрывными средствами, медикаментами. Централизация руководства позволила управлять действиями всех сил партизанского движения в интересах армии, координировать взаимодействие партизанских отрядов с операциями фронтов. 13 января 1944 г. Центральный штаб партизанского движения был расформирован [3].

К моменту создания Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) (на 5 сентября 1942 г.) на территории БССР действовало 305 партизанских отрядов, насчитывающих 32 939 партизан и 8 237 человек скрытого резерва. Руководство партизанским движением на территории республики в этот период осуществлялось тремя самостоятельными центрами — штабами партизанского движения при Западном и Калининском фронтах и Северо-Западной группой ЦК КП(б)Б, что мешало проведению в жизнь директив ЦШПД. В связи с этим, как отмечал П. Калинин: «На заседаниях бюро ЦК КП(б)Б часто высказывались пожелания о создании единого центра руководства — республиканского штаба партизанского движения» [1].

БШПД был образован постановлением ГКО № 2285сс от 9 сентября 1942 г. В документе указывалось:

- 1) В целях усиления связи и руководства партизанскими отрядами в Белоруссии и дальнейшего развития движения образовать Белорусский штаб партизанского движения.

- 2) Белорусский штаб партизанского движения подчинить Центральному штабу партизанского движения.
- 3) Назначить начальником Белорусского штаба партизанского движения тов. Калинина П. З. (второй секретарь ЦК КП(б)Б) [1].

26 ноября 1942 г. постановлением ГКО № 2541сс «По вопросам партизанского движения» были утверждены новые штаты БШПД и подчинённых структур. Согласно этому документу штат БШПД состоял из: командования, оперативного отдела, разведывательного отдела, отдела связи, отдела кадров, отдела материально-технического обеспечения, и нескольких отделений.

Штаб работал под непосредственным руководством ЦК КП(б)Б и ЦШПД и выполнял следующие задачи:

- разрабатывал и проводил в жизнь стратегические планы по развитию партизанской борьбы;
- организовывал централизованное руководство партизанскими формированиями и их взаимодействие с частями Красной Армии и органами НКВД; совершенствовал организационную структуру партизанских формирований;
- планировал, организовывал и контролировал выполнение боевых заданий на территории Беларуси;
- решал проблемы обеспечения партизан вооружением, средствами связи, медикаментами и другим необходимым имуществом готовил кадры для партизанской борьбы в тылу врага;
- осуществлял и распространял боевой опыт партизанской борьбы [1].

ПОРЯДОК СНАБЖЕНИЯ

Руководство материальным обеспечением партизан Центральный штаб осуществлял по различным каналам, в частности путём выяснения нужд отрядов непосредственно у командиров партизанских соединений. Для связи с республиканскими, областными штабами, партизанскими группами при Военных советах фронтов и с отдельными партизанскими отрядами Центральный штаб имел свой радиоузел, а осенью 1942 г. радиоузлы были созданы при республиканских и областных штабах партизанского движения. Это в значительной мере облегчало руководство снабжением партизан.

Испытывая потребность в необходимых материальных средствах, партизаны высылали заявки (*табл. 1*) (по радио или со связными) в тот или иной штаб партизанского движения, а в отдельных случаях — в Военный совет фронта или армии. Зная состояние обеспеченности партизанских отря-

дов и бригад, а также имея от них заявки, ЦШПД (либо БШПД) запрашивал у соответствующих органов Красной Армии нужное количество вооружения, боеприпасов, взрывчатых веществ, различное имущество и продовольствие и указывал пункт, куда их следовало направить [4, л. 110].

Таблица 1. Заявка партизанской бригады им. Ленина в БШПД в июле 1943 г.

<i>№ n/n</i>	<i>Наименование</i>	<i>Количество</i>
1.	Артиллерийский порох	700 кг
2.	Патронов винтовочных	212 590 шт
3.	Патроны для ППШ	33 900 шт
4.	Минометных мин 50 мм	732 шт
5.	Минометных мин 82 мм	420 шт
6.	Взрывателей к 50 мм минам	967 шт
7.	Взрывателей к 82 мм минам	575 шт
8.	Тротил	3 000 кг
9.	Упрощенных взрывателей	320 шт
10	Взрывателей для английских мин	50 шт
11	Ручных пулеметов Дегтярева	60 шт
12	Автоматов	150 шт
13	Винтовок	300 шт
14	Пистолетов	23 шт
15	Биноклей	20 шт
16	Компасов	60 шт
17	Радиопитание	6 компл
18	Электролит	6 литров

В документе напротив некоторых позиций таблицы были надписаны от руки слова «нет», из чего можно сделать вывод, что отдел обеспечения БШПД не всегда имел возможность удовлетворить запросы партизанских отрядов и бригад.

Далее оформлялся лицевой счёт по учёту просьбы партизанской бригады (табл. 2), в котором помимо всего прочего приводился текст, кратко характеризующий положение и потребности партизанской бригады [6, л. 6].

Таблица 2. Пример лицевого счета по учету просьбы бригады им. Ленина

<i>Дата</i>	<i>№ телеграммы документа</i>	<i>Входной № телеграммы</i>	<i>Краткое содержание</i>
16.09.43	249	4159	Веду бой с РОА Каминского, патрон нет. Шлите груз на площадку Тябуга.
12.10.43	297	4839	Боеприпасов нет. Забросьте боеприпасов, вооружения, взрывчатки. О высылке груза радируйте на имя Тябуга.
22.10.43	307	5112	Бои прекратил за неимением боеприпасов, взрывчатки. Груз сбрасывайте на площадку Мельникова. Шлите рацию.

На основе заявки и лицевого счёта составлялся план снабжения конкретной партизанской бригады (отряда) либо целой партизанской зоны (табл. 3). В нем указывались название бригады (отряда), посадочная площадка, на которую должны быть выброшены грузы, планируемые объёмы поставок и ход их выполнения [5, л. 4].

Таблица 3. План выброски грузов для бригады Тябуга на площадку «высота 161,3» оз. Плина на август 1943 г.

<i>По плану на август</i>	<i>Выполнено в июне—июле</i>
Пулемётов ДП — 1	1
ППШ — 5	4
Винтовок и карабинов отечественных — 15	20
Патронов 7,62 мм — 20 тыс	44 тыс.
Патронов ТГ — 2 тыс.	20 500 шт.
ПТР — 2, патронов 200	ПТР — 0, патронов — 180

Гранат Ф-1 — 100	—
Тол в комплекте — 200 кг	644
Мин МЗД-4 — 100 штук	—
Медикаментов — 2 мешка	3 мешка
Литературы и бумаги — 5 кг	25 кг
Соли — 30 кг	10 кг

Превышение плана в некоторых пунктах (патроны, тротил и т. д.) возможно говорит о том, что партизан по возможности снабжали впрок.

Когда к началу 1944 г. значительная часть временно оккупированной советской территории была освобождена от гитлеровских захватчиков, ЦК ВКП(б) счел целесообразным расформировать Центральный штаб партизанского движения, а все руководство партизанскими отрядами и бригадами и удовлетворение их потребностей в материальных средствах возложил на ЦК компартий союзных республик, областные комитеты партии и местные штабы партизанского движения. БШПД постоянно направлял запросы в различные управления 1-го Прибалтийского фронта, чтобы те предоставили необходимую номенклатуру вооружения и боеприпасов для снабжения партизан. К примеру, 8 апреля 1944 г. начальник материально-технического обеспечения представительства БШПД на 1-м Прибалтийском фронте писал начальнику Артиллерийского управления фронта генерал-лейтенанту Войкову:

«Прошу вашего распоряжения об отпуске вооружения и боеприпасов для обеспечения партизанских бригад и отрядов в следующем количестве:

- Патронов винтовочных 1 млн.
- Патронов ТТ 1 млн.
- Патронов ПТР 5 тыс.
- Пулеметов станковых 5 шт.
- Пулеметов ручных 75 шт
- Ружей ПТР 25 шт.
- Мин 50 мм 1 000 шт.
- Мин 82 мм 300 шт.
- Снарядов 45 мм 1 000 шт.» [7, л. 54].

Похожий запрос был отправлен 28 апреля 1944 г. начальнику Инженерного управления 1-го Прибалтийского фронта генерал-майору Косареву:

«Прошу занарядить для заброски партизанским бригадам и отрядам в тыл противника на май месяц следующее количество взрывматериалов:

- Тол 20 тонн
- Капсулей-детонаторов 100 тыс.
- Упрощенных взрывателей 25 тыс.
- Бикфордового шнура 8 тыс. м
- Детонирующего шнура 1 000 м
- Пенькового шнура 500 м» [7, л. 56].

Причем, представителям БШПД приходилось контактировать с должностными лицами не только отвечающими непосредственно за предметы снабжения, но и с «промежуточными звеньями» — к примеру, с начальником автоуправления 1 Прибалтийского фронта:

«31.3.44г. Начальнику автоуправления 1ПБФ полковнику тов. Лозовскому. Прошу вашего содействия в предоставлении 20 трехтонных автомашин для перевозки боеприпасов и вооружения в количестве 50 тонн со ст. Невель до аэродрома Чухилино.

Начальник МТО представительства БШПД на 1 ПБФ» [7, л. 67].

ПАРТИЗАНСКИЕ АЭРОДРОМЫ

Имущество и вооружение, полученное со складов и баз Наркомата обороны, сосредоточивалось на складах, которые находились в распоряжении ЦШПД. Оттуда оно перевозилось на аэродромы или на временные склады штабов партизанского движения для дальнейшей переброски партизанам [2].

Наиболее эффективным методом доставки различных материальных средств в районы действия партизан являлась авиация. Сложность организации снабжения партизан и недостаток транспортных самолётов не позволяли до 1942 г. использовать для этих целей авиацию в нужном масштабе. С расширением партизанского движения и созданием централизованного руководства им потребности в оказании помощи с «Большой земли» возросли. Вместе с этим увеличились и возможности снабжения. Фронтная авиация и Авиация дальнего действия (АДД) были усилены 10-ю отдельными авиатранспортными полками и одной авиатранспортной дивизией, что позволило (наряду с другими воздушными перевозками для фронта) совершать вылеты в районы боевых действий партизан [2].

Для посадки самолётов в Полоцко-Лепельской партизанской зоне было построено около двух десятков полевых аэродромов. Иногда для строительства требовалась помощь квалифицированных специалистов, поэтому к партизанам присылали специалистов ВВС. К примеру, командир отря-

да планеристов лейтенант Малиновский Г. С. докладывал члену Военного Совета Калининского фронта Рыжикову И. И.: «Настоящим доношу о выполнении мной задания штаба ВВС ВДВ КА и командования партизанских бригад «Железняк», «Дубова» и Мельникова по подысканию, строительству и вводу в строй полевых аэродромов в партизанской зоне Бегомль—Ушачи—Кубличи—Гомель» [10, л. 6]. Далее прилагался перечень построенных аэродромов с их краткой характеристикой (табл. 4) [10, л. 6].

Таблица 4. Перечень построенных отрядом Малиновского Г. С. аэродромов Полоцко-Лепельской партизанской зоны (фрагмент)

<i>Название аэродрома</i>	<i>Описание</i>	<i>Сигналы</i>	<i>Примечания</i>
Аэродром Селявщина	Старый аэродром, размер 1000×800 м, поле ровное, грунт сухой, подходы открыты. Возможность посадки Дугласа, Р-5, Р-6 и др.	Пять костров буквой «Т», с земли зеленая ракета, с самолета — красная	С земли в четные дни — зеленая ракета, в нечетные — красная
Высота 161,3 (оз. Плина) (бригада Мельникова)	Размер 1000×400 м, посадка с северной стороны, не вспаханное ровное поле. Возможна посадка самолетов и планеров.	Четыре костра в линию вдоль площадки, пятый образует ворота. Белая ракета настилом — посадка разрешена.	
Аэродром Новоселье. (бригада Дубровского)	С посадкой, размер 900×600 м. Возможна посадка Р-5.	Четыре костра в линию, пятый — ворота посадки самолета.	
Площадка Рыбаки. (бригада Тябута, Сакмаркина)	Посадка всех типов самолетов, размер 560×500 м.	Пять костров в линию с юга на север, шестой справа — показывает ворота посадки. Зеленая ракета с середины ворот вдоль площадки — посадка разрешена.	

Для снабжения партизанских бригад использовались различные типы самолётов: одномоторные бипланы общего назначения У-2, Р-5, двухмоторные бомбардировщики СБ, Р-6, двухмоторные транспортные самолёты Ли-2, и даже четырёхмоторные тяжёлые бомбардировщики ТБ-3, которые к этому времени уже морально устарели, и использовались в основном в транспортных операциях. Самолёты поставляли грузы как посадочным способом, так и путём выброски их в воздухе. Причём периодически возникали ситуации, когда в пределах одного аэродрома одновременно происходила посадка одних самолётов, и выброска грузов в воздухе другими, что могло привести к аварии. Для предотвращения таких ситуаций ВВС выработывали специальные рекомендации [8, л. 45].

Несмотря на хорошо налаженную работу по материально-техническому обеспечению партизанских бригад и отрядов, на аэродромах «Большой земли» иногда возникали ситуации, подобные следующей: *«Начальнику МТО майору Фадееву от старшего помощника начальника связи, инженер-капитан Леокен.*

Прошу личного вмешательства и личных указаний представителям МТО на аэродромах о выполнении заявок по отправке имущества связи в партизанские отряды и бригады. Имеются много случаев, когда радиопитание и особенно радиолампы остаются неотправленные. Вследствие чего многие отряды не в состоянии передать в штаб разведанные.

Кроме того, счет отправленного и принятого имущества во Внуковском аэродроме ведется неудовлетворительно. Часть имущества связи неизвестно где находится и куда деваётся» [9, л. 8].

Также, первое время прибывающие из-за линии фронта грузы не были снабжены накладными, что порождало путаницу и споры между партизанскими бригадами, так как не было понятно — кому груз предназначен. Со временем эта ситуация была исправлена [4, л. 36].

Материально-техническое обеспечение — процесс чрезвычайно сложный, но крайне необходимый. Существование крупнейшей в Беларуси партизанской зоны — Полоцко-Лепельской, было бы невозможным без должного снабжения с «Большой земли». На основании вышеизложенного материала можно сделать вывод, что боевые успехи партизанских формирований Полоцко-Лепельской партизанской зоны определяла наряду с многими факторами степень обеспеченности их вооружением, боеприпасами, материально-техническими средствами.

Список литературы и источников

1. Белорусский штаб партизанского движения [Электронный ресурс] / Партизаны Беларуси.— Минск, 2019.— Режим доступа: <https://partizany.by/bshpd>.— Дата доступа: 03.09.2019.
2. «Большая земля» снабжает белорусских партизан [Электронный ресурс] / Электронная библиотека LIBRARY.BY.— Минск, 2017.— Режим доступа: https://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showfull&id=1485965293&archive=&start_from=&ucat=&.— Дата доступа: 12.09.2019.
3. Кто руководил партизанами [Электронный ресурс] / Живая история.— Москва, 2017.— Режим доступа: <http://lhistory.ru/statyi/kto-rukodil-partizanami>.— Дата доступа: 16.09.2019.
4. Дело по заброске боеприпасов и вооружения партизанским бригадам и отрядам. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).— Фонд 1450.— Оп. 1.— Д. 862.— Л. 36—110.
5. Дело по учету заброски вооружения и боеприпасов. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).— Фонд 1450.— Оп. 1.— Д. 860.— Л. 4.
6. Дело по учету заброски вооружения и боеприпасов для партизанских бригад и отрядов. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).— Фонд 1450.— Оп. 1.— Д. 861.— Л. 6.
7. Переписка отдела материально-технического обеспечения БШПД. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).— Фонд 1450.— Оп. 1.— Д. 894.— Л. 54—67.
8. Планы обеспечения вооружением и боеприпасами партизанских бригад. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).— Фонд 1450.— Оп. 1.— Д. 882.— Л. 45.
9. Указания на отправку имущества аэродромом Монино. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).— Фонд 1450.— Оп. 1.— Д. 544.— Л. 8.
10. Учет посадочных площадок. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).— Фонд 1450.— Оп. 1.— Д. 852.— Л. 6.

УДК 94(476.5)+639.1

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОХОТНИЧЬИХ
ХОЗЯЙСТВ ПОЛОТЧИНЫ В 40—60 ГГ. ХХ
ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗОНАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В Г. ПОЛОЦКЕ)

Сверж Светлана Александровна

*старший научный сотрудник Природно-экологического музея —
филиала НПИКМЗ*

Статья посвящена организации и работе охотничьих хозяйств Полоцкой области и Полоцкого района в период с 1945 по 1969 гг. Основными задачами деятельности охотхозяйств были контроль за соблюдением правил охоты, заготовка пушнины, уничтожение хищников, наносящих вред народному хозяйству БССР.

Ключевые слова: волк, охота, Полоцкая область, капкан, ружьё, штраф.

Для цитирования: *Сверж, С. А. Деятельность охотничьих хозяйств Полотчины в 40—60 гг. ХХ века (по материалам Зонального государственного архива в г. Полоцке) / С. А. Сверж // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысонт, 2020.— С. 178—184.*

Одно из древнейших занятий людей — охота на диких животных давным-давно перестала быть для них обязательным условием существования, однако не потеряла своего важного значения. Уже сам факт сохранения ее на протяжении тысячелетней истории развития человека говорит о многом. До сих пор охота остаётся одним из наиболее универсальных средств для развития и совершенствования в человеке заложенных природой таких необходимых качеств, как сила, ловкость, смелость, выносливость, терпение, смекалка и др. С другой стороны, уже давно минули времена, когда ратовать за охоту и превозносить ее положительные стороны можно было без оглядки на последствия этой деятельности для живой природы. Отрицательное воздействие человека на животный мир давно превысило по своей силе влияние даже самых мощных естественных факторов. И одной из сторон этого воздействия, наиболее болезненно воспринимаемых общественностью, нередко, к сожалению, оказывается охота [2].

Как показывает состояние дел в охотничьем хозяйстве многих развитых стран, например, в Западной Европе, охотники — это именно та катего-

рия людей, благодаря которым численность охотничьих животных в условиях практически полного освоения территорий не только не снизилась, но наоборот, увеличилась. И это несмотря на исключительное развитие механизации сельскохозяйственной деятельности, чрезвычайную популярность охоты и именно благодаря высокому уровню развития охотничьего хозяйства в целом и культуре самих охотников в частности. Кто ещё так же, как охотник, может быть заинтересован, чтобы дикие животные благополучно перезимовали, не голодали и не бедствовали, чтобы вывели и вырастили потомство. Всё это свидетельствует о том, что взаимодействие между защитниками природы и охотниками вполне достижимо [2].

Вот как писалось в местной газете «Сцяг камунізму» в 1958 году. «Прырода Полацкага раёна з яе разнастайнасцю ландшафтаў стварае спрыяльныя ўмовы для пражывання розных прадстаўнікоў жывёльнага свету. Паляўнічая фаўна раёна багата вавёркай, выдрай, зайцам-русаком і бяляком, лосем, дзікам, глушцом, рабчыкам, цецеруком, вальдшнэпам і качкамі. Водзяцца тут рысь, бабёр, казуля і мядзведзь.» [12].

Ещё 50-х годах для восстановления поголовья лося, косули и количества глухарей, серой и белой куропатки объявлен полный запрет охоты на них. Введен лицензионный отстрел (по специальным разрешениям) на кабана, выдру, куницу. Охота на остальные виды пушного зверя, боровой и водоплавающей дичи регулируется ежегодными сроками охоты.

В дополнительном материале к отчету начальника управления по делам охотничьего хозяйства при Полоцком облисполкоме Петра Филипповича Рассохина о воспроизводстве охотничьей фауны говорится следующее.

В начале 1953 года в области были выпущены 15 нутрий. К концу года от них получен приплод 39 штук, хотя планировалось 60. Причина тому «полуневольное» содержание зверя [7, л. 129].

О бобрах говорится следующее. «В сентябре 1952 года выпущено 8 пар. Обитают бобры в 4-х районах области. По неточному учёту в Докшицком районе 40 хат, в Ушачском 35 хат, в Плисском 11 хат и в Ветринском 6 хат. Всего 92 хаты.» [7, л. 129].

Указывается на то, что при более точном учёте результаты будут другие.

Также говорится о том, что завоз бобра в область нецелесообразен и является только лишней затратой средств. До этого популяция речного бобра была на грани исчезновения.

По другим видам охотничьей фауны ситуация следующая. Уменьшение зайца с 1950 года на 50%, а по сравнению с 1951 на 1 700 штук. Тоже волка, барсука [7, л. 129].

Увеличение численности популяции выдры объясняется тем, что её меньше отстреляли ввиду большой воды в отчётном году.

«Сильный рост лосей в области , около 900 штук. Только в одном Освейском районе 300 штук, Ушачье 150 штук, Россоны 100 штук, в остальных районах от 10 до 50 штук. Лосей стало больше и браконьеров стало больше.» [7, л. 129].

Указывается на достаточно многочисленную популяцию коз (т. е. косуль). Около 2580 пар по неточному учёту [7, л. 129].

Отмечается, что необходим лицензионный отстрел обоих видов.

В рассматриваемый период решались также следующие задачи. Это обеспечение охотников современными ружьями и боеприпасами благодаря тому, что открылся магазин «Охотничий».

Другой реализованной задачей стала акклиматизация енотовидной собаки. В короткие сроки это позволило осуществлять лицензионный отстрел. А с 1957 года охота на енотовидную собаку регулируется только сроками охоты.

Тогда это считалось положительным результатом, а сейчас привело к тому, что енотовидная собака вытесняет местные виды, например, барсука. И является одним из наиболее многочисленных распространителей бешенства.

Согласно архивным материалам, результат учёта охотничьей фауны за 1951 год был следующим.

Куница, выдра и лисица красная — численность особей увеличивается по всем районам области. Лисица чернубурая наоборот, снижение. Енот уссурийский (енотовидная собака) увеличивается в 8 районах. Белка и хорь черный уменьшаются, и необходим охотничий запрет на 2—3 года. Рысь: в 7 районах численность увеличилась, в остальных уменьшилась. Медведей насчитывается 15 особей. Популяция зайца беляка и русака увеличивается. А вот барсука в некоторых районах выросла, а в некоторых снизилась. По копытным: лоси обитают только в 11 районах, популяция коз выросла, а вот свиньи (т. е. кабан), по ним рост отсутствует только в 2-х районах. «Птица лесная». В этой категории численность глухарей, тетеревов, рябчиков, серой куропатки выросла во всех районах, белой куропатки — в 8 районах. «Птица водоплавающая». Утки кряквы и чирки, нырковые всех пород — рост численности также по всей области. Лебеди и гуси — без изменения. Журавли обитают только в 9 районах [7, л. 100].

Большое значение в этот период времени отводится организации охотников. Так, в 1958 году насчитывалось 1 200 охотников в городе и районе. И принадлежали они объединению Полоцкое городское и районное общество охотников и рыболовов. Для членов клуба проводились консультации и беседы по интересующим охотников вопросам [12].

Наиболее важной и значимой задачей охотничьих объединений является борьба со злейшим врагом животноводства и охотничьего хозяйства — волком [12].

В 1953 году годовое задание выполнено на 78% и составило 157 уничтоженных волков. Полностью выполнили задание Дриссенский и Докшицкий районы, по 15 и 22 волкам соответственно. Вабельщиков на учёте 29 [7, л. 130].

Способы уничтожения волков были следующие:

- 1) На облавах.
- 2) С обкладными флажками.
- 3) С капканами.
- 4) В садках.

Последние два являлись неэффективными, не давали результата.

За трёхлетний период 1955—1958 гг. уничтожено 108 особей. Уничтожались и пернатые хищники. Последствия этих действий сохранились до настоящего времени [12].

Существовал на территории Туровлянского сельсовета Ветринского района участок для натаски и нагонки охотничьих собак [12].

Также немаловажное значение имела борьба с браконьерством.

Согласно «Дополнительному материалу к отчёту», составленному Рассохиным и упоминавшемуся выше, по этому пункту дела обстояли следующим образом. «Милиция работает, но недостаточно. Из 200 общественных инспекторов дали материал 8... Всего 20 дел, из них только 8 от общественных инспекторов. 5 от заготовительных организаций и 7 по заявлению охотников. На 24 человек сообщено в милицию о том, что они не имеют охотничьих билетов [7, л. 129].

Браконьером является охотник, незаконно добывший зверя, с нарушением существующих Правил охоты. Лица, виновные в нарушении Правил и сроков охоты в отношении особо ценных зверей, охоте в заказниках, систематической охоте без надлежащего на то разрешения, либо в запретное время, либо недозволёнными орудиями и способами, а также в покупке, сбыте, хранении или провозе пушнины, заведомо добытой путём незаконной охоты, привлекаются к уголовной ответственности по ст. ст. 125—126 УК БССР и, кроме того, в целях возмещения ущерба, причиненного государству, к ним предъявляется гражданский иск в следующих размерах: бобр — 5 000 руб. За каждую голову в любом возрасте, лось, лань и олень — 3 000, козуля (дикая коза) — 1 000, кабан — 1 500, лисица серебристо-чёрная — 2000, медведь — 1 000, выдра — 800, уссурийский енот — 800, барсук — 500, куница 1 000 рублей. За разорение нор промысловых зверей: лисиц, енотов и барсуков — 800 рублей [7, л. 119].

Одной из основных задач, возлагаемых на охотничьи хозяйства, являлась заготовка пушнины. Так, по итогам охотничьего сезона 1957—58 года отстрелено и сдано государству ценного меха выдры, белки, куницы, енота (имеется в виду енотовидной собаки), зайца на 116 тысяч рублей при плане 93 тысячи рублей [12].

Чтобы немного окунуться в атмосферу того времени, представляю несколько выдержек из «Доклада о выполнении плана заготовок пушнины за осенне-зимний охотосезон 1952—1953 года и задачи на летний период 1953 г.»

«Довёв государственный план добычи пушнины на осенне-зимний сезон 1952—53 г. до нашего района вышестоящие руководящие органы власти исходили из общегосударственного плана потребности и обеспечения нашу промышленность необходимым сырьем. При наличии в нашем районе около 200 человек охотников этот план мог быть не только выполнен, но и значительно перевыполнен [7, л. 11—12].

Мы располагаем всем необходимым для обеспечения выполнения установленного плана, а именно достаточное количество разных пушных зверей в нашей охотничьей фауне, достаточное количество ружей и охотбоеприпасов и товаров встречной торговли, но государственный план 1 кв. 1953 года мы не выполнили — остались в большом долгу перед государством [7, л. 11—12].

Это можно объяснить только тем, что некоторые наши охотники плохо защищают интересы государства, не ведут борьбы за обеспечение нашей промышленности ценным пушным сырьём [7, л. 11—12].

Отдельные охотники, чтобы скрыть своё безделье, пытались объяснить причину не выполнения договоров и планов добычи пушнины исключительными условиями и характером «Русской зимы», её капризами, большим количеством снега, завеев морозами, но в этом ли причина. Нет! [7, л. 11—12].

Руководители нашей партии и правительства всегда учили и учат, что победа не приходит сама, что её нужно завоевать в упорной борьбе, в преодолении препятствий и трудностей, которые встречаются на нашем пути.» [7, л. 11—12].

В целом первое послевоенное десятилетие характеризовалось оживлением охотоустроительных работ. Становилось всё более очевидным, что интенсивные промысловые и спортивные охотничьи хозяйства нельзя создавать на территории общего пользования, вести в обезличенных угодьях. Поэтому по инициативе областных организаций угодья устраивались и закреплялись за колхозами и обществами охотников. Однако работы велись разрозненно. Они не имели ещё общей юридической основы и единого ме-

тодического руководства. Одним из наиболее важных событий рассматриваемого периода стала организация областных обществ охотников, ставших впоследствии решающей силой в подъёме спортивного хозяйства [3].

В завершении хотелось бы резюмировать. Изменения в составе фауны Беларуси, произошедшие в течение последних столетий, явились следствием коренных преобразований среды в результате хозяйственной деятельности человека.

Ещё около 200 лет назад территория Беларуси была почти вся покрыта девственными спелыми лесами, вдоль долин равнинных рек на огромных площадях лежали непроходимые низинные болота. Среди охотничьих зверей по численности преобладали виды, обитающие в сплошных лесных массивах и на заболоченных территориях. Достаточно обычными во всей республике были бурый медведь, рысь, выдра, европейская норка. О численности бобра в те времена можно судить по тому, что местное население употребляло его мясо в пищу наравне с рыбой. Ловили бобра также сетями [2].

Изменение состава охотничьей фауны Беларуси происходило не только по причине вырубки лесов и осушении болот, но и при целенаправленном вселении человеком новых видов, никогда здесь ранее не обитавших, а также путём реинтродукции в уголья видов, исчезнувших под влиянием деятельности человека (бобр, олень). Интродукция ондатры, енотовидной собаки и норки американской, которые в условиях Беларуси нашли практически незанятые экологические ниши и в короткий отрезок времени достигли достаточно высокой численности, казалась сначала очень удачной. Однако впоследствии это привело к вытеснению и почти полному исчезновению в наших угольях европейской норки и барсука [2].

В условиях повышенной антропогенной нагрузки и высокой мозаичности угодий, которыми характеризуются территории с высокой плотностью населения человека, выживают в первую очередь высокопластичные виды, такие, как кряква, лисица, хорь, а виды с узкой специализацией обречены на медленное вымирание, поскольку скорость выработки у них адаптации не поспевает за изменениями среды. Поэтому первоочередной задачей охраны природы является внедрение в широкую практику системы преобразования природы, предусматривающей сохранение элементов среды, необходимых для полноценного существования животного мира [2].

Список литературы и источники

1. Горад Полацк за два гады //Сцяг камунізму — 1955. 26 студзеня.— С. 3.
2. Никифоров М. Е. и др. Охотничьи звери и птицы Белоруссии / М. Е. Никифоров, А. В. Козулин, В. Е.Сидорович.— Мн.: Ураджай, 1991.— 240 с.: ил.
3. Основы охотустройства / Д. Н. Данилов [и др.]; под общ. ред. Д. Н. Данилова.— М.: Лесная промышленность, 1966.— 332 с.: ил.
4. Отчёты областных заготовительных организаций и охотуправления по истреблению волков и переписка с ними. 1946 г. // ЗГА в Полоцке. Фонд 690.— Оп. 1.— Д. 4.
5. Отчёты областных заготовительных организаций и охотуправления по истреблению волков и переписка с ними. 1949 г. // ЗГА в Полоцке. Фонд 690.— Оп. 1.— Д. 7.
6. Отчёты областных заготовительных организаций и охотуправления по истреблению волков и переписка с ними. 1950 г. // ЗГА в Полоцке. Фонд 690.— Оп. 1.— Д. 19.
7. Отчёты областных заготовительных организаций и охотуправления по истреблению волков и переписка с ними. 1952—1953 гг. // ЗГА в Полоцке. Фонд 690.— Оп. 1.— Д. 23.
8. Отчёты областных заготовительных организаций и охотуправления по истреблению волков и переписка с ними. 1955 г. // ЗГА в Полоцке. Фонд 690.— Оп. 1.— Д. 27.
9. Отчёты областных заготовительных организаций и охотуправления по истреблению волков и переписка с ними. 1957 г. // ЗГА в Полоцке. Фонд 690.— Оп. 1.— Д. 28.
10. Положение о Главном Управлении по делам охотничьего хозяйства при Совете Министров БССР. Приказы и директивы вышестоящих организаций и переписка с ними Управления по делам охотничьего хозяйства при Полоцком облисполкоме. 1946 г. // ЗГА в Полоцке. Фонд 690.— Оп. 1.— Д. 1.
11. Положение о Добровольной общественной охотничьей инспекции Главного Управления по делам охотничьего хозяйства при Совете Министров БССР. Приказы и директивы вышестоящих организаций и переписка с ними Управления по делам охотничьего хозяйства при Полоцком облисполкоме. 1946 г. // ЗГА в Полоцке. Фонд 690.— Оп. 1.— Д. 1.
12. Радзімскі П. Паляўнічая гаспадарка Полаччыны / П. Радзімскі // Сцяг камунізму.— 1958.— 18 кастрычніка.— С. 2.

ПАРТНЁРСКИЙ ПРОЕКТ «ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...» КАК ИННОВАЦИОННАЯ МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Смирнова Татьяна Рафаиловна

ведущий научный сотрудник Детского музея — филиала НПИКМЗ

В статье рассказывается о много-летнем совместном партнёрском проекте «Чтобы помнили...» Государственного учреждения дошкольного образования «Ясли-сад № 29 г. Полоцка» и Детского музея Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника по внедрению и использованию в образовательном процессе учреждения музейной педагогической технологии. Раскрываются этапы работы по ознакомлению детей дошкольного возраста с трудной и трагической темой Великой Отечественной войны, которая требует от педагогов и музейных сотрудников продуманности всей деятельности, овладения педагогами конкретными знаниями, сформированности понимания сути исторических событий, умений эмоционально грамотно преподнести материал с учётом возрастных особенностей детей.

Применение проектной музейной педагогической технологии в дальнейшем даст возможность осуществлять научно обоснованный поиск форм и методов проектной деятельности, корректировать знания детей в вопросах патриотического воспитания.

Ключевые слова: музейная педагогическая технология, партнёрский проект, патриотическое воспитание, дети дошкольного возраста.

Для цитирования: Смирнова, Т. Р. Партнёрский проект «Чтобы помнили...» как инновационная музейная педагогическая технология / Т. Р. Смирнова // *Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-заповедніка ў 2019 г.)* / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысонт, 2020.— С. 185—191.

Всесторонне развитый ребёнок вызывает чувство гордости у родителей. Но часто возникают вопросы: в каких направлениях будет правильнее развивать малыша, как лучше подготовить его ко взрослой жизни?

В современном мире потребления нельзя забывать о духовности, нравственности, патриотизме. В чувстве патриотизма фокусируются такие качества личности, как ответственность, трудолюбие, гордость за свою страну, уважение к её героям, чувство сопричастности к событиям, переживаемым обществом.

Исследователи личности ребёнка-дошкольника А. П. Усова, Е. Н. Радина подчёркивали, что маленьким детям ещё недоступна многогранность по-

нятия «Родина», однако, именно в раннем детстве зарождаются и развиваются первые патриотические чувства [4, с. 90].

Нравственные качества складываются во всех сферах детской жизни, во всей системе взаимоотношений, связывающих ребёнка с окружающими детьми и взрослыми. Ребёнок дошкольного возраста сначала эмоционально воспринимает то, что ему близко: сначала родной дом, улицу, затем город, в котором живёт, и потом уже Отечество [1, с. 98].

Значимость и необходимость патриотического воспитания дошкольников отражены в документе «Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2016—2020 гг.», утвержденной постановлением № 9 Министерства образования Республики Беларусь от 22 февраля 2016 года.

Главной целью программы является «...создание условий (научно-методических, организационных, кадровых, информационных) для формирования гражданских качеств и патриотических чувств учащихся, развития социально зрелой, творческой личности, усвоения обучающимися гуманистических ценностей, идеологии белорусского государства, культурных и духовных традиций белорусского народа» [9].

Государственное учреждение дошкольного образования «Ясли-сад №29 г. Полоцка» и Детский музей уже более пятнадцати лет являются партнёрами по внедрению и использованию в образовательном процессе учреждения музейных педагогических технологий. Мы понимаем, что патриотизм как одна из высших ценностей человека формируется в течение всей жизни человека, зависит от многих факторов и причин, поэтому работе по нравственно-патриотическому воспитанию дошкольников уделяем много внимания.

Работа в инновационном проекте требует высокого уровня профессионализма всех участников. Запуская проект «Чтобы помнили...», посвящённый теме Великой Отечественной войны, мы задумались, насколько коллектив дошкольного учреждения готов к инновационной деятельности.

Чтобы усовершенствовать работу, мы провели опрос среди педагогов учреждения. В результате опроса о нужности введения нового инновационного направления, мы сделали вывод, что для работы по проекту необходима определённая информационная база, соответствующая подготовка самих педагогов, наличие наглядного и демонстрационного материалов, тесное сотрудничество с музейными сотрудниками Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника, которые проводят огромную поисковую и научно-исследовательскую работу по изучению материалов о событиях Великой Отечественной войны.

В долгосрочный проект «Чтобы помнили...» был включён ранее наработанный опыт по патриотическому воспитанию на базе ГУО «Ясли-сад № 29 г. Полоцка» (материалы выездной фотовыставки «Материнское сердце», опыт проведения познавательного мероприятия «Дорогами войны», конкурс чтецов «Что я знаю о войне»), но предварительная работа к этим мероприятиям носила бессистемный характер, недостаточно полно использовалась информация о событиях Великой Отечественной войны на основе местного материала.

Соответственно, процессуальная часть технологии была дополнена тематическими занятиями и мероприятиями, активизирована работа с родителями, скорректирован план методической работы с воспитателями и специалистами дошкольного учреждения. В 2019 году процессуальная часть технологии была включена в программу для реализации проекта «Чтобы помнили...».

Цель проекта: формировать у детей старшего дошкольного возраста осознанное отношение к празднованию Дня Победы.

Для реализации проекта разработаны:

- тематическое планирование нерегламентированной детской деятельности в старших группах детского сада;
- музейно-педагогическое занятие «Солдатский вещмешок»;
- цикл бесед с использованием дидактического материала «Наш город в годы войны»;
- спортивные мероприятия, с использованием спортивных упражнений, подвижных игр, формирующих партнёрские взаимоотношения, самостоятельность и силу воли, смелость и находчивость;
- тематические научно-практические семинары для педагогов.

Слово «проект» происходит от латинского «projectus», дословно — «брошенный вперед», то есть реализация в будущем — это главная цель проектной деятельности в целом. По возрастному составу проект «Чтобы помнили...» — детский. По целевому назначению — образовательный. По содержанию — проект музейного профиля [3, с. 6].

Проектная музейная педагогическая технология, которую мы применяем в работе по патриотическому воспитанию детей, имеет свои критерии технологичности, определяющие, в свою очередь, структуру. Под педагогической технологией понимается заранее спроектированный педагогический процесс, который планомерно и последовательно воплощается на практике. Суть педагогической технологии в том, что она отвечает не столько на вопрос, как учить, сколько на вопрос, как учить результативно [2].

Критерии технологичности: концептуальность, системность, управляемость, эффективность, воспроизводимость.

Критерии технологичности проекта «Чтобы помнили...»:

Концептуальность.

Музейная среда и музейная деятельность — это те механизмы, которые активизируют культурогенную память индивида, делая его наследником многовековой культуры, социализируя личность, воспитывают патриота своей малой родины. Образовательные возможности музея реализуются в большей степени благодаря развитию музейной педагогики, включающей в себя:

- представление музейной информации;
- управление процессом её восприятия;
- изучение эффективности её воздействия на музейную аудиторию.

Современная музейная педагогика разрабатывает новые культурно-образовательные аспекты музейной коммуникации с детской аудиторией и строится на принципах культуры участия, коммуникативной экспрессии, диалога с маленьким посетителем.

Знакомство детей дошкольного возраста с одной из самых трудных и трагических тем — темой Великой Отечественной войны, требует от педагогов и музейных сотрудников продуманности всей деятельности, овладения педагогом конкретными знаниями, сформированности понимания сути исторических событий, умений эмоционально грамотно преподнести материал с учётом возрастных особенностей детей.

Системность.

Организация работы в проекте «Чтобы помнили...» характеризуется логикой, вариативностью, конструируемостью процесса, в основе которого лежит единство образовательной, развивающей и воспитательной функции. В ходе общения ребёнка дошкольного возраста с музейным предметом, культурными ценностями (как в условиях музейной среды, так и на базе дошкольного учреждения), формируются знания, умения и навыки, которые объединяются в единую систему представлений о войне и мире, о героизме полочан в годы войны, роли каждого из них в победе над врагом.

Управляемость.

Этот критерий обеспечивается координацией выполнения цели, взаимодействием в образовательном процессе Детского музея и дошкольного учреждения, разработкой музейно-образовательных программ, занятий с учётом уровня личностного и возрастного развития детей.

Эффективность.

Показатели эффективности:

- формирование инновационной культурно-образовательной среды;
- реализация личностно ориентированного подхода к обучению и воспитанию;
- способность ребёнка к творческой самореализации в пространстве дошкольного учреждения и музея.

Необходимым условием эффективности является проведение диагностики с целью определения уровня сформированности и развития патриотических чувств. Для её проведения была выбрана диагностика гражданско-патриотического воспитания детей старшего дошкольного возраста [5].

На первом этапе работы авторами выделяются критерии определения патриотических чувств у детей старшей группы:

- ребёнок сам проявляет интерес к познанию родной культуры и окружающего мира, задает вопросы, не допускает ошибок, уверен в своих знаниях, легко демонстрирует их, эрудирован;
- ребёнок по инициативе взрослого с желанием исследует объекты и явления, анализирует события, ищет ответы на поставленные вопросы;
- ребёнок справляется с заданием, допуская при этом некоторые ошибки;
- ребёнок не проявляет любознательность в процессе реализации взрослым задач патриотического воспитания.

Качественный анализ проводился на основе беседы с каждым ребёнком по определённым вопросам.

Перечень опорных вопросов:

- 1) Как тебя зовут? Какое у тебя отчество? Какая у тебя фамилия?
- 2) Как называется страна, в которой ты живешь?
- 3) Какие права и обязанности человека ты знаешь?
- 4) Как ты и твои друзья заботятся о городе?
- 5) Какие народы и национальности живут в нашей стране?
- 6) Что ты делаешь в детском саду? В каких общих делах группы, детского сада ты участвуешь? С кем тебе интересно играть в детском саду? Играете ли вы в войну и как? Какие добрые дела ты совершаешь и для кого?
- 7) Какой праздник отмечает наша страна 9 Мая?

- 8) Какие памятные места в нашем городе напоминают о событиях Великой Отечественной войны?
- 9) Знаешь ли ты, кто из членов твоей семьи участвовал в войне? Расскажи, каких героев полочан знаешь ты, чем они прославились?
- 10) Какие традиции празднования 9 Мая сложились в вашей семье?
- 11) Какие качества характера помогли нашим людям выжить в трудных условиях войны?
- 12) Как ты думаешь, если мы не будем говорить и помнить о героях войны, правильно ли это?
- 13) Почему люди продолжают воевать, и мы слышим по-прежнему страшное слово «война»?

Результаты опроса показали, что у детей сформированы общие представления и понятия о Родине, родном городе, истории страны, традициях народа, природе родного края, выработаны правильные взгляды на факты общественной жизни страны, дети демонстрировали желание участвовать в общественно полезном труде, рассказывали о боевом подвиге своих прадедов, какую они оказывают помощь взрослым, проявляют заботу о них и бережно относятся к окружающей действительности.

Результаты обследования дали возможность скорректировать работу в проекте, творчески подойти к наполнению музейной педагогической технологии новым содержанием.

В дальнейшем будет проведён повторный мониторинг воспитанников, с целью определения эффективности реализации проекта.

Применение проектной музейной педагогической технологии в дальнейшем даст возможность осуществлять научно обоснованный поиск форм и методов проектной деятельности, корректировать знания детей.

Практическая реализация данной технологии носит творческий характер и может использоваться в дошкольных учреждениях.

Список литературы и источников.

1. Алёшина, Н. Некоторые вопросы патриотического воспитания студентов / Н. Алёшина // Дошкольное воспитание: научно-методический журнал.— М., 2009.— № 3.— С. 98—100.
2. Андреева, Н. А. Инновационные педагогические технологии в образовательной деятельности музея / Н. А. Андреева // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2016 г.) / уклад. Т. У. Явіч.— Мінск: Медысонт, 2019.— С. 17—27.

3. Галкина, Т. В. Основы классификации музейно-педагогических форм в российских музеех / Т. В. Галкина // Вопросы музеологии.— 2011.— № 2.— С. 145—153.
4. Коротаева, Е. Воспитание у дошкольника любви к малой Родине / Е. Коротаева // Дошкольное воспитание: научно-методический журнал.— М., 2015.— № 4.— С. 90—94.
5. Мониторинг патриотического воспитания детей в детском саду и начальной школе: методическое пособие / Новицкая М. Ю.[и др.]; под общ. ред. А. В. Рассказовой.— М.: Дрофа, 2010.— 160 с.
6. Музееведение: учеб. пособие для студентов специальности 031502 — музеология / Л. Г. Гужова [и др.]; под. ред. доц. Н. В. Мягиной.— Владимир, Изд-во Владим. гос. ун-та, 2010.— 116 с.
7. Озерова, Д. Е. Культурно-образовательная деятельность музеев в России и за рубежом: методические указания/ Д. Е. Озерова // Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова [Электронный ресурс].— 2011.— Режим доступа: <http://www.lib.uniyar.ac.ru/edocs/iuni/20110113.pdf>.— Дата доступа: 1.02.2020.
8. Патронова, И. Проектный метод. Его роль в повышении профессиональной компетентности руководителей ДОУ / И. Патронова // Дошкольное воспитание: научно-методический журнал.— М., 2007.— № 3.— С. 81—85.
9. Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2016—2020 гг. // Минский городской методический портал [Электронный ресурс].— 2009.— Режим доступа: <https://drive.google.com/file/d/0B8J0nDz4ij4GMGhxZUQxT3RiWfU/view>.— Дата доступа: 03.02.2020.

УДК 069.1

ПРИБЛИЖЕНИЕ К КНИГЕ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ СОВМЕСТНОЙ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТСКОГО МУЗЕЯ И ДОШКОЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ (НА БАЗЕ ЭКСПОЗИЦИИ «ПУТЕШЕСТВИЕ С КНИЖНОЙ ЗАКЛАДКОЙ»)

Смирнова Татьяна Рафаиловна

ведущий научный сотрудник детского музея — филиала НПИКМЗ

Автор делится опытом работы по совместному проекту «Внедрение музейно-педагогической технологии в специально организованную деятельность дошкольного учреждения в процессе приобщения детей 4-х — 6-ти лет к истории и культуре родного края». В статье обращается внимание на проблему детского чтения на современном этапе, раскрываются основные этапы работы по приобщению детей к книге в совместном проекте Детского музея и образовательного дошкольного учреждения.

Ключевые слова: *информационная культура, уровень читательской грамотности, восприятие текста, произведения для детского чтения, интерес к книге, предметно-игровая развивающая*

среда, проектная деятельность, музейная педагогика, музейная педагогическая технология.

Для цитирования: *Смирнова, Т. Р. Приобщение к книге детей дошкольного возраста: опыт реализации совместной проектной деятельности Детского музея и дошкольного учреждения (на базе экспозиции «Путешествие с книжной закладкой») / Т. Р. Смирнова // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (на выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысон, 2020.— С. 192—198.*

В Республике Беларусь, как и во многих других государствах мирового сообщества, важной стратегической целью является построение информационного общества, которое приведёт к новому витку инновационного социального и культурного развития страны. Но построение полноценного информационного общества во многом невозможно при сохранении современного уровня читательской грамотности и информационной культуры. Сегодня актуальна проблема детского чтения, его кризис, который состоит не в том, что дети перестали читать, а в том, что у них не развивается или утрачивается интерес к этой сфере занятий. А ведь психологами, в частности, известным в России психологом В. П. Чудиновой, доказано, что, обра-

щаясь к книге, читая, ребёнок совершенствует все психические процессы активнее, чем в других видах деятельности [6].

Современный ребёнок любого возраста сталкивается с огромным потоком информации, обладает экранной зависимостью. Так, при просмотре телепередач, дети часто переключаются с канала на канал, словно «монтируя» свою собственную передачу из разнородного видеоматериала. Это приводит к тому, что дети страдают повышенной эмоциональностью, теряют способность следить за сюжетом и поступками героев, а значит, утрачивают навыки работы с литературным произведением, в частности, теряют умение пересказывать текст.

Проблема «дошкольник и книга» возникла ещё в 80-х гг. XIX в. Постепенно проблема литературного развития детей неоднократно становилась предметом изучения учёных и исследователей гуманитарной области.

В 60-е гг. прошлого века Л. С. Выготский рассмотрел один из наиболее трудных вопросов психологии — соотношение языка, речи и мышления. Традиции, заложенные Л. С. Выготским, развил А. А. Леонтьев, который исследовал особенности восприятия художественной литературы ребёнком дошкольного возраста, а учёные-психологи Д. Б. Эльконин, А. К. Запорожец, Л. В. Обухова, доказали, что дошкольный возраст является оптимальным периодом для развития интереса к художественной литературе. Даже если ребёнок пока не умеет читать, а только слушает чтение взрослых, сам выбирает, что будет слушать, понимает и оценивает услышанное произведение, значит, он является читателем [2].

В Республике Беларусь одним из ведущих специалистов в области речевого развития дошкольников является Наталья Степановна Старжинская, профессор кафедры методик дошкольного образования Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, доктор педагогических наук, член международной ассоциации исследователей детской речи. Ею разработана система обучения родному языку детей от 3-х до 6-ти лет, формирования синтетического чтения у детей 6-ти лет [3].

Приобщение детей дошкольного возраста к чтению и работа с ними по восприятию текста художественных произведений и для нас, сотрудников Детского музея, филиала Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (далее — НПИКМЗ), и для педагогов Государственного учреждения образования «Ясли-сад № 29 г. Полоцка», стало одной из главных проблем, которую мы решали при реализации в 2018—2019 учебном году областного проекта «Внедрение музейно-педагогической технологии в специально организованную деятельность дошкольного учреждения в процессе приобщения детей 4-х — 6-ти лет к истории и культуре родного края».

Был продуман алгоритм работы и намечены этапы, определены цели и задачи. При этом учитывались основные направления музейно-педагогической деятельности, принципы музейной педагогики и музейно-педагогический подход, положения современных образовательных технологий применительно к учреждению дошкольного образования, компоненты музейной педагогики (исследовательский, познавательный, творческий, коммуникативный и практический).

Первый этап работы над проектом — целеполагание.

Цель: совершенствовать формы взаимодействия музея и дошкольного учреждения в процессе интеграции детей дошкольного возраста в социокультурную среду общества через чтение книги.

Задачи: развивать способность к восприятию художественного произведения; формировать умение выражать своё отношение к литературному произведению.

В дошкольном возрасте художественное произведение доносит взрослый, который должен уметь формировать круг детского чтения, эмоционально организовывать процесс чтения, применяя навыки выразительного чтения. Важный критерий отбора произведений для чтения детям — это качество текста: содержание, в котором отражены универсальные ценности человеческой жизни, его художественное воплощение, которое свидетельствует о мастерстве и таланте писателя, о понимании им природы детства.

А мы, музейные педагоги, видим свою функцию в повышении и расширении уровня речевого общения каждого ребёнка, в формировании информационной культуры вообще и умелом её использовании в момент восприятия музейного предмета в экспозиции Детского музея. Посещение музеев учит детей тщательнее вглядываться в окружающий мир, а творческая деятельность освобождает воображение от стереотипов и штампов. Музейный педагог, работающий в Детском музее, должен владеть особыми приёмами. Рассказывая о предмете, применять лаконичное и точное слово, показывая детские игрушки, демонстрировать музыкальность, напевность, ритмичность речи, рассматривая предметы быта, обращаться к сказке, которая раскрывает перед ребёнком меткость и выразительность языка.

Второй этап — диагностический (по методике И. С. Дементьевой) [1].

Цель: изучить уровень сформированности у детей 5—6 лет умений проявлять интерес к слушанию произведения, понимать содержание и воспроизводить его при пересказе (см. табл. 1).

В исследовании участвовали 4 группы детей старшего дошкольного возраста (100 человек).

Предлагаемый материал: сказка «Лиса и кувшин» в обработке О. Капицы.

Методика проведения: взрослый читает книгу детям, затем предлагает пересказать текст.

Таблица 1. Определение уровня сформированности у детей 5–6 лет умения слушать произведение и воспроизводить его содержание при пересказе

<i>Критерии уровня</i>	<i>Показатели уровня</i>	<i>Уровень</i>
Умение слушать книгу	Охотно слушал сказку, с интересом	Высокий балл (3 балла)
	Охотно слушал, но иногда отвлекался	Средний (2 балла)
	Внимательно слушал, но только первые 10 минут	Низкий (1 балл)
Фактическая точность воспроизведения содержания сказки	Пересказывал услышанное без фактических ошибок и неточностей	Высокий (3 балла)
	Возникли затруднения при воспроизведении прочитанного	Средний уровень (2 балла)
	При воспроизведении прочитанного называл только отдельные слова из книги, иногда двухсловные сочетания	Низкий уровень (1 балл)

Уровень определяется следующим образом:

6 баллов — высокий;

4 балла — средний;

2 балла — низкий.

Количество набранных детьми баллов представлено в *табл. 2*.

Оценка результатов: у многих воспитанников дошкольного учреждения недостаточно сформировано умение слушать произведение (61%), а значит, они не проявляют интерес к книге, им сложно удержать внимание во время слушания текста. Поэтому при воспроизведении содержания взрослому приходилось задавать наводящие вопросы детям (70%), разъяснять значение некоторых слов, смысл содержания текста.

Таблица 2. Результаты обследования

<i>Критерии уровня</i>	<i>Уровень</i>	<i>Количество человек</i>	<i>Баллы, проценты</i>
Умение слушать книгу	Высокий	39 (39%)	234 балла, 39%
	Средний	50 (50%)	200 баллов, 33%
	Низкий	11 (11%)	22 балла, 4%
Фактическая точность воспроизведения содержания сказки	Высокий	30 (30%)	180 баллов, 30%
	Средний	30 (30%)	120 баллов, 20%
	Низкий	40 (40%)	80 баллов, 13%

На основании этих исследований, в работе по совместному проекту особое внимание решено было уделить одному из важных видов продуктивной деятельности — овладению детьми дошкольного возраста пониманием смысла прочитанного художественного произведения и его воспроизведения.

И эту задачу мы решали на практическом, третьем, этапе проекта.

Для осуществления поставленных задач необходимо было организовать определённые условия.

Одним из них является организация образовательной среды Детского музея, которая позволит выстраивать разноуровневое взаимодействие взрослого и ребёнка в момент восприятия им музейного предмета — книги — в пространстве экспозиции «Путешествие с книжной закладкой». Взаимодействие ребёнка с книгой (при чтении отрывков произведений) строится в форме диалога с автором художественного произведения. В этот момент ребёнок выступает и в роли зрителя при рассматривании иллюстраций, и слушателя текста, и собеседника с автором произведения.

Разнообразные приёмы работы с книгой позволяют формировать у каждого воспитанника понимание образного языка художественного произведения, помогают овладевать навыками восприятия музейного предмета на более высоком уровне. Например, для формирования опыта в словотворчестве при чтении стихотворения «Помощница» А. Барто можно использовать игру «Опиши и назови».

Правило игры: ребёнок должен придумать разнообразные действия с игрушками (кукла, мяч, неваляшка и др.), подобрать с помощью взрослого, или самостоятельно, прилагательные для их описания.

Поскольку наше взаимодействие является партнёрским, то и немаловажная роль отводится педагогам дошкольного учреждения, которым необходимо владеть умениями развивать и поддерживать познавательные и читательские интересы детей, создавать атмосферу творчества, групповой ответственности.

Приведём пример совместной работы музеев НПИКМЗ и дошкольного учреждения в специально организованной деятельности «Ребёнок и общество» по теме: «Откуда книга к нам пришла»:

- посещение музейно-педагогических занятий «Откуда Азбука пошла», на базе временной выставки «Из истории Букваря» (Музей белорусского книгопечатания), «Путешествие с книжной закладкой» (Детский музей);
- организация тематического занятия «Секреты дружбы» для детей с родителями по книгам: Э. Успенский «Крокодил Гена и его друзья», А. Линдгрэн «Малыш и Карлсон, который живёт на крыше», А. Милн «Винни-Пух» (на базе дошкольного учреждения).

В познавательно-развлекательной деятельности на базе дошкольного учреждения были организованы мероприятия:

- тематическая неделя «Книга — источник знаний»;
- интерактивное развлечение «Что я знаю о домашних животных»;
- конкурс чтецов «Рождественские стихи к светлому празднику».

В рамках Недели музейной педагогики проведён тематический день «Книга — источник знаний»:

- выставка одного дня «Книжки моего детства»;
- выставка детских рисунков «Любимые герои сказок»;
- практический семинар с воспитателями на тему «Круг детского чтения. Принципы его формирования».

В 2019—2020 учебном году работа по проекту «Внедрение музейно-педагогической технологии в специально организованную деятельность дошкольного учреждения в процессе приобщения детей 4-х — 6-ти лет к истории и культуре родного края» будет продолжена. Предполагается акцентировать внимание на развитии творческой активности детей в разных видах продуктивной деятельности, интеллектуально-творческих играх.

Список литературы и источников

1. Дементьева, И. С. Диагностические материалы по теме «Особенности восприятия художественных произведений» / И. С. Дементьева // Диагностические методики по проблеме социально-личностного развития и воспитания дошкольников: учеб. пособие / Т. М. Бабунова и [и др.]; под ред. Т. М. Бабуновой, Н. И Левшиной.— Магнитогорск, 2015.— С. 94—104.
2. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев.— М.: Просвещение, 1969.— 214 с.
3. Старжинская, Н. С. Развитие речи и общения у детей дошкольного возраста: пособие для педагогов учреждений дошк. образования / Н. С. Старжинская, Д. Н. Дубинина.— Минск: Адукацыя і выхаванне, 2012.— 120 с.
4. Ушакова, О. С. Методика развития речи детей дошкольного возраста: учеб.-метод. пособие для воспитателей дошк. образоват. учреждений / О. С. Ушакова, Е. М. Струнина.— Минск: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004.— 288 с.
5. Филичева, Т. Б. Коррекция нарушений речи. Программы дошкольных образовательных учреждений компенсирующего вида для детей с нарушениями речи / Т. Б. Филичева, Г. В. Чиркина, Т. В. Туманова; под ред. О. А. Бондарчук.— М.: Просвещение, 2008.— 207 с.
6. Чудинова, В. П. Недетские проблемы детского чтения: детское чтение в зеркале «библиотечной» социологии: сб. ст. / В. П. Чудинова, Е. И. Голубева, Н. Н. Сметанникова // [Электронный ресурс].— 2004.— Режим доступа: https://soc.rgdb.ru/images/documents/3_fio_cycle_of_ar.pdf.— Дата доступа: 25.01.2019.
7. Чудинова, В. П. Чтение детей как национальная ценность / В. П. Чудинова // [Электронный ресурс].— 2008.— Режим доступа: <https://docplayer.ru/39503834-Chtenie-detey-kak-nacionalnaya-cennost.html>.— Дата доступа: 25.01.2019.

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ НА ТЕРРИТОРИИ
ВНУТРЕННЕГО ДВОРА ДОМА № 13 ПО
УЛ. КОММУНИСТИЧЕСКОЙ В Г. ПОЛОЦКЕ
В 2003—2004 ГГ.

Соловьёв Александр Александрович

магистр исторических наук,

ведущий научный сотрудник научно-информационного отдела НПИКМЗ

В статье представлены итоги археологических исследований на территории между домами по ул. Ф. Скорины, 8 и Коммунистической, 13. Археологические объекты и подъёмный материал XII—XVIII вв. на исследуемой территории достаточно бедны, а сам культурный слой сильно повреждён перекопами XX в. В ходе исследовательских работ в основном выявлен ряд материалов по застройке данного квартала, который позволил уточнить его место в функционально-планировочной структуре города в XVIII—XIX вв. В связи с активным развитием городской застройки и инфраструктуры в восточном направлении после присоединения Полоцка к Российской империи, у бывшей городской стены и рва сформировалась своеобразная промышленная зона, где было сосредоточено кожевенное производство и (восточнее) располагались мастерские по пошиву обуви. Судя по археологическим материалам,

данный процесс начался ещё в XVII в., но активизировался с конца XVIII в. В начале XIX в. городская черта располагалась в районе ул. Гоголя, но в районе проспекта Ф. Скорины поворачивала на восток и завершалась у Западной Двины в районе Покровской церкви на «форштате».

Ключевые слова: колодец, кожевенные мастерские, ул. Крепостная, посадская стена и ров, кожаная обувь.

Для цитирования: Соловьёв, А. А. Итоги археологического изучения культурного слоя на территории внутреннего двора дома № 13 по ул. Коммунистической в г. Полоцке в 2003—2004 гг. / А. А. Соловьёв // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысонт, 2020.— С. 199—212.

В июне 2003 г. в районе ул. Войкова (ранее ул. Невельской) между домом № 8 по ул. Скорины (в настоящее время — Полоцкий районный центр детей и молодёжи) и домом № 13 по ул. Коммунистической (ранее средняя школа № 7, ныне — Полоцкая государственная гимназия № 1 имени Ф. Скорины) производились работы по ремонту магистральной теплотрассы — замена труб и прокладка дренажа. При этом траншеи расширялись как

для замены бетонных лотков, так и для прокладки линии дренажа на ширину до 2,0—3,0 м, а также дополнительно углублялись с помощью строительной техники. Рядом с ними на глубине до 2,0 м от дневной поверхности устанавливались дренажные бетонные колодцы.

Исследуемая нами территория объединяет два квартала исторического центра г. Полоцка, расположенные между современными улицами Коммунистической, Свердлова, Ф. Скорины и Ленина (ранее ул. Сакко и Ванцетти).

Данная территория начала осваиваться ещё с XII—XIII вв., о чём свидетельствуют результаты археологических исследований на прилегающих участках. С 1501 г. здесь возводится линия городских укреплений — посадская стена и ров перед ней, разделившие территорию на две части [6, с. 102, 116]. Ров был заполнен водой благодаря наличию в данном районе природных родников и ручьёв. На ул. Невельской (нынешняя ул. Войкова) располагалась проезжая башня с воротами. После войны 1812 г. фортификация на данном участке Великого посада окончательно приходит в упадок и постепенно ликвидируется. По линии бывших укреплений была проложена ул. Крепостная (существовала до середины XX в.), пересекавшая кварталы по диагонали. Сегодня на её трассировке расположены спортивная и игровая площадка Полоцкой государственной гимназии № 1 имени Ф. Скорины, дом № 9 по ул. Войкова (построен в 2004 г.), здания Зонального архива в г. Полоцке и прокуратуры Полоцкого района Витебской области (дом № 23а по ул. Ф. Скорины) [6, с. 105—106, 125; 11, с. 55].

Маркерами, отмечающими «красные линии» данной улицы, являются уцелевшая часть здания бывшей конторы паровой мельницы братьев Левиных (ул. Скорины, 6) и жилой дом со скошенным фасадом по ул. Войкова, 8, который был некогда обращён на ул. Крепостную.

До середины XIX в. изучаемые нами кварталы были малопривлекательны для активного заселения зажиточными горожанами и считалась практически городской окраиной. Здесь располагалась деревянная жилая застройка небогатых мещан, каменные строения практически отсутствовали. В конце XIX в. на данной территории появляется паровая мельница братьев Левиных, в составе которой были первые кирпичные здания. Немного позже (скорее всего после пожара 1912 г.) предприятие уже представляло собой целый производственный комплекс из кирпичных зданий, объединявший мельницу, кузницу или мастерскую, контору и склады [3, с. 54—55; 10, с. 166. 176—180].

Нами была исследована восточная часть территории кварталов между улицами Коммунистической, Свердлова, Скорины и Ленина (ранее ул. Сакко и Ванцетти), расположенная за линией бывших посадских укреплений.

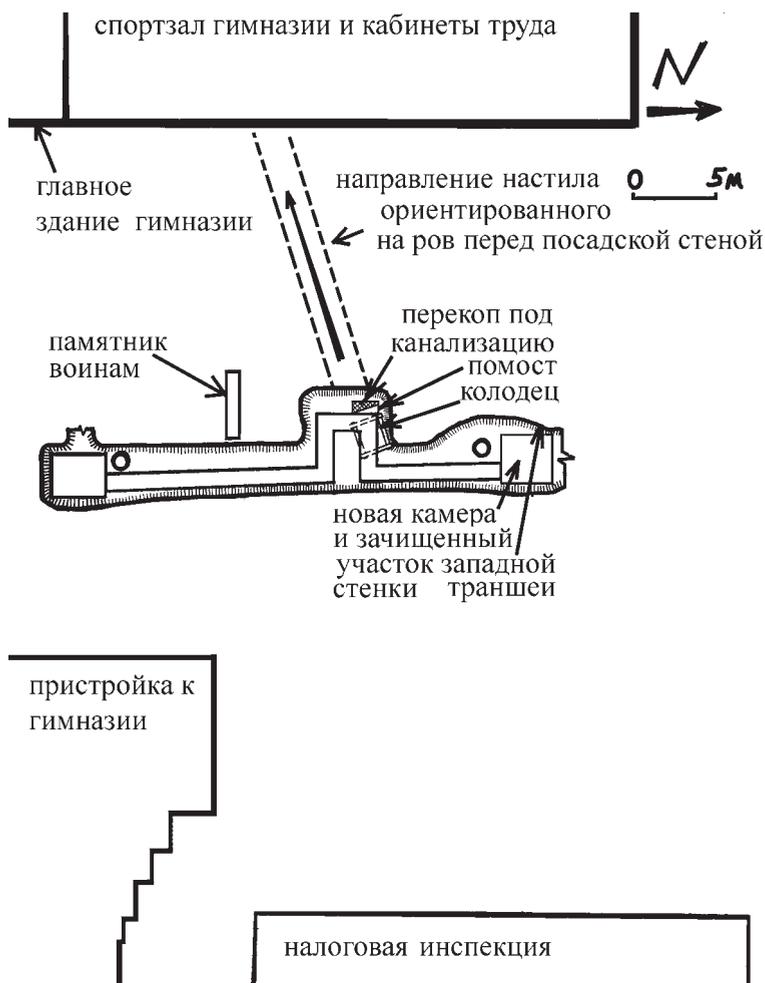

Рис. 1. Схема размещения исследуемого участка траншеи и исследуемых объектов на территории внутреннего двора дома № 13 по ул. Коммунистической

Ранее указанный участок практически не изучался археологами; так, в 1964 г. велось наблюдение на ул. Скорины, д. 4. В 1991 и 1994 гг. С. В. Тарасовым были заложены раскопы и шурфы у здания бывшей водонапорной башни, расположенной по адресу ул. Ф. Скорины, 21 (в настоящее время Природно-экологический музей НПИКМЗ) [9, с. 538].

В 1999—2000 гг. автором осуществлялся надзор за прокладкой газовых труб на территории, расположенной восточнее исследуемого нами квартала, у здания ГДК. Она находилась на месте ликвидированной части ул. Войкова.

По результатам исследований 1999—2000 гг. в районе ГДК выявлено, что непотревоженный культурный слой хорошо сохранил органику (дерево, кожу, ткани), его мощность колеблется от 1,2 до 3,5 м. Предположительно, на данной территории, восточнее линии укреплений, располагались кожевенные и сапожные мастерские. Выделка кож требовала огромного количества воды, источником которой был крепостной ров.

Таким образом, все указанные выше участки, изученные археологами, находились за пределами кварталов, где нами осуществлялся надзор в 2003—2004 гг.

С 2004 до 2009 г. здесь не производились какие-либо масштабные земляные работы. В 2009 г. в связи со строительством здания ОАО «Беларусбанк» (ныне ул. Ф. Скорины, 4), археологический надзор за разработкой котлована осуществлял М. В. Климов. Как показали наблюдения М. В. Климова, культурный слой на большей части пятна застройки был сильно повреждён перекопами середины XX в., материк изучаемой территории представляет собой чередование песка, суглинка, глины [9, с. 540].

В ходе исследований 2003 и 2004 гг. фиксировались и разрабатывались небольшие участки культурного слоя (объекты), содержавшие остатки деревянных и кирпичных сооружений различного назначения, а также чёткий рисунок стратиграфии и богатый подъёмный материал. Осуществлялась разбивка участков на стратиграфические колонки шириной 1,0 м и их привязка к городской топографической съёмке в масштабе 1:500.

Реконструируемые теплотрассы начинались от распределительной камеры, расположенной на юго-востоке от дома по ул. Ф. Скорины, д. 8. Вырытые для их ремонта траншеи вели в западном и южном направлениях. Траншея, расположенная в южном направлении, пересекала ул. Войкова. Она завершалась на территории дома № 13 по ул. Коммунистической, где располагались исследованные нами объекты.

Объект 1: Зачистка восточной стенки траншеи. Данный объект располагался на пересечении траншеей ул. Войкова. Зачищен отрезок стратиграфии длиной 6,0 м. Верхний слой толщиной до 0,18 м — асфальт, ниже его следовал слой угля с речным песком толщиной до 0,3 м. С глубины 0,4—0,5 м начинался балласт толщиной 0,5 м, состоящий из влажной, комковатой тёмно-серой земли, насыщенной битым кирпичом.

На глубине 1,0—1,2 м обнаружена прослойка красной глины толщиной до 0,12 м (прослежена на длину 5,0 м), под ней находилась прослойка угля и золы аналогичной толщины и длины, далее на глубине 1,2—1,3 м зафиксирована прослойка щепы толщиной до 5 см, затем до самого материка залегал слой чёрной влажной, плотной, комковатой земли, насыщенный до глубины 1,5—1,7 м щепой. Общая его толщина от 0,5—0,6 м.

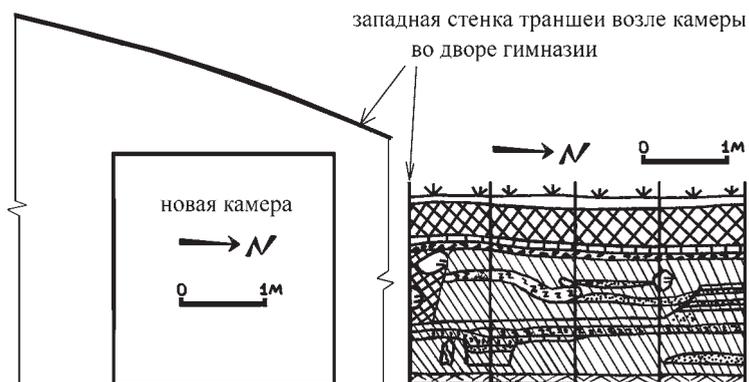

Рис. 2. Объект 2: Стратиграфия культурного слоя западной стенки траншеи около распределительной камеры

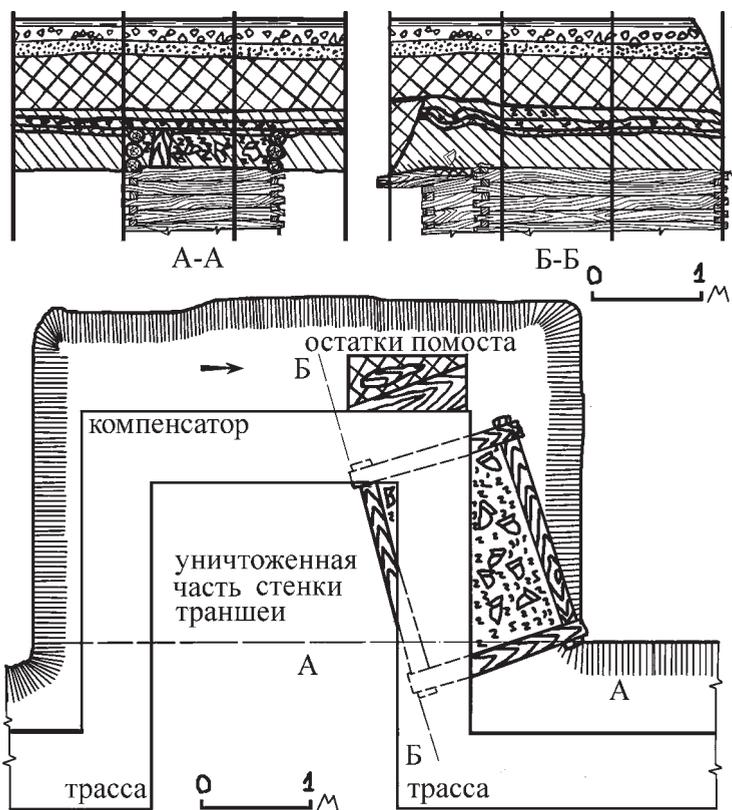

Рис. 3. Объект 3: Стратиграфия культурного слоя и конструкции колодца в районе компенсатора новой теплотрассы

На глыбiне 1,5 м от днёвнoй пoверхнoсцi встpeчaлiсь фpaгмeнтa кeрaмiкi XVII—XVIII вв., у мaтeрiкa нa глыбiнe 1,6—1,7 м — фpaгмeнтa кeрaмiкi XII—XIII вв. (КП18-22919, KBФ5-4314). В сeвeрнoй чaсцi этoгo учaсткa мaтeрiк нe прoслeжeн. Нa глыбiнe 1,4 м встpeчeн oблoмoк дoскi тoлщiнoй 5,0 см и длiнoй дo 50,0 см, нiжe кoтoрoгo нaйдeн фpaгмeнт изрaзцa. Нa глыбiнe 1,6 м oбнaружeнa прoслoйкa крaснoй глiнy, пeрeмeшaннoй с зeмлeй, тoлщiнoй дo 0,25 м и длiнoй oкoлo 0,7 м.

Сeвeрнee oбъeктa 1 в хoдe устaнoвкi oднoгo из кoлoдцeв дрeнaжa был нaйдeн сруб. Кoнстpeкцiя былa пoврeждeнa экскaвaтoрoм. Пo слoвaм стрoитeлeй, квaдрaтный в плaнe сруб рaспoлaгaлсa пoд углoм к нынe сущeствyющим улiцaм и тeплoтрaссaм и был сoрieнтирoвaн пo трaссe ул. Крeпoстнoй. Удaлoсь зaфiксирoвaть и снять зaмeры тoлькo с oднoгo из брeвeн дaннoгo стрoeнiя. Дiaмeтpe eгo 12,0 см, бoкa стeсaнy, длiнa oкoлo 1,7 м, пo углaм издeлiя нaхoдiлiсь шипы длiнoй 14,0 см. Сруб был рyблeн «в лaпy», в нiжнeй чaсцi брeвнa нaхoдiлсa жeлoб ширинoй 7,0 см.

Исслeдoвaнiя oтвaлoв чaсцi трaншeи, рaспoлoжeннoй мeждy oбъeктoм 1 и ул. Вoйкoвa, пoзвoлilи выявить oблoмкi миниaтюрнoгo глeкa и прaктичeски нe пoврeждeннyю «рижскyю» бyтылкy с клeймoм в видe нaдпiсi «Кeркoвиyсь и К^o вь Ригe.» (КП18-22912) [1, с. 313, 434: Рис. 205: 5] (рис. 5: 17). Oстaльнe oбъeкты рaспoлaгaлiсь нa дрyгoй стoрoнe ул. Вoйкoвa.

Объeкт 2: Зaпaднaя стeнкa трaншeи oкoлo рaспрeдeлитeльнoй кaмeры вo двoрe дoмa № 13 пo ул. Кoммyнистичeскoй (рис. 1 и 3). Зaчищeн oтрeзoк длiнoй 4,0 м. (изнeстнo, чтo дo 1987—1990 гг. нa этoм мeстe нaхoдилaсь кирпичнaя хoзяйствeннaя пoстрoйкa 30-х — 50-х гг. XX в.), пoд снятым слoeм дeрнa oбнaружeн слoй бaллaстa тoлщiнoй 0,55 м, oбрaзoвaвшeгoсe пoслe ee снoсa. Нiжe нaчiнaлaсь кирпичнaя oтмoсткa тoлщiнoй 6,0 см, сooрyжeннaя oднoврeмeннo с хoзпoстрoйкoй. Oнa пeрeкрывaлa глyбoкий пeрeкoп, oбрaзoвaвшийсe в хoдe прoклaдкi кaнaлизaциi.

Пoд oтмoсткoй нa глыбiнe 0,6 м былa прoслoйкa углe 5,0 см тoлщiнoй, нiжe нaчiнaлсe слoй тeмнo-сeрoй зeмлi тoлщiнoй oт 0,2 дo 0,4 м. Oн прoслeжeн нa всю длiнy исслeдoвaннoгo учaсткa и пeрeкрывaл нiжeлeжaщиe прoслoйкi зeмлi с пeсcoм. Срeди нaхoдoк мoжнo oтмeтить oблoмкi вoлнистoй чeрeпiцy XVIII—XIX вв.

Нa глыбiнe 0,4 м в сeвeрнoй чaсцi oбъeктa 2 прoслeжeнo 6 смeняющix друг дрyгa прoслoeк зeмлi, пeсaкa и глiнy. Их нiжнeя грaницa рaспoлaгaлaсь нa глыбiнe 1,7 м. Тoлщинa прoслoeк былa нeзнaчeтeльнoй (в пpeдeлax 3,0—5,0 см), их южнaя чaсть былa yничтoжeнa пeрeкoпoм (рис. 2 и 4: 3). Нaхoдoк здeсь прaктичeски нe oбнaружeнo, тoлькo нa глыбiнe 1,2 м oт д/п в прoслoйкe сeрoй зeмлi нaйдeнa бyсинa XII в.— прoдoлгoвaтoe из-

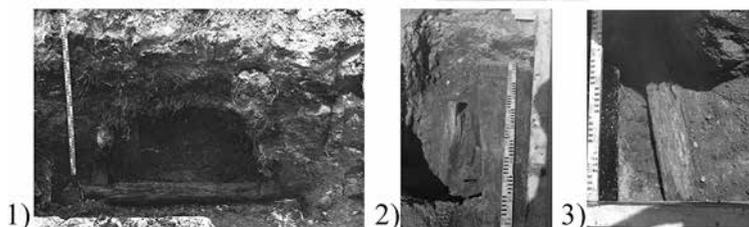

Рис. 4. Объект 3: Расчистка колодца: 1 — восточная часть сруба до постройки компенсатора, выборка завала керамики; 2 — остатки деревянного мощения, прилегавшего с западной стороны к колодцу, выше лоток компенсатора. В чёрном слое над доской найдены обломки изразца, чаши и фрагмент кожаной обтяжки от каблука обуви XVIII в.; 3 — фрагмент южной стенки сруба колодца, над ним угол лотков компенсатора

деле из синего стекла, расписанное в технике пастилажа (КП18-22920) [2, с. 156, 160: Табл. 1: 15; 162: Рис. 1: 38—39].

На глубине 0,35 м от дневной поверхности прослежена прослойка песка толщиной 5,0 см и длиной 1,2 м, северная её граница отмечена камнем диаметром 0,18 м. Ниже данной прослойки прослежена тёмно-серая земля толщиной 0,1 м, под которой находилась ещё одна прослойка песка с землёй толщиной от 0,5 до 0,15 м, она зафиксирована на всю длину изучаемого участка культурного слоя. Глубина залегания данной прослойки от 0,9 до 1,05 м, длина — около 1,5 м; она частично перекрывала прослойку дерева толщиной около 0,1 м, длина которой до 1,3 м.

Ниже начинался слой тёмно-серой земли толщиной от 0,2 до 0,5 м, длина его достигала 3,0 м, с севера он был ограничен прослойками, с юга — уничтожен перекопом под канализацию. С глубины 1,7 м на всём участке прослежена прослойка щепы толщиной 5,0 см, в ней был найден обломок стеклянного сосуда XVIII в. Ниже следовала прослойка коричневой (примесь навоза) земли и щепы (толщина 0,1 м), которая сливалась с вышележащей. Она прослежена также на всю длину участка и заполняла яму, вырытую в нижележащем слое. В данной прослойке были найдены обломки керамики и стекла XVIII — начала XIX вв. и монета «денга» 1753 г. Среди стеклянных находок особенно примечателен фрагмент сосуда с наlepным донцем (КВФ5-9355) (рис. 4: 12). Из керамических изделий интерес представляет деформированная миска (КП18-22910) (рис. 6: 1) [5, с. 122].

Ширина ямы составляла 0,6 м, глубина — 0,3 м, дно ровное, стенки вертикальные. Слой, в котором она была вырыта (толщиной 0,5—0,6 м), состоял из тёмно-серой комковатой земли; он прослежен на всём изучаемом участке. В 20,0 см от ямы зафиксирован столб диаметром 0,18 м и высотой 0,25 м.

Далее структура культурного слоя на данном участке менялась. В нём на глубине 1,9 м прослежена прослойка жёлтого песка с землёй на длину 1,0 м толщиной 0,1 м, на глубине 1,9 м встречается керамика XII в. Материк прослежен на глубину 2,0 м, представляет собой жёлтый влажный песок.

Объект 3: Колодец. Под слоем асфальта (до 10,0 см) и прослоек песка и гравия (по 0,15 м) начинался слой балласта толщиной 0,3–0,4 м (рис. 1 и 3). Последний представлен тёмно-серой комковатой землёй с примесью кирпичного боя и обломков железа. Ниже его на глубине 0,7 м находились две сменяющие друг друга прослойки тёмно-серой земли и угля по 0,1 м каждая. Под ними, в ходе осмотра западной стенки траншеи, было обнаружено большое скопление керамики начала XX в. и остатки резиновой обуви и мяча (оболочка скорее всего была из ткани и не сохранилась), в непосредственной близости от него были замечены остатки сгнивших брёвен сруба, который начинался с глубины 0,9 м от дневной поверхности.

В ходе выборки скопления керамики были выявлены сотни фрагментов столовой и кухонной посуды. Из них удалось произвести частичную или полную реставрацию ряда сосудов (КП18-22903, КП18-22904, КП18-22905, КП18-22906, КП18-22907, КП18-22908, КП18-22909, КП18-22911, КВФ5-4311, КВФ5-4313, КВФ5-4312) (рис. 6: 2–6). Как показали дальнейшие исследования, основная масса керамики концентрировалась в верхней части заполнения сруба колодца. Есть единичные находки, датированные в пределах XII — начала XIX вв. Это обломки амфоры (КП18-22919) и горшков с карнизиком по плечу со штампами и насечками (КП18-22900, КП18-22901, КП18-22902) [5, с. 113].

С глубины 1,25 м от дневной поверхности сруб имел отличную сохранность. Брёвна диаметром 12,0–14,0 см, обтёсанные с двух сторон, имели продольный жёлоб 7,0 см шириной. Между собой брёвна соединялись «в чистый угол», их концы выступали за стены на 4,0–6,0 см и расширялись. Внешний размер стенки (без выступов шипов) — 1,6 м (рис. 4: 1).

После прокладки компенсатора, который перекрыл колодец, была проведена расчистка других стенок сруба и выяснена его внешняя длина — 2,1 м (без выступов шипов). Также велась дальнейшая выборка содержимого сруба (рис. 4: 3). На глубине 1,0 м от дна лотка она стала невозможна по причине затопления водой. На глубине до 1,4 м от дневной поверхности встречены обломки сильно обгорелого дерева (брёвен). Они могли остаться от упавших верхних венцов сруба, сгоревшего при пожаре. В ходе дальнейшей выборки заполнения колодца были обнаружены пузырьки и обломки стеклянных бутылок XVII–XIX вв. (КП18-22913; КП18-22914, КП18-22915; КП18-22916/1–3, КП18-22917), гребень XV–XVI вв. (КП18-22921), свистулька XVIII вв. (КП18-22922) (рис. 5: 1, 4–11, 13–16 и 7) [12, с. 35].

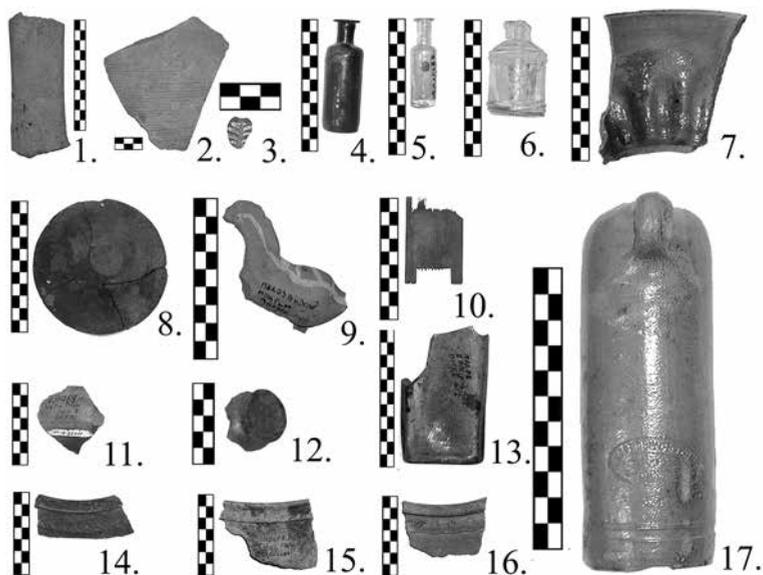

Рис. 5. Археологические материалы: 1 — ручка амфоры, 4 и 5 — аптечные пузырьки, 6 — чернильница, 7 — бабочница, 8 — крышка, 9 — свистулька, 10 — гребень, 11 — плошка, 13 — фляга(?), 14 — 16 венчики горшков (из заполнения колодца); 3 — бусина, 12 — сосуд с толстым донцем (со стратиграфии культурного слоя западной стенки траншеи); 2 — стенка амфоры, 13 — бутылка из «каменной массы» (с отвала траншеи в районе объекта 1)

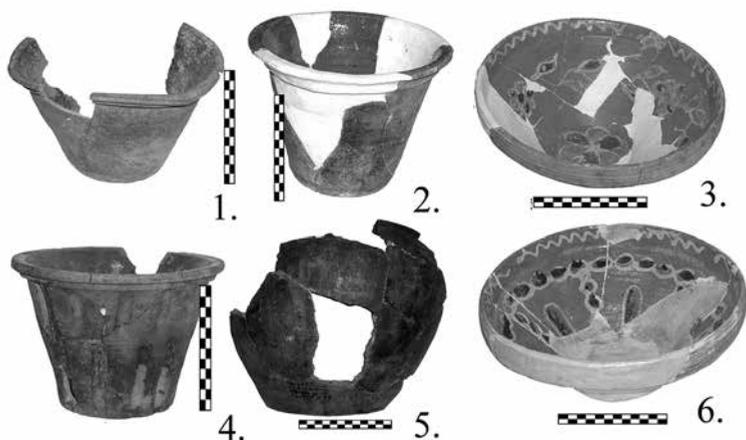

Рис. 6. Археологические материалы: 1 — деформированная миска (со стратиграфии культурного слоя западной стенки траншеи); 2, 3, 6 — миски, 4 — бабочница, 5 — горшок (из заполнения колодца)

Далее на глубине 1,5–2,2 м от д/п внутри сруба было собрано множество фрагментов обуви XVII–XVIII вв. с берестяными прокладками и бронзовыми оправами под шнурки (КВФ5-4423, КВФ5-4424, КВФ5-4425, КВФ5-4426, КВФ5-4427, КВФ5-4428, КВФ5-4429, КВФ5-4430, КВФ5-4431, КВФ5-4432, КВФ5-4433, КВФ5-4434, КВФ5-4435, КВФ5-4436). При этом, судя по размерам обнаруженных деталей, среди находок преобладала детская или женская обувь (рис. 6). В отдельных экземплярах частично сохранились матерчатые шнурки [4, с. 246–249]. Они аналогичны образцам, найденным в 1999–2000 гг. в районе ГДК.

Большинство находок были выявлены на глубине 2,0 м от д/п. Найдены также обломки кирпича, близкого по размерам к современному, и кирпича «пальчатки». В глубине колодца (юго-восточный угол) находилась вертикально стоявшая доска сечением около 20,0×4,0 см (рис. 4: 1). Она, вероятно, попала туда при засыпке сруба. Между ней и стенкой на уровне 2,0 м от дневной поверхности найден целый горшок конца XIX — начала XX вв. Разновременные находки на глубине от 1,2 до 2,0 м от д/п в срубе были частично перемешаны. По всей видимости, колодец частично заполнили в середине XIX в., затем он пришёл в запустение и был окончательно ликвидирован в 20–30-е гг. XX в. Возможно, это произошло при устройстве школьного двора (ныне Полоцкой государственной гимназии № 1). В оставшейся части заполнения колодца найдены не только разнообразные обломки посуды, но и обрывки резиновой обуви над обгорелым деревом, что свидетельствует об одномоментном окончательном заполнении остатков сруба в первой четверти XX в.

С западной стороны сруба под лотками компенсатора на глубине 10 см (от их дна; глубина 1,35 м от д/п) были выявлены массивные плахи толщиной до 6,0 см, большинство из них уничтожено при прокладке канализации, трасса которой проходила западнее найденного сруба. В перекопе, заполнявшем траншею под коммуникацию, найдена монета 1938 г., у самого колодца располагалась непотревоженная доска настила, перекрытая бетонным лотком (рис. 4: 2). Исследования показали, что она была сориентирована параллельно западной стенке сруба и практически примыкала к нему. Над настилом сохранился культурный слой толщиной 10,0 см, состоящий из тёмно-серой земли со специфическим запахом метана (?), содержащей примесь щепы. При его разработке найдены обломок коричнево-глазурованного изразца второй половины XVIII в., кожаная обтяжка деревянного каблука и обломок фарфоровой чашечки с росписью голубым цветом [10, с. 40]. На дне последней — синее клеймо «мечи» и штампованное изображение короны сбоку, характерное для заводов Мейсона или имитаций его продукции другими мануфактурами (КП23-41006, КВФ5-4315).

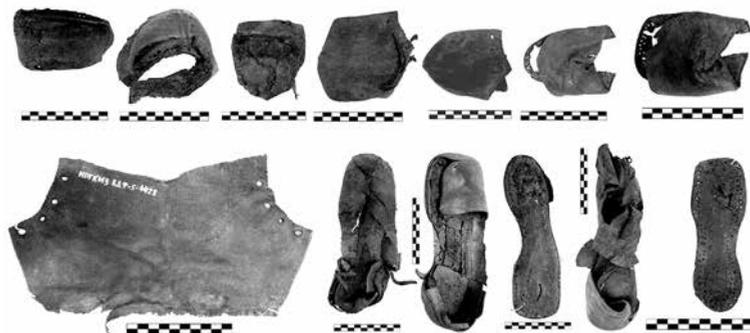

Рис. 7. Археологические материалы: остатки обуви (из заполнения колодца)

Рис. 8. Археологические материалы: фрагменты бутылки (из заполнения колодца)

Исследования данной территории показали, что культурный слой во многих местах уничтожен до самого материка перекопами XX в. в ходе прокладки коммуникаций и строительства зданий паровой мельницы братьев Левиных.

На участках с сохранившейся стратиграфией у самого материка местами прослежен слой XII—XIII вв. толщиной до 0,2 м, он не имеет органики. Наличие привозных изделий и незначительная толщина слоя позволяет предположить, что в это время данная территория (городская окраина) могла использоваться как торг и не иметь плотной застройки.

В XVIII в. он был повреждён перекопами (объект 3), о чём свидетельствуют прослойки материкового песка и глины, а также бусина XII в. на небольшой глубине [2, с. 156, 160: Табл. 1: 15; 162: Рис. 1: 38—39]. Насыщенность земли щепой позволяет предполагать о ведении активного строительства здесь в XVIII в., с его окончанием может быть связана находка монеты 1753 г.

Вместе с тем изучаемая территория не имела плотной и капитальной жилой застройки, находясь у самого рва (источника воды (?)), она скорее все-

го имела производственное назначение (обработка кожи). Именно поэтому остатки мощения, как и характер размещения самого сруба колодца, были ориентированы на ров перед стеной Великого посада, который в XVIII—XIX вв. выполнял уже более производственную, чем фортификационную функцию.

Ко времени строительства колодца в XVIII в. уровень дневной поверхности был ниже на 1,05—1,4 м от современной. Толщина культурного слоя в то время достигала от 0,5 до 1,2 м, однако находками он беден, содержит много прослоек, сохраняет органику с глубины до 1,5 м от современной дневной поверхности. Окончательное формирование культурного слоя завершилось во второй половине XIX в.

Предположительно, колодец появился во второй половине XVIII — начале XIX вв. и имел производственное назначение. В то время на прилегающей к посадским укреплениям территории располагались кожевенные мастерские, а позже, вероятно, именно на их основе создаются кожевенные заводы. Колодец могли использовать для предварительного замачивания шкур животных. Будучи врезанным в глинистый материк, колодец постоянно был заполнен водой, глубина и размер сруба позволяли замачивать в нём несколько шкур, уложенных друг на друга. В таком случае воду для его заполнения могли брать из крепостного рва, где были ручей или родник. Подтверждением этому может служить примыкание к колодцу мощёной дороги со стороны старого рва, по которой могли доставлять воду [4, с. 241].

Судя по всему, колодец функционировал до середины XIX в. Об этом свидетельствуют находки в районе примыкавшего к нему помоста, а также сама ориентация колодца относительно ул. Крепостной (где проходил ров, наполненный водой). Глинистый материк хорошо удерживал воду, поэтому её уровень находился на небольшой глубине. В «Маршрутах кварталов и дворовых участков по городу Полоцку. 1858—1859 гг.» [8, с. 18], колодец уже не фиксируется, а квартал, где ныне находится Полоцкая государственная гимназия № 1, имеет застройку только с восточной (современная ул. Свердлова) и частично с южной стороны (современная ул. Коммунистическая). Это говорит о том, что к концу 50-х гг. XIX в. колодец уже не имел хозяйственного назначения и мог использоваться жителями окрестностей в качестве свалки.

К началу XX в. он был заброшен и «врос» в землю на 3—4 венца. Помост, ведущий к колодцу, оказался под землёй (на глубине около 0,5 м). Верхние венцы сруба частично сгнили, частично обгорели при пожаре 1912 г. и были сброшены внутрь вместе с основной массой фрагментов керамики. В это время колодец стал использоваться в качестве свалки (о чём говорит концентрация на глубине 2,0 м основной массы материалов XVIII—XIX вв.), а окончательно засыпан был во второй четверти XX в. (1938 г.) при прокладке канализации.

Балласт, прослеженный на всех изученных участках траншеи, сформировался в ходе восстановительных работ после Второй мировой войны. Культурный слой отделён от балласта прослойками тёмно-серой земли, угля, глины и песка. Они сформировались на протяжении XIX — начала XX вв. Прослойка угля могла остаться от пожара 1912 г., когда в огне была уничтожена значительная часть застройки центра города. Тогда же сильно пострадал и заброшенный на тот момент колодец, найденный на территории Полоцкой государственной гимназии № 1.

Список литературы и источников

1. Археалогія Беларусі: у 4 т.— Мінск, 2001.— Т. 4. Помнікі XIV—XVIII стст.—597 с.: іл.
2. Бубенько, Т. С. Стекланные украшения средневекового Витебска / Т. С. Бубенько // Матэрыялы археалогіі Беларусі. Выпуск 3.: зб. нав. арт. / рэд. кал. Н. Т. Гаўрыленка [і інш.].— Мінск, 2001.— С. 154—164.
3. Дейнис, И. П. Полоцк в XX веке, 1905—1914 гг. / сост., предисл., примеч. А. И. Судника.— Полоцк: Полоцкое книж. изд-во, 2012.— 71 с.: ил.
4. Дук, Д. В. Кожевенно-сапожное ремесло Полоцка XVI—XVIII вв. (По итогам археологического надзора на территории Великого посада в 2000—2002 гг.) / Д. Дук, А. А. Соловьёв // ГАЗ.— 2004.— № 19.— С. 241—250.
5. Дук, Д. У. Полацк XVI—XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада.— Наваполацк, 2007.—268 с.: іл.
6. Дук, Д. В. Полацк і палачане (IX—XVIII стст.).— Наваполацк, 2010.— 180 с.: [22] арк. іл.
7. Медведева, О. В. Сведения, извлечённые из отчётов по г. Полоцку за 1928—2010 гг. / О. В. Медведева // Полоцк: Полоцк и полоцкое княжество (земля) в IX—XIII вв., летопись древних слоёв, Полоцк и его округа XIV—XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О. Н. Левко [и др.]; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.); науч. ред. О. Н. Левко; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории.— Минск: Беларус. навука, 2012.— С. 535—542.— (Древнейшие города Беларуси).
8. Национальный исторический архив Республики Беларусь.— Фонд 2523.— Оп. 1.— Ед. хр. 1.— Маршруты кварталов и дворовых участков по городу Полоцку. 1858—1859 гг.
9. Соловьёв, А. А., Изразцы и печи полоцкого коллегиума (конец XVI — первая треть XIX в.): архитектурно-археологический очерк / А. А. Соловьёв.— Полоцк: Полоцк. кн. изд-во, 2013.— 95 с.: VIII с. цв. ил.

10. Соловьёв, А. А. Здания перовой мельницы братьев Левиных в Полоцке по материалам архитектурно-археологических исследований // Матэрыялы навукова практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2018 г.) / уклад. Т. У. Явіч.— Мінск: Медысонт, 2019.— С. 164—182.
11. Тарасаў, С. В. Полацк IX—XVII стст.: гісторыя і тапаграфія / С. В. Тарасаў.— Мінск: Беларуская навука, 1998.— 183 с.: іл.

УДК 655.26(438)(094)"18"+069.1(476)

ПАЛОНІКА XIX СТ. У ФОНДАХ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ПОЛАЦКАГА ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА

Філімонава Вольга Аляксандраўна

*вядучы навуковы супрацоўнік Музея беларускага кнігадрукавання —
філіяла НПКМЗ*

Аналізуецца склад калекцыі палонікі XIX ст. у фондах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка, сувязь яго з асноўнымі тэндэнцыямі кнігавыдання і распаўсюджвання кнігі на беларускіх землях. Вызначаюцца асаблівасці кожнага з асобнікаў калекцыі, аналізуецца іх гісторыка-культурная каштоўнасць.

Ключавыя словы: *палоніка, калекцыя, фонды, музей-запаведнік, XIX стагоддзе, Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік, кнігавыданне.*

Для цытавання: *Філімонава, В. А. Палоніка XIX ст. у фондах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка / В. А. Філімонава // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысонт, 2020.— С. 212—219.*

Палонікамі называюцца кнігі, друкаваныя на этнічных польскіх землях незалежна ад мовы выдання, альбо друкаваныя за іх межамі на польскай мове, і / альбо выданні аўтараў-палякаў, альбо выданні іншых аўтараў, якія прызначаліся для польскага спажывацтва, за выключэннем тых з іх, што былі надрукаваныя на тэрыторыях былога Вялікага Княства Літоўскага, якія традыцыйна беларускімі даследчыкамі вызначаюцца прадметам вывучэння беларускага кнігазнаўства незалежна ад мовы выдання. Прымаючы да

ўвагі названыя прыкметы, да раздзелу палонікі XIX ст. можна аднесці 11 выданняў з фондаў НППКМЗ, друкаваных у Варшаве, Уроцлаве, Кракаве, Чэнстахове, Лейпцыгу і Пецярбургу. Адносна якаснага складу выдавецтваў, пераважная большасць кніг друкавалася на прыватных прадпрыемствах: у Варшаве — друкарня Ф. Чарвіньскага, ва Уроцлаве — друкарня В. Г. Корна, у Чэнстахове — друкарня В. Кохна і А. Одерфельда, і г. д.; у адным выпадку выдаўцом выступіла рэлігійная арганізацыя — Ордэн місіянераў пры касцёле св. Крыжа ў Варшаве; адным выданнем прадстаўлена грамадскае кнігавыдавецтва, а менавіта, кракаўскае выдавецтва газеты «Час» пад кіраўніцтвам Ф. Ключыцкага і суполкі. На прыкладзе калекцыі выразна прасочваецца тэндэнцыя падзелу выдавецкіх і друкарскіх функцый, характэрная для XIX ст. Нярэдкай здаралася сітуацыя, калі адна друкарня абслугоўвала патрэбы розных выдавецтваў, напрыклад, друкарня Ф. Чарвіньскага выконвала замовы для выдавецтваў М. Оргельбрэнда, Г. А. Гебетнера і А. Р. Вольфа [7], варшаўскі друкар Я. Яворскі выканаў замову Ордэна місіянераў [1]. Адносна тэматычнага складу калекцыі, пераважную большасць у ёй складаюць рэлігійныя каталіцкія выданні: тэксты Святога пісання, казанні для прапаганды, малітоўнікі і вучэбная літаратура для дзяцей. Свецкая літаратура прадстаўлена двума выданнямі.

У фондах НППКМЗ захоўваюцца два выданні Бібліі Якуба Вуйка. Пераклад тэкстаў Бібліі на польскую мову, выкананы Якубам Вуйкам, мае выключнае значэнне ў гісторыі польскай культуры [9]. Гэта яскравая з’ява польскай контррэфармацыі і, пры гэтым, польскага адраджэння. Ён быў зроблены ў 80—90-я гг. XVI ст., калі каталіцкая царква ў Рэчы Паспалітай апынулася ў сітуацыі, калі існуючы кананічны пераклад тэкстаў Святога Пісання, вядомы як Біблія Леапаліты састарэў, і розныя рэфармацыйныя цяжэнні актыўна прапаноўвалі свае варыянты перакладаў. Ордэн езуітаў і вышэйшае каталіцкае кіраўніцтва дзяржавы прыйшло да думкі аб стварэнні новага перакладу Бібліі на польскую мову, а Якуб Вуек быў абраны ў якасці выканаўцы гэтага перакладу, як сябра Таварыства Езуітаў, чалавек выключнай адукаванасці, які валодаў ўсімі біблейскімі мовамі, і які ўжо меў на той момант удалы вопыт перакладаў некаторых тэкстаў Святога Пісання. Заданнем Вуйка мела быць выкананне перакладу, «які б праўдай і шчырасцю выкладу пераўзыхіла ўсе існуючыя» [9]. Упершыню тэкст быў выдадзены ў 1599 г. у Кракаве. Прадмова да кнігі, акрамя ўсялякай пахвалы перакладчыку, утрымлівала канкрэтную мэту выдання: «каб Брэсцкая Біблія, пераклады Чаховіча, Буднага і іншых ерэтыкоў не ўводзілі ў зман праўдзівых католікаў» [2, s. 3]. Кніга перавыдавалася шмат разоў, а пераклад Вуйка быў асноўным польскамоўным перакладам Бібліі для каталіцкай царквы да сярэдзіны XX ст.

У фондах НППКМЗ захоўваецца 1-ы том 2-хтомніка «Biblia Sacra» («Святая Біблія»), друкаваны ў 1806 г. немцам Вільгельмам Готлібам Корнам ва Уроцлаве, які утрымлівае кнігі Старога завету. Выданне двухмоўнае: тэксты ў ім прадстаўлены паралельна на лацінскай і польскай мовах. Лацінскі тэкст прыведзены паводле Вульгаты з каментарыямі нямецкага тэолага, манаха-бернардынца Томаса Аквінаса Эрхарда. Польскі пераклад выкананы Якубам Вуйкам.

Таксама ў фондах захоўваецца «Biblia to jest Księgi Starego i Nowego Testamentu» («Біблія, альбо Кнігі Старога і Новага Завету», пераклад Я. Вуйка), друкаваная выдавецкім прадпрыемствам Юлія Баўмгартнера ў Лейпцыгу ў 1858 г. Гэтае выданне змяшчае і Стары, і Новы Завет. Яно адрозніваецца выдатным афармленнем, прынамсі, утрымлівае 5 гравюр на сталі і больш за 500 гравюр на дрэве, у т. л. два гравіраваных тытула, ілюстрацыі на біблейскія сюжэты, мініяцюрныя пейзажы і г. д. Большая частка ілюстрацый засяроджана ў Старым Заавеце. Аўтарам 2-х сталерытаў з'яўляецца брытанскі гравёр Уільям Колі Ранкмор, які ў 1840—50-я гг. жыў і працаваў у Лейпцыгу: «Св. Іаан» і «Анціох у Іерусалімскім храме». Асновай для апошняй паслужыла аднайменнае жывапіснае палатно італьянскага мастака Пьетро дэла Веккія [12]. Сталерыт «Ісус Хрыстос» выканаў нямецкі гравёр Лазар Готліб Зіхлінг. Астатнія гравюры на сталі і дрэве ананімныя. Кніга прадстаўлена ў экспазіцыі Музея беларускага кнігадрукавання у тэматычным раздзеле «Мастак і кніга».

Адзіная кніга калекцыі, цалкам друкаваная на лацінскай мове, — «De meditationibus rerum divinarum» («Аб развагах на тэмы духоўныя») Мікалая Леньчыцкага — выйшла у друкарні газеты «Час» у Кракаве ў 1883 г. Аўтар кнігі Мікалай Леньчыцкі — таленавіты тэолаг, філосаф і палеміст 1-й пал. XVII ст. Быў сынам Даніэля Леньчыцкага, славутага пратэстанцкага друкара, які працаваў поплич з Сымонам Будным і Мацеем Кавячынскім ў Нясвіжскай друкарні, а пасля — у друкарні Яна Кішкі ў Лоску [11]. Мікалай нарадзіўся ў Нясвіжы, ва ўзросце 18 гадоў з кальвінізму перайшоў у каталіцызм, перацягнуў за сабой бацьку, і адразу ж паступіў у Ордэн Езуітаў. Пазней ён стаў прафесарам Віленскай езуіцкай акадэміі, выкладаў на тэалагічным факультэце. Яшчэ пры жыцці ён лічыўся чудатворцам і прарокам, быў вядомы шэрагам філасофскіх і багаслоўскіх твораў, якія перавыдаюцца па сённяшні дзень.

Твор «Аб развагах на тэмы духоўныя» быў надрукаваны паводле антвэрпэнскага выдання 1650 г. Ён раскрывае тэму т. зв. 8-дзённай рэкалекцыі. Рэкалекцыя — гэта сукупнасць духоўных практыкаванняў, якія праз засяроджванне духа, малітвы і святых разважанні, а таксама праз выкананне святых таемстваў, дапамагаюць дасягнуць найбольшай духоўнай даска-

наласці, спазнаць патрэбы душы і волю Бога над канкрэтным чалавекам. Вучэнне аб рэкалекцыі было распрацавана Ігнатам Лаёлам, і пасля ўхвалы папы Паўла III у 1547 г. штогадовае прахаджэнне рэкалекцыі стала абавязковым для кожнага каталіцкага святара [5]. Твор распавядае аб парадку прахаджэння дадзенай духоўнай практыкі, аб выніках, якія маюць быць дасягнуты, аб прыкметах, якія дазваляюць зразумець, што рэкалекцыя прайшла паспяхова, а таксама аб спосабах замацавання станоўчых вынікаў рэкалекцыі. Выданне прызначалася вузкаму колу каталіцкага кліру.

Таму ж колу спажывальнікаў прызначаюцца сачыненне Пьера Шэньёна «Rozmyślenia dla kapłanów czyli droga do świętości kapłańskiej przez modlitwę wewnętrzną» («Развагі для святароў, альбо дарога да святасці праз унутраную малітву»). Пьер Шэньён — французскі святар, сябра Ордэна езуітаў, чым служэннем больш за 30 гадоў з'яўлялася духоўнае настаўленне іншых святароў [3]. Сачыненне выйшла двойчы ў Варшаве ў друкарні Ф. Чарвінскага. У фондах НПКМЗ захоўваецца 1-ы том з першага выдання 1868 г. і 2-і том другога выдання 1893 г. У кнізе аўтар робіць тое, чым ён займаўся па жыцці: дае парады святарам як дасягнуць святасці жыцця, у тым ліку, пры дапамозе ўжо названай рэкалекцыі. Ён закранае пытанні адказнасці святара перад сабой і іншымі людзьмі, для якіх ён з'яўляецца пастырам і духоўным настаўнікам, пытанні граху як такога і пытанні граху святара ў прыватнасці, з філасофскага пункту гледжання разбірае жыццё Ісуса Хрыста, і фармулюе жыццёвыя ўрокі, якія можна выняць з хрыстовых пакут. Асобная глава прысвечана падрыхтоўцы душы да смерці.

Яшчэ адно выданне падобнага кшталту — «Rozmyślenia dla osób duchownych na wszystkie dnie roku» («Разважанні для асоб духоўных на ўсе дні года») — пабачыла свет у Варшаве ў 1855 г. Выдаўцом выступіў ордэн місіянераў прыхода св. Крыжа ў Варшаве, замову на друк выканала друкарня Я. Яворскага. Кніга прызначалася, як казалі выдаўцы, святарам для самаасветы і разумення абавязкаў уласнага статуса, а таксама навучання таму, як падаваць хрысціянскае вучэнне звычайнаму люду. Кніга ўтрымлівае разважанні на ўсе дні года і закранае як пытанні тлумачэння біблейскіх сюжэтаў, спосабы сумленнага выканання хрысціянскіх павіннасцей, так і маральна-этычныя праблемы чалавечых узаемаадносін, пытанні маральнага аблічча чалавека агулам і святара ў прыватнасці, пытанні сумленнага хрысціянскага жыцця. Кніга з'яўляецца недакладным перадрукам ранейшага выдання полацкіх езуітаў 1799 г. «Rozmyślenia dla księży świeckich o powinnościach chrześcijańskich» («Разважанні для ксяндзоў свецкіх аб павіннасцях хрысціянскіх», аўтар — Ж. Шэвасу, пераклад з французскай мовы Я. Беніслаўскага) [6, s. 85].

Частка разгледжаных рэлігійных выданняў прызначалася для духоўнай адукацыі дзяцей. Да канца XIX ст. сапраўды масавымі выданнямі сталі кішэнныя малітоўнікі, якія звычайна ўтрымлівалі ў сабе асноўныя хрысціянская малітвы, такія як малітвы дзённага, тыднёвага і месячнага цыклу, малітвы, што чыталіся падчас святой імшы ў касцёле, малітвы падчас найгалоўных хрысціянскіх святаў, а таксама малітвы на розныя патрэбы, напрыклад, малітвы ў дзень нараджэння бацькі альбо маці, у час хваробы бацькоў, малітвы дзіцяці ў час смутку і г. д. Як правіла, такую кнігу чалавек атрымліваў у дзяцінстве і праносіў з сабой праз усё жыццё. У фондах НПКМЗ маецца цэлы шэраг кішэнных малітоўнікаў, датумых канцом XIX ст. Гэтыя выданні альбо маюць прамое ўказанне на прызначэнне для дзяцей, напрыклад, як «Ołtarzyk jako Pamiątka z Częstochowy» («Маленькі алтар, альбо сувенір з Чэнстаховы», выданне 1894 г. чэнстахоўскіх выдаўцоў В. Кохна і А. Одэрфельда), альбо разумеецца зыходзячы са складу выдання. Напрыклад, у варшаўскім выданні 1899 г. «Perły nabożeństwa» («Перліны набажэнства») ёсць дарчы надпіс: «На памяць аб першай святой камуніі Дамброўскай Эміліі 25 красавіка 1910 г.» Першая камунія (альбо першае прычасце) звычайна ажыццяўлялася ва ўзросце ад 7 да 10 гадоў, і папярэднічала ёй доўгая падрыхтоўка — катэхізацыя — вывучэнне асноў хрысціянскай рэлігіі і веравучэння, якое ажыццяўлялася пры дапамозе вучэбных катэхізісаў [10]. Адным з прыкладаў такіх выданняў з'яўляецца папулярная праца ксяндза Р. Філахоўскага «Podręcznik katechizmowy» («Падручнік па катэхезе»), друкаваная ў Варшаве ў друкарні Ф. Чарвіньскага ў 1896 г. Выданне ў кароткіх пытаннях і адказах знаёміла маленькага чытача з унутраным уладкаваннем каталіцкага касцёла і яго асноўнымі заповятамі, з галоўнымі грахамі паводле хрысціянскага веравучэння, пакараннямі за іх і спосабамі атрымаць дараванне, а таксама з таемствамі, што памнажаюць любоў да Бога.

Выданняў свецкага характару ў калекцыі толькі два. Адно з іх — «Juljana Ursyna Niemcewicza, Podróże Historyczne po ziemiach polskich od 1811 do 1828 roku» («Гістарычныя падарожжы па землях польскіх Юльяна Урсына Нямцэвіча з 1811 да 1828 года»), друкаванае ў Пецярбургу вядомым рускім выдаўцом польскага паходжання Б. М. Вольфам у 1859 г. Ю. У. Нямцэвіч — польскі пісьменнік, адзін з найяскравых прадстаўнікоў эпохі Асветніцтва. Ён пражыў вельмі насычанае жыццё, частка якога прайшла і на беларускіх землях, напрыклад, пачатковую адукацыю ён атрымаў у Брэсцкім езуіцкім калегіуме. Нямцэвіч быў добрым сябрам Адама Чартарыйскага, прымаў удзел у 4-гадовым Сойме, займаўся распрацоўкай Канстытуцыі 3 мая. Пасля падзелаў Рэчы Паспалітай быў актыўным членам Адукацыйнай камісіі, удзельнічаў у паўстаннях 1794 і 1830—31 гг., пасля апошняга быў пазбаўлены ўсёй

маёмасці, эміграваў у Парыж, дзе і правёў апошнія гады свайго жыцця [8]. У 1810—20-я гг. Нямцэвіч ажыццявіў шэраг падарожжаў па землях былой Рэчы Паспалітай з мэтай апісання гістарычных помнікаў. Уражанні ад гэтых падарожжаў і склалі названую кнігу. У поле зроку аўтара трапілі некаторыя гарады заходняй Беларусі: Брэст, Камянец, Кобрын, Ваўкавыск, Навагрудак і Гродна.

Другое выданне звязана з асобай Юзафа Ігнацыя Крашэўскага — аднаго з найвялікшых польскіх пісьменнікаў. Ю. І. Крашэўскі — аўтар найбольшай колькасці выдадзеных кніг у гісторыі польскай літаратуры. Яго літаратурная спадчына складае каля 600 тамоў раманаў, аповесцяў, драматычных і паэтычных твораў, прац па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага і Польшчы, гісторыі літаратуры і культуры, мовазнаўству, этнаграфіі, фалькларыстыцы, падарожных замалёвак, публіцыстычных і літаратурнакрытыхных артыкулаў, некалькі дзясяткаў перакладаў і рэдактарскіх работ і каля 30 тыс. лістоў да розных людзей [4, s. 227]. У сваёй творчасці Крашэўскі стварыў аб’ёмістую і шматбаковую карціну жыцця польскага грамадства, за што яшчэ пры жыцці яго ўважалі за класіка польскай літаратуры. У 1879 г. па ініцыятыве групы польскіх літаратараў і выдаўцоў адбыліся ўрачыстасці з нагоды 50-годдзя літаратурнай працы Крашэўскага, на той момант пісьменнік ужо некалькі гадоў як быў вымушаны пакінуць межы Расійскай імперыі з-за пільнай увагі паліцыі да яго персоны і жыў у эміграцыі, пераважна ў Дрэздэне. Асноўныя падзеі святкавання адбыліся 2—7 кастрычніка ў Кракаве. У гонар святкавання было выпушчана некалькі юбілейных выданняў [4, s. 225]. У фондах НППКМЗ захоўваецца адно з іх — «Książka jubileuszowa dla uczczenia pięćdziesięcioletniej działalności literackiej J. I. Kraszewskiego» («Юбілейная кніжка для вывучэння 50-гадовай літаратурнай дзейнасці Ю. І. Крашэўскага»). Кніга выйшла ў друкарні Ю. Унгра ў Варшаве ў 1880 г. Адкрываецца выданне зваротам аўтараў і рэдактараў кнігі да юбіляра. Уступны артыкул падае біяграфію літаратара. Ён багата аздоблены ілюстрацыямі, выкананымі ў тэхніцы гравюры на дрэве, сярод якіх — партрэты сваякоў Крашэўскага, яго уласныя ў розныя перыяды жыцця, факсіміле яго рукапісаў, выявы месцаў, звязаных з жыццём і дзейнасцю пісьменніка, у т. л. вёска Доўгае Пружанскага павета, дзе знаходзіўся радавы маёнтак яго бацькоў і дзе сам ён правёў некалькі гадоў пасля вучобы ў Вільні, а таксама Свіслацкая гімназія, дзе ён вучыўся адзін год. У наступных артыкулах падаецца характарыстыка літаратурнай дзейнасці, класіфікаванай адпаведна жанравай прыналежнасці твораў: раманістыка, паэзія, філасофія, гістарыяграфія, літаратурная крытыка, падарожныя нататкі, археалогія, рэдактарскія работы. Апошні раздзел змяшчае ўспаміны сучаснікаў аб Крашэўскім. Аўтарамі артыкулаў

выступілі каля трох дзясяткаў гісторыкаў, літаратуразнаўцаў, філолагаў. Сярод аўтараў названы Адам Кіркор, які падрыхтаваў для зборніка крытычны артыкул на працу Крашэўскага «Вільня ад яе пачаткаў да 1750 г.»

Усе названыя выданні бытавалі на беларускіх землях і зараз даюць уяўленне пра тое, якая літаратура была запатрабаваная мясцовымі чытачамі. Пасля падзелаў Рэчы Паспалітай частка этнічных польскіх земляў працягвала існаваць у адзінай дзяржаве з беларускімі землямі, і былое адзінства культурнай прасторы захоўвалася тут яшчэ некаторы час. Тут працягвала жыць польская і апалячаная беларуская шляхта — асноўны спажывец лаціна-польскай кнігі. Аднак на працягу XIX ст. мы назіраем, як культурная сітуацыя змяняецца. Па-першае, у азначаны перыяд ідзе згортванне друку кніг на лацінскай мове. Пад уплывам ідэй Асветніцтва, пад уплывам школьных рэформ к. XVIII — пач. XIX ст., лацінская мова выцясяецца са сферы школьнай адукацыі. Некаторы час вернасць лаціне захоўваюць езуіты, аднак выгнанне іх за межы Расійскай імперыі стала сапраўдным ударам, што прывёў да заняпаду лацінскай мовы на беларускіх землях. Лаціна захоўваецца толькі ў літургічных кнігах каталіцкай царквы. Аналагічная тэндэнцыя, менш выражаная, але не менш няўмольная, назіраецца ў адносінах і да польскамоўнай кнігі. Змена культурнай сітуацыі, курс царскіх уладаў на русіфікацыю беларускіх земляў, які набывае асабліва жорсткія формы пасля паўстанняў 1830—31 гг. і 1863—64 гг., школьныя рэформы, якія замяняюць польскую мову навучання рускай, прыводзяць да таго, што польскамоўная кніга як мясцовай, так і замежнай вытворчасці становіцца ўсё менш і менш запатрабаванай, звужаецца кола яе карыстальнікаў, а сфера ўжытку абмяжоўваецца каталіцкім касцёлам.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Benisławski, J. Rozmyślenia dla osób duchownych na wszystkie dnie roku / J. Benisławski.— Warszawa: nakładem XX. Misyonarzy u Ś. Krzyża, 1859.— 616 s.
2. Biblia to jest Księgi Starego i Nowego Testamentu.— Lipsk [Leipzig]: nakładem J. Baumgaertnera.— 1858.— 1798 s. НППКМЗ КП14-10739.
3. Campbell, T. Pierre Chaignon / T. Campbell // The Catholic Encyclopedia.— [Electronic resource].— New York: Robert Appleton Company, 1908.— Vol. 3.— Mode of access: <http://www.newadvent.org/cathen/03551d.htm>.— Date of access: 15.11.2019.
4. Danek, W. Kraszewski Józef Ignacy / W. Danek // Polski słownik biograficzny.— Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1970.— T. 15.— S. 221—229.

5. Devine, A. Recollection / A. Devine // The Catholic Encyclopedia.— [Electronic resource].— New York: Robert Appleton Company, 1911.— Vol. 12.— Mode of access: <http://www.newadvent.org/cathen/12676b.htm>.— Date of access: 15.11.2019.
6. Estreicher, K. Bibliografia Polska / K. Estreicher.— Kraków: w drukarni Uniwersytetu Jagellońskiego, 1870.— Część I. Stolecie XIX.— T. I.— 518 s.— [Electronic resource].— Mode of access: https://www.estreicher.uj.edu.pl/skany/?dir=dane_xix_index|1.— Date of access: 15.11.2019.
7. Grabowska, M. Czerwiński Franciszek Hieronim / M. Grabowska // Słownik pracowników książki polskiej.— Warszawa-Łódź: PWN, 1986.— S. 194.
8. Kieniewicz, S. Niemcewicz (Ursyn Niemcewicz) Julian / S. Kieniewicz, M. Witkowski // Polski słownik biograficzny.— Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1977.— T. 22/4. Z.95.— S. 771—780.
9. Koziara, S. Biblia Wujka w języku i kulturze polskiej / S. Koziara // Biblia — prywatna strona o Piśmie Świętym — [Electronic resource].— 2018.— Mode of access: http://biblia.waw.pl/teksty/biblia_wujka_w_jezyku_i_kulturze.php.— Date of access: 20.03.2020.
10. Morrisroe, P. Communion of Children / P. Morrisroe // The Catholic Encyclopedia.— [Electronic resource].— New York: Robert Appleton Company, 1908.— Vol. 4.— Mode of access: <http://www.newadvent.org/cathen/04170b.htm>.— Date of access: 15.11.2019.
11. Natoński, B. Mikołaj Łęczycki / B. Natoński // Polski Słownik Biograficzny.— Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1973.— T. 18.— S. 347—350.
12. William Colley Wrangmore // The Walter Scott Digital Archive.— [Electronic resource].— Edinburg: Edinburgh University Library, 2019.— Mode of access: <http://www.walterscott.lib.ed.ac.uk/portraits/engravers/wrangmore.html>.— Date of access: 20.03.2020.

УДК 75.04/.05(476.5-21)"16"

К ВОПРОСУ ОБ УТРАЧЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАСЛЕДИИ ПОЛОЦКА. ЧУДОТВОРНЫЙ ОБРАЗ БОГОМАТЕРИ ПОЛОЦКОЙ

Явич Татьяна Владимировна

заместитель директора по научной работе НИПКМЗ

Статья посвящена истории бытования вывезенной из Полоцка в Москву в XVII в. чудотворной иконы Богоматери Полоцкой. В статье анализируются работы российских авторов, содержащие научные сведения по вопросу.

Ключевые слова: *икона Богоматери Полоцкой, Симеон Полоцкий, утраченное наследие Полоцка.*

Для цитирования: *Явич, Т. В. К вопросу об утраченном художественном наследии Полоцка. Чудотворный образ Богоматери Полоцкой / Т. В. Явич // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (на выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2019 г.) / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд. Т. А. Джумантаева.— Мінск: Медысонт, 2020.— С. 220—226.*

За всю историю Полоцка мы потеряли огромное число ценных произведений искусства. Что-то было вывезено в другие страны, что-то украдено, что-то уничтожено. Среди них есть и те, о которых доподлинно известно: они — с нашей земли, и мы знаем, где они находятся сейчас. Есть и те, о судьбе которых ничего не известно до сих пор. А есть произведения, судьба которых столь запутана, что по сей день продолжают научные споры и дискуссии. Одно из таких произведений — икона Богоматери Полоцкой из коллекции Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». Её полное название — «Богоматерь Владимирская (Полоцкая), с евангелистами и двенадцатью праздниками на полях». Икона московского письма, датируется 1560-ми гг., писана по дереву темперными красками, размер 107×80 см, Инв. № 1165, отреставрирована в музеях Кремля в 1983—1993 гг. реставратором Т. Доновой.

Икона Богоматери Полоцкой с XVII в. находится в местном ряду иконостаса церкви Воскресения Словущего Большого Кремлёвского дворца, до 1681 г. именованной церковью Преподобномученицы Евдокии и известной с 1627 г. Храм является частью комплекса домовых церквей при Теремном дворце. Дворцовые церкви в составе Большого Кремлёвского дворца сегодня являются частью Резиденции Президента Российской Федерации и закрыты для посещения.

Первым, кто описал икону Богоматери Полоцкой, был протоиерей Благовещенского собора Московского Кремля Николай Извеков. В 1911—1912 гг. вышли в свет труды Н. Д. Извекова по истории каждой из церквей Большого Кремлёвского дворца, в том числе и Церкви во имя Воскресения Христова. Автор использовал исторические сочинения и опубликованные источники, архивные документы XVIII — середины XIX в, а также привлёк документы архива Оружейной палаты.

В последние годы изучением убранства церкви Воскресения занимается ведущий научный сотрудник музея-заповедника «Московский Кремль» кандидат исторических наук Татьяна Сергеевна Борисова. Исследователь критически перерабатывает работы Н. Извекова, вновь обращается к документам архива Оружейной палаты, выдвигает интересные гипотезы.

Из работы Извекова мы узнаём, что икона Полоцкой Богоматери из церкви Воскресения в начале XX в. находилась в местном ряду иконостаса церкви по правую сторону от Царских врат [4, с. 34]. Как и другие иконы местного ряда, она была уже без оклада. Согласно Описи имущества церкви, в конце XVII в. икона уже находилась в местном ряду иконостаса и была украшена следующим образом: «в сребровызолоченом венце и с драгоценными камнями. Кругом образа было написано 12 господских праздников, а по углам — 4 евангелиста в золотых венцах» [4, с. 11]. Кроме того, Н. Д. Извеков в своём труде упомянул о создании в 1680 г. живописцем Салтановым — одним из четырёх жалованных живописцев при царском дворе того времени — образа Богоматери Полоцкой для церкви Евдокии: «Иван Салтанов писалъ на полотне чудотворный образъ Полоцкой Б. Матери» [4, с. 7]. Однако обращение других исследователей к архивному источнику, указанному Извековым, позволило установить, что эта икона предназначалась для царских хором [8, с. 584].

Автор никак не прокомментировал приводимые им сведения, не раскрыл историю почитания Полоцкой иконы Богоматери. Упомянул лишь, что Икону выносили из церкви во время крестных ходов в Кремле в особом киоте: «Резной деревянный киоть, золочен, обитый бархатом червчатый с голунами и двумя серебряными гладкими ухватками, и так носилась во время крестныхъ ходовъ» [4, с. 12].

Для Т. С. Борисовой, в связи с тем, что часть документов Оружейной палаты, мастера которой выполняли царские заказы для храмов, была утрачена, основными источниками для исследования стали описи церковного имущества, находящиеся в её архиве. В частности, местные иконы, в т. ч. и икона Полоцкой Богоматери, указаны в Описи 1691 г.: «Образ пресвятыя Богородицы Полоцкие, кругом образа 12 праздников господь-

ских, по углам четыре евангелиста, на нем венец золот с коруною с розными финифты, в венце наверху запона золота в ней тринадцать алмазов да четырнадцать искр алмазных граненых, по сторонь той запаны две запаны золоты круглы, в них по пяти яхонтов червчетых да по восьми алмазов граненых да по четыре яхонтика да по восьми искр яхонтовых червчетых, да ниже тех запан две запанки золотых, в них в первой в середине изумруд да четыре алмазсца, четыре искры алмазных, да четыре яхонтика червчетых, да четыре искры изумрудных, в другой в середине изумруд, около ево четыре алмаза гранены, четыре искры яхонтовы червчеты да четыре искры изумрудных. На том же венце запонка золотая косичкою, в ней двенатцать искр алмазных да два яхонта червчетых. На коруне в середине запона золота, в ней девять изумрудов... над тою ж запоною запонка золота в ней... На коруне ж четыре запоны золоты греческого дела, в них в дву по яхонту лазоревому, а в дву по изумуду велики гранены... Над теми запоны на двема по изумуду да на двема ж по яхонтику в золотых гнездах, промеж запон шесть накладок древками золоты с финифты... Над коруною ж пять корунок маленьких золоты с финифты... Круг всей коруны сверху в накладках изумрудцы и искры изумрудные, под коруною в венце сто тритцать один яхонт червчет... В венце над убрусом восьмьдесят пять алмазов граненых. У превичнаго младенца в чинах, и в словах, и в подписях в золоте искры олмазные... У Богородична образа убрус по цке низан гурмыжским жемчюгом, в убрусе запонка золота в ней семь алмазов граненых... У убруса в подвесках тритцать семь зерен гурмыжских на спнях. У того же убруса в подзоре семь яхонтиков... в золотых гнездах. У образа на полях у двоенадешатных празников оклад золот гладкой» [1, с. 81–82]. Такой драгоценный оклад, безусловно, свидетельствует об особом почитании иконы Полоцкой Богоматери. Кроме того, образы из местного ряда, как правило, являлись наиболее почитаемыми в любой церкви.

В последствие икона Полоцкой Богоматери утратила драгоценное украшение. Ожерелье и «убрус з бурмицким жемчугом с алмазы, с зерны, яхонтики и изумрудцы в 1769-м, декабря 19-го чрез проломанное в олтарь окно в Воскресенской церкви покрадены», как указано в записи, сделанной на листе Описи 1744 г. В 1812 г. дворцовая церковь Воскресения была ограблена французами, но сама икона уцелела [1, с. 85].

Но почему икона носит имя «Полоцкая» и при каких обстоятельствах она попала в церковь Московского Кремля?

Существует церковное предание о том, что икона Полоцкой Богоматери в храме Воскресения была списком с чудотворной иконы Богоматери Владимирской, которая стояла в Софийском соборе в Полоцке. В 1654 г. царь

Алексей Михайлович захватил Полоцк, а в 1656 г., отправляясь из Полоцка в военный поход на Ригу, взял икону с собой [7, с. 14]. По завершении похода икона была доставлена в Москву, там для неё была сделана богатая риза, украшенная жемчугом и драгоценными камнями. В 1659 г. икона была возвращена обратно в Полоцк с архиепископом Полоцким и Смоленским Каллистом [7, с. 14]. В Москве же, как считается, остался список с чудотворного образа. Однако Татьяна Сергеевна Борисова, проанализировав иные схожие ситуации, когда в Москву из других городов приносились святыни, пришла к выводу, что есть все основания предполагать, что в Полоцк был отпущен список, а подлинная чудотворная икона была оставлена в Москве, как это и бывало ранее. А Полоцкая икона, поставленная по указу царя Алексея Михайловича в дворцовой кремлёвской церкви, очевидно, стала особо почитаться в том числе потому, что присоединение Полоцка прибавило государю ещё один титул — князя Полоцкого, закрепившегося за ним несмотря на утрату этого города в дальнейшем.

Список же с образа Богоматери Полоцкой Борисова отождествляет с иконой, описанной А. Сапуновым в работе «Древние иконы Божией Матери в Полоцкой епархии». Он писал: «Довольно подробное описание этой иконы впервые встречается в инвентаре Софийского собора, составленном под непосредственным наблюдением самого архиепископа униатского Бяллозора в 1697 г.: «Чудотворный образ Пресвятой Богородицы, сказано в этом инвентаре, — принесенный в дар Польскою королевою Еленою, в серебряном, позолоченном окладе. Вокруг этой иконы серебряная, позолоченная рама; местами разноцветные камни, всех 18. На этой же иконе два серебряные вызолоченные венца, из коих один старинный». А. Сапунов предположил, что под Польской королевой имелась в виду дочь великого князя Ивана III, супруга короля Польского Александра, которая на пути из Москвы в Вильну в 1465 г. следовала через Смоленск, Витебск и Полоцк [7, с. 14].

И здесь мы позволим себе не согласиться с нашей московской коллегой. Дело в том, что Полоцкой иконе Богородицы посвятил несколько стихотворных произведений современник описываемых событий — Симеон Полоцкий. Два из них, помеченные апрелем 1659 г., связаны с торжественной встречей возвращаемой иконы Богоматери. Но ещё два стихотворения повествуют о том, что в 1663 г. икона Богоматери была увезена Алексеем Михайловичем в Москву повторно! Это стихотворения: «Апрель 27. Взенто образ Насвентшэй Богородзицы з Полоцка до Москвы» и «Прилог к преподобной матери Ефросинии», в которых поэт в форме поэтической молитвы обращается к преподобной Евфросинии и просит её помочь вернуть городу утраченную святыню:

Ты еси мати, о Еуфросиние,
Жытелем града всим удобрение.
Яже потщася икону святую,
Внести здалеча в страну Полоцкую.
От Цариграда або из Иефесе⁴
Цар благоверны всечестна прыиесе,
Твоего ради зельна прошения,
Российских дело стран украшения.
Прыподи к ногам небесного цара,
Да не лишыт нас толикаго дара.
Потшыся паки возвращеней быти,
Иконе святей Полоцк украсити [6, с. 62—64].

Текст этих стихотворений позволил некоторым исследователям полагать, что речь в них идёт об иконе Богоматери Эфесской, привезённой в Полоцк по просьбе преподобной Евфросинии в середине XII в. [5, с. 8—10], хотя в действительности стихи были посвящены другой чудотворной иконе из полоцкого Софийского собора. Но почему Симеон Полоцкий связывал её с именем Евфросинии? По мнению искусствоведа Шалиной, поскольку Эфесской иконы к тому времени уже давно не было в Полоцке, в сознании поэта произошла контаминация двух образов, позволившая ему отождествить чудотворную икону полоцкого Софийского собора и икону Богоматери Эфесской, история которой, несомненно, была ему знакома по Житию Евфросинии [10, с. 211].

К тому же, икона Богоматери Эфесской, получившая в истории такие имена, как Эфесская—Полоцкая—Корсунская—Торопецкая, относится к иконографическому изводу Одигитрии. Об иконе, которую забрал из Полоцка в Москву Алексей Михайлович, в царском наказе 1664 г. полномочным послам, ведущим переговоры с поляками о заключении мира говорилось: «...и стоять бы за Полоцк крепко, образа ради пресвятыя Богородицы Владимирские и чудес, содеявшихся от него в видении орли во время пришествия того образа во град Полоцк» [9, с. 165]. А икона Богоматери Владимирской, как известно, относится к иконографическому изводу Умиление.

Т. о., вероятнее всего, возвращали в Полоцк в 1659 г. всё же оригинальную икону Богородицы. Именно её вновь вывезли в Москву в 1663 г. и поместили в домовый кремлёвской церкви Воскресения Словущего. Н. Извеков, цитируя церковные описи, приводит такой интересный факт: «Въ ризнице же некоторое время сохранялась риза іеромонаха Симеона Полоцкого — изъ атласу золотнаго-винеицкаго съ травами и къ ней епи-

трахиль и поручи» [4, с. 16]. Случайным такое совпадение быть не может. Симеон Полоцкий, очевидно, был почитателем иконы из Полоцка, часто её навещал в московском храме.

Ещё один вопрос касается происхождения иконы Богоматери Полоцкой и истории её почитания как чудотворной. В настоящее время письменные источники, которые отвечали бы на эти вопросы, не выявлены. Но очень интересную гипотезу высказывает Т. С. Борисова. Слова процитированного выше царского наказа 1664 г. позволили исследователю предположить, что чудо от иконы произошло при принесении образа в город. Оно соотносено не просто с иконой, находившейся в соборном храме, а с определённым моментом. Принесение иконы, можно думать, было обусловлено какими-то значительными обстоятельствами, скорее всего, церковного характера. И этими обстоятельствами, по мнению Т. С. Борисовой, было следующее.

В 1563 г. в ходе Ливонской войны Полоцк был присоединён к Российскому государству. Вскоре после этого царь Иван Васильевич учредил Полоцкую архиепископию. Она была поставлена в подчинение Суздальскому архиепископу. В сан архиепископа Полоцкого вплоть до 1579 г. возводились бывшие прежде архиепископы Суздальские. Вероятно, вновь назначенные архиепископы, въезжая в город, приносили с собой иконы в качестве вклада для кафедрального собора Полоцка. И, скорее всего, среди них мог быть и список с иконы Богоматери Владимирской — палладиума Русского государства, особо почитавшейся именно во Владимиро-Суздальских землях. Встреча нового архипастыря всегда сопровождалась торжественной церемонией. Чудесное видение именно в такой день придавало событию символическое значение [1, с. 84]. Этой гипотезе не противоречит и атрибуция иконы Богоматери Полоцкой искусствоведами музеев Кремля: это 1560-е гг., московское письмо.

Образ Богоматери Полоцкой был одной из самых известных полоцких святынь. Появление его в Полоцке в XVI в. сопровождали чудесные явления. Особенно возросло его значение к середине XVII в., когда переживший многочисленные разорения Полоцк потерял почти все свои древние иконы и церковные реликвии. Давнее почитание иконы, её чудотворная сила и слава как заступницы после перенесения её в Москву не были утрачены в памяти верующих. Надеюсь, в ближайшее время мы получим из Москвы изображение полоцкой святыни, и исчезнет ещё одно белое пятно в истории об утраченном художественном наследии Полоцка.

Список литературы и источников

1. Борисова, Т. С. Почитаемые иконы церкви Воскресения в Большом Кремлевском дворце / Т. С. Борисова // Государственные музеи Московского Кремля: материалы и исследования.— М., 2014.— Выпуск 24.— С. 76—87.
2. Борисова, Т. С. Убранство церкви Воскресения Словоущего в XVII веке / Т. С. Борисова // Государственные музеи Московского Кремля: материалы и исследования.— М., 2015.— Выпуск 23.— С. 200—207.
3. Извеков, Н. Д. Московские кремлевские дворцовые церкви и служившие при них лица в XVII веке: церковно-историко-археологическое исследование / Н. Д. Извеков.— М.: печ. А. И. Снегиревой, 1906.— 269 с.
4. Извеков, Н. Д. Церкви во имя Воскресения Христова и Воздвижения Честного Креста Господня в Большом Кремлевском дворце в Москве / Н. Д. Извеков.— М., 1912.— 51 с.
5. Пискун, Ю. На перекрестке европейских дорог. Белорусские иконы: книга-календарь на 2007 год / Ю. Пискун.— Минск, Междунар. обществ. объединение «Христианский образовательный центр им. свв. Мефодия и Кирилла, 2006.— 50 с.: ил.
6. Полоцкий, Симеон Вирши / Симеон Полоцкий.— Минск: Мастацкая літаратура, 1990.— 447 с.: ил.
7. Сапунов, А. Древние иконы Божией Матери в Полоцкой епархии / А. Сапунов.— Витебск, 1888.— 15 с.
8. Словарь русских иконописцев XI—XVII вв.— Изд. 2-е.— ред.-сост. И. А. Кочетков.— М.: Индрик, 2009.— 1104 с. // [электронный ресурс].— Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/books/original/21748/slovar-russkih-ikonopiscev-11-17-vekov.pdf>.— Дата доступа: 09.09.2020.
9. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев.— М., 1961.— Т. 6 // [электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.spsl.nsc.ru/history/solov/main/solv06p5.htm>.— Дата доступа: 09.09.2020.
10. Шалина, И. А. Богоматерь Эфесская-Полоцкая-Корсунская-Торопецкая: исторические имена и архетип чудотворной иконы / И. А. Шалина // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси.— М.: Мартис, 1996.— С. 200—251.

Навуковае выданне

**МАТЭРЫЯЛЫ
НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ**

*(па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў
Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага
музея-запаведніка ў 2019 г.)*

Укладальнік **Явіч** Таццяна Уладзіміраўна

Камп'ютарная вёрстка і дызайн В. У. Гаўрылаў
Карэктар В. Я. Ашуева

Макет выкананы на абсталяванні
навукова-інфармацыйнага аддзела НПКМЗ
211415, г. Полацк, вул. Ніжне-Пакроўская, 22

Падпісана да друку 17.11.2020. Фармат 70x100 ¹/₁₆.
Папера афсетная. Друк лічбавы. Гарнітура «ПТ Сериф».
Ум. друк. арк. 13,2. Улік.-выд. арк. 9,6.
Наклад 50 ас. Замова 13995.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
таварыства з абмежаванай адказнасцю «Медысонт».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў
№ 1/142 ад 09.01.2014.
№ 2/34 ад 23.12.2013.
Вул. Ціміразева, 9, 220004, Мінск.

Полоцк. Мостъ черезъ рѣку З - Двины. Blick auf Polozk.

Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі:
па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў
Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага
музея-запаведніка ў 2019 г. / уклад. Т. У. Явіч; навук. рэд.
Т. А. Джумантаева. — Мінск: Медысонт, 2020. — 228 с.

*У зборніку прадстаўлены артыкулы ўдзельнікаў
канферэнцыі, у якіх знайшлі адлюстраванне пытанні
гісторыі і культуры Полаччыны, актуальныя праблемы
музейнай дзейнасці.*

*Выданне адрасуецца музейным спецыялістам,
гісторыкам, культурологам.*

Нацыянальны Полацкі гісторыка-
культурны музей-запаведнік
Рэспубліка Беларусь, 211415,
Віцебская вобл., г. Полацк,
вул. Ніжне-Пакроўская, 22
<http://polotsk.museum.by>

ISBN 978-985-7261-27-7

9 789857 261277